

МЭНЛИ ХОЛЛ

ДВЕНАДЦАТЬ
УЧИТЕЛЕЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Annotation

В книге выдающегося американского исследователя М.П. Холла «Целительство» предпринята попытка собрать воедино разнообразные сведения о теории и практике метафизической медицины и сформулировать некоторые общие неизменные принципы, которыми руководствуется практик в своей деятельности.

Это не официальный или специальный научный труд, а правдивый рассказ о вещах, известных автору по опыту.

- [Мэнли Палмер Холл](#)
  - [ОТ РЕДАКЦИИ](#)
  - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
  - [ЭХНАТОН](#)
    -
    - [Религиозное учение Эхнатона](#)
    - [Цитаты из гимнов Эхнатона](#)
  - [ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ](#)
    -
    - [Цитаты из «Поймандра»](#)
  - [ОРФЕЙ](#)
    -
    - [Учение Орфея](#)
    - [Несколько избранных строк из орфических рапсодий](#)
  - [ЗАРАТУСТРА](#)
    -
    - [Зороастрийская доктрина](#)
  - [БУДДА](#)
    -
    - [Учение Будды](#)
  - [КОНФУЦИЙ](#)
    -
    - [Доктрины Конфуция](#)
    - [Конфуцианские дисциплины](#)
    - [Цитаты](#)
  - [ЛАО-ЦЗЫ](#)
    -

- [Доктрина даосизма](#)
    - [Дисциплины даосизма](#)
  - [ПЛАТОН](#)
    -
    - [Философия Платона](#)
    - [Дисциплины Платона](#)
  - [ИИСУС](#)
    -
    - [Учение Христа](#)
  - [МУХАММЕД](#)
    -
    - [Доктрины Мухаммеда](#)
    - [Цитаты из Мухаммеда](#)
  - [ПАДМАСАМБХАВА](#)
  - [Основные принципы ламаизма](#)
  - [КЕЦАЛЬКОАТЛЬ](#)
    -
    - [Жизнь Кецалькоатля](#)
    - [Фрагменты древней мексиканской метафизики](#)
    - [Выдержки из ацтекской молитвы](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)

Мэнли Палмер Холл
ДВЕНАДЦАТЬ УЧИТЕЛЕЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ОТ РЕДАКЦИИ

Каждый человек рано или поздно задает себе вопрос: откуда он пришел, кто он и куда он уйдет после смерти. Извечные вопросы о смысле жизни человека и всего человечества, о достижении счастья в жизни, волновали всех выдающихся людей, которые оставили след в нашей истории своими неумирающими учениями и которых мы можем назвать своими Учителями. Это Конфуций, Платон, Будда, Иисус, Кецалькоатль, Падмасамбхава, Мухаммед, Лао-цзы, Заратустра, Орфей, Гермес Трисмегист и фараон Аменхотеп IV.

В этой книге собраны сведения о великих людях прошлого, существование которых было доказано, а также приведено множество свидетельств из разнообразных источников о людях, считающихся в наше время мифическими персонажами. Поэтические жизнеописания сменяются строгим изложением философских и теологических теорий, приводятся оригинальные цитаты из наиболее популярных произведений и факты биографий не встречающиеся в общеизвестной литературе.

Вы встретите и мистическое толкование личности Иисуса, которое целиком совпадает с мнением основателя теософского движения Е.П. Блаватской.

Принимая во внимание множество появившихся в наши дни свидетельств проявления человеком необычных сил и способностей, развитие экстрасенсорики, интересно будет ознакомиться с воззрениями Гермеса Трисмегиста на мироздание, изложенные в «Божественном Поймандре».

Самое замечательное, что перед читателем предстает не мертвый, сухой текст, а слова, наполненные жизнью, побуждающие сравнивать давние открытия и мечты человечества и различные явления наших дней. И сравнения эти далеко не всегда в пользу современности. Лишь немногим мистикам удалось проникнуть за завесу и обрести реальность. Иудей, христианин, мусульманин и брамин еще не пришли к согласию. «Сколько же веков должно пройти, прежде чем люди смогут найти миролюбивого Бога, который любит всех своих детей, и сколько веков должно пройти, прежде чем его лети обретут мудрость и мужество жертвовать жизнью, богатством и властью ради духа любви, пронизывающего каждый атом Вселенной?» — спрашивает у нас автор.

Возможно, ответ на этот вопрос читателю поможет найти один из

многочисленных поэтических образов, которые встретятся в книге, подобной прекрасному букету, с любовью собранному из всех цветов, росших когда-либо на нашей Земле.

Н. В. Фролова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мудрость наделяет уверенностью в тревожные времена. Мудрец свободен от тех страхов и терзаний, которые обременяют жизнь людей непросвещенных. В это трудное время все мы нуждаемся в знании и понимании, чтобы, вооружившись ими, мужественно преодолеть все трудности текущих дней. Даже самые просвещенные люди подчас недостаточно уверены в себе или не совершенны в своих суждениях, чтобы жить счастливо, не прибегая к мудрости, накопленной расой.

В каждом поколении появляется несколько человек с более глубоким, по сравнению с большинством, пониманием. Они становятся пророками своего времени и являются вдохновляющим примером для остальных, побуждая их жить по законам более просвещенного общества. История сохранила сведения об очень немногих выдающихся личностях, в полной мере обладавших глубоким умом и духовными качествами, служащими поддержкой цивилизации. Слова этих мудрых добродетельных людей превратились в священное писание для расы, а их суждения и наставления стали законами и уставами, по которым живет человечество. Многие из этих великих людей при жизни никому не были известны, но последующие века раскрыли их величие и вознесли их на высшую ступень почитания человечеством.

Жизнеописания великих учителей являются вдохновляющими свидетельствами бескорыстной преданности делу служения людям. Их учения — это великолепное изложение той универсальной религиозной философии, которая тысячелетиями вела мудрых путями мира и истины.

Нынешнее поколение остро нуждается в необходимом знании, под которым мы подразумеваем знание, ставшее духовным и философским благодаря пронизательности и опыту. Поиски этого знания естественно приводят к великим учителям мира, которые словом и примером заложили прочную основу здания истины.

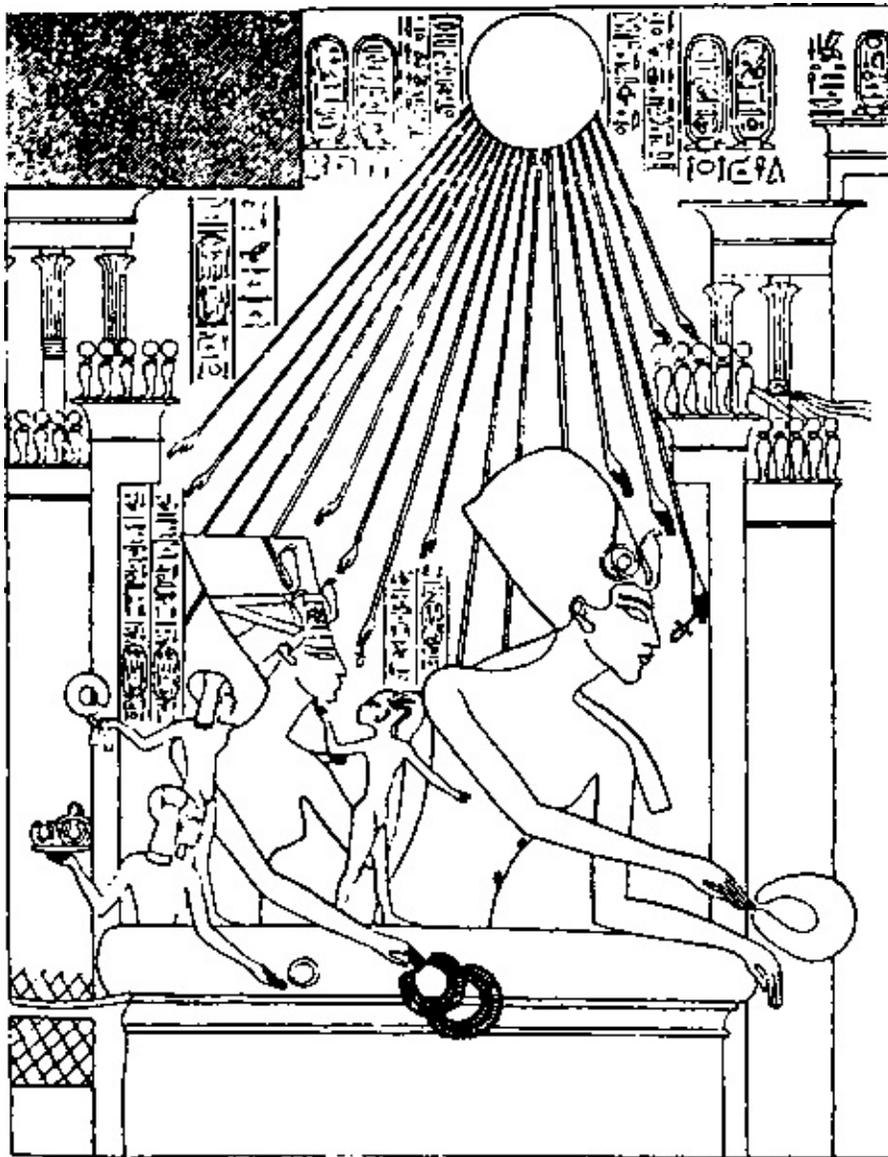
Невероятно трудно выбрать среди благодетелей человечества двенадцать, превосходящих всех остальных. При выборе автор руководствовался желанием включить в это число зачинателей великих общественных движений, повлиявших на судьбы наций и рас. Не подлежит сомнению, что существовали и другие учителя столь же блестящего ума, чья жизнь в равной степени была посвящена истине. Выбор в конечном итоге определили два особых условия: колоссальное религиозное и

социальное значение выдающегося личного мировоззрения и глубокое и конструктивное влияние их учений на подавляющее большинство людей на протяжении многих столетий.

Но даже с этой точки зрения оказалось чрезвычайно трудным ограничить свой выбор двенадцатью учителями. Однако автор уверен, что, поразмыслив о тех учителях, которые включены в эту книгу, читатель поймет, что эти двенадцать избранных — это двенадцать великих источников знания, щедро изливающих бесчисленные потоки добродетели и спокойствия на необозримые пространства человеческой жизни, превращая их в плодородные равнины.

Лос-Анджелес апрель 1937 г. Мэнли Палмер Холл

ЭХНАТОН

Эхнатон с царицей и тремя дочерьми на балконе своего дворца. Эхнатон раздает подарки, а в небе над ним сияет лучезарный Атон, лучи которого заканчиваются человеческими руками.

Аменхотеп IV, золотой сокол, владыка Верхнего и Нижнего Египта, единственный происходящий от Ра, сын солнца, великий во времени, могучий бык, с величественным плюмажем, возлюбленный Аменом-Ра и владыка небес, родился в Фивах примерно в 1388 г. до н. э. Имя Аменхотеп, по-гречески Аменофис, означает «Амон доволен». Этот великий царь был единственным оставшимся в живых сыном Аменхотепа III и его супруги

Тии. По отцовской линии он вел свое происхождение от Тутмоса III, гонителя своих врагов, завоевателя Сирии, разбившего наголову принцев из Захлы. Именно он, Тутмос III, создал империю, рухнувшую в царствование Аменхотепа IV. Говорят, царица Тии, женщина выдающихся способностей, долгие годы правившая как регентша империей, состоявшей из двух частей, по происхождению была сирийкой. По мнению сэра Эрнеста Алфреда Уоллиса Баджа, чужая кровь матери и бабушки Аменхотепа IV вызвала к жизни массу странных идей относительно религии, правления и искусства, овладевших его умом.

Детство фараона, по-видимому, было наполнено постоянной борьбой с телесными недугами, поражавшими очень многих членов его династии. Аменхотеп III по прозвищу Великолепный, вероятно, был неизлечимо болен. Во всем этом роду было принято чрезвычайно рано вступать в брак, и он женился на принцессе Тии в двенадцать лет.

Когда Аменхотеп IV достиг двенадцатилетнего возраста, состояние его здоровья вызывало беспокойство уже не только у членов семьи, но и во всей империи. Если бы он умер бездетным, династия оборвалась бы. Поэтому в вассальных государствах начались поиски подходящей невесты, увенчавшиеся поспешным заключением брака. В те времена царские семьи не отличались крепким здоровьем. Трудно было найти достигших брачного возраста девушек благородного происхождения, поскольку многие умирали в детстве. Принца женили на египетской девушке по имени Нефертити. Она происходила из знатного рода и была дочерью князя Ая. Бракосочетание состоялось, когда фараону было около двенадцати лет, а его невесте девять или десять. Вскоре после женитьбы сына Аменхотеп III умер в возрасте пятидесяти с небольшим лет, оставив престол тринадцатилетнему болезненному юноше, уже обнаруживавшему склонность к видениям и грезам.

Аменхотеп IV не только обладал монаршей властью, но и был верховным жрецом Ра-Хорахти, властелина духов, душ и тел египтян, жрецом-царем величайшей на земле империи. Существует легенда, что царица Тии, мечтавшая о сыне, еще до его рождения пообещала посвятить его служению богам. Правда это или нет, но с раннего детства юный фараон был больше жрецом, чем государственным деятелем, и вполне заслужил титул «великого мечтателя». Артур Вейголл так описывает молодого монарха: «Представьте себе фараона бледным, болезненным юношей. Его голова казалась слишком большой по сравнению с телом; тяжелые веки прикрывали мечтательные глаза. У него были тонкие черты лица, а рот, несмотря на слегка выступающую вперед нижнюю челюсть,

вызывал воспоминания о лучшем, что есть в искусстве Россетти^[1]. По-видимому, он был тихим прилежным мальчиком, мысли которого блуждали в сказочно прекрасных сферах в поисках того счастья, в котором ему отказало его физическое состояние. У него был мягкий характер; его юное сердце переполняла любовь. Очевидно, он наслаждался прогулками в дворцовых садах, с восхищением слушал пение птиц, наблюдал за рыбой в озере, нюхал цветы, следил за порханием бабочек, грелся на солнышке. Его иногда называли «Владыкой сладостного благоухания».

Аменхотеп IV правил Египтом в течение семнадцати лет. В первые четыре года царствования его личная власть была невелика. Фактическим правителем страны была регентша, царица Ти. Ее поражали необычайные умственные способности сына, и она видела в нем силы, более присущие богам, чем человеку. Молодой монарх рано повзрослел и к семнадцати-восемнадцати годам уже стал подлинным правителем своей страны.

Неизбежный конфликт между юным идеалистом и жрецами Амона принял четкую форму на пятом или шестом году его правления. Большинство писателей, сравнивая религиозные идеалы Аменхотепа IV с высшими целями амонизма, высказываются о государственной религии Египта в крайне уничижительных выражениях. Завоевания Тутмоса III и величие Аменхотепа III способствовали наполнению храмов бесценными сокровищами. К тому же возможно, что высокое положение отвлекало жрецов от исполнения их священных обязанностей и открывало возможности для неограниченной коррупции, что подрывало безупречность их культа. Нельзя, однако, сваливать всю вину на жрецов, так как в Египте фараон был и жрецом и монархом, а правитель, приверженный войнам и грабежам, являвшийся к тому же главным жрецом государственной религии, подавал дурной пример остальному жречеству. Можно, следовательно, утверждать, что религии Египта были извращены сверху донизу. Как только духовность угасала в государе, она исчезала и из храмов.

Было бы абсолютно неправильно не признавать огромного духовного значения древнеегипетской религии. Боги различных номов, или провинций, империи являлись символами великих духовных истин жизни. Мистерии Египта принадлежали к числу серьезнейших религиозных институтов, а тайные доктрины Индии и древнего мира хранились в священных храмах египетских храмов.

Изучая религиозные представления Аменхотепа IV, не следует считать его религию совершенно оригинальной. Он создал определенную извращенность и ограниченность государственной религии и, обладая

исключительной духовной проницательностью, пытался исправить эти ошибки, по-новому интерпретируя духовные явления жизни. Теперь трудно сказать, был ли он действительным основателем атонизма или просто поддержал религиозное направление, уже появившееся среди его народа. Конечно, он не придумал название Атон, а скорее придал новый глубокий смысл символам и верованиям, пришедшим из древней египетской истории. Философия этого царя не сразу приняла свою конечную форму, а развивалась постепенно в течение нескольких лет. Весьма вероятно, что в этот период ее раскрытия он пользовался помощью и советами религиозных реформаторов и философов, которые способствовали формированию общей структуры и установлению границ проводимой им реформы. Он отошел от государственной религии, постепенно ломая одну за другой древние традиции империи.

И вот на девятнадцатом году жизни Аменхотеп IV окончательно порвал со жрецами Амона. Он не пытался уничтожить фиванскую иерархию в один момент. Напротив, он утверждал свою веру в окружении противников, подкрепляя ее влиятельностью и авторитетом своего положения как полубога Нила. Именно после этого официального разрыва со старой иерархией он сменил имя. Имя Аменхотеп неразрывно связано с верой в Амона, поэтому оно больше не подходило правителю, который отказался хранить верность старому порядку. Имя, которое он выбрал для себя и под которым его помнят ныне, звучало как Эхнатон, что означает «Атон доволен».

Порвав навсегда со старой религией, Эхнатон вступил на отнюдь не легкий путь. Город его предков сохранял преданность прежним богам. Государственная религия прочно укоренилась в сердцах и жизни людей. Со временем он понял, что должен не только порвать с древней верой, но и покинуть ее столицу и освободиться от всех уз традиций и культуры, сложившихся и процветавших там. Юный фараон выбрал место для своей новой столицы примерно в ста шестидесяти милях от Каира вверх по Нилу. Там он выстроил город Хутэн-Атон — «Горизонт Атона». Явившись на место строительства, он обратился с речью ко всем собравшимся там, и они преклонились перед его волей и воздали ему должное. Вот его слова: «Смотрите, вот город Горизонт^[2] Атона, который я от имени моего Величества построил на века для Атона, как Он того пожелал. Ибо именно он, Атон, отец мой, привел меня в этот Город Горизонта».

На восьмом году правления Эхнатон поселился в этом городе с Храмом Того, Кто не имеет Формы, когда город стал пригодным для жилья. В сопровождении вельмож, несших документы империи, и при

значительном стечении народа он провел церемонию официального открытия новой столицы.

Молодой монарх с царицей и тремя детьми устроился во дворце, украшенном резными изображениями символов его веры. В более свободной и утонченной атмосфере Кутэн-Атона фараон смог по-настоящему утвердить свою религию. Духовное пастырство Эхнатона началось на двадцать втором году его жизни. Там, в тени громадных каменных храмов, родилась доктрина Истинного Атона, вселенского Бога, доктрина, отличавшаяся такой глубиной, что ученые заговорили об Эхнатоне как о первом просвещенном человеке в летописной истории.

Чарлз Ф. Поттер пишет в «Истории религии»: «Он (Эхнатон) был первым пацифистом, первым реалистом, первым монотеистом, первым демократом, первым еретиком, первым гуманистом, первым интернационалистом и первым человеком, о котором известно, что он пытался основать религию. Он родился не вовремя, на несколько тысяч лет раньше, чем нужно».

Преисполненный множества добродетелей, совершенно необычных для его времени, воодушевляемый побуждениями, непостижимыми для его современников, Эхнатон страдал, как приходится страдать всем идеалистам. В период с восьмого по тринадцатый годы правления он, по-видимому, занимался главным образом совершенствованием своей доктрины в построенном им городе. Бадж пишет, что он жил странной жизнью, наполненной пропагандой религии и искусства. Под его благодетельным управлением империя достигла расцвета.

В это время умерла его мать и родилась его четвертая дочь. Тии, царица-мать, очевидно, оказала сильнейшее влияние на политическую позицию сына. Она составляла смягчающую и сдерживающую силу и, весьма вероятно, до самой смерти поклонялась Амону. Уважение к матери удерживало религиозный энтузиазм Эхнатона в определенных границах, но с ее уходом прекратилось и сдерживающее влияние.

Годам к двадцати пяти — двадцати шести Эхнатон, должно быть, осознал, что жить ему в этом мире осталось недолго. Напряжение, создаваемое его сверхактивным умом, постоянно подтачивало его и без того болезненный организм. Поэтому фараону пришлось изменить план действий. Он уже не довольствовался тем, что только его собственный город был предан Истинному Богу, и развернул мощную кампанию по распространению своей религии в городах и провинциях империи. На начальном этапе создания религии он описывал Бога как «Тепло, заключенное в Атоне». Раскрывающееся сознание принесло ему более

полное понимание, и он дал Богу новое определение — «Сияние, исходящее от Атона». Это изменение определенно свидетельствует об углубляющемся духовном понимании и об усилении власти мистических факторов великой теологии.

Вскоре после смерти царицы Тии Эхнатон издал указ об изъятии имени Амона из всех надписей в Египте. Его доверенные лица столь полно и тщательно выполнили свою задачу, что вряд ли осталась хоть одна статуэтка, с которой не было бы стерто ненавистное имя. Была вскрыта даже гробница царицы Тии и уничтожены картуши на футляре с ее мумией. Имена царей, в той или иной форме включавшие слово «Амон», были стерты, а всех, кто носил имя, содержащее это вызывавшее отвращение слово, закон обязывал принять какое-либо иное имя. Эта чрезвычайная мера, вероятно, была следствием сильнейших гонений и осознания фараоном того факта, что довести до конца реформы до того, как он умрет, можно было только самыми решительными действиями.

Эхнатону было около тридцати шести лет, когда родилась его пятая дочь. Верный традициям династии, он мечтал о сыне как о продолжателе его дела, но на четырнадцатом году правления родилась шестая дочь, а в следующем — седьмая, последняя. Так фараон и умер, не оставив наследника.

Домашней жизни Эхнатона уделялось большое внимание. Ни одного фараона, безусловно, не изображали столь часто в непринужденной семейной обстановке. На резных изображениях он часто обнимает свою красавицу-жену Нефертити, и эта поза совершенно необычна для египетского искусства. Нередко эту пару представляли играющей с детьми.

На пятнадцатом году царствования Эхнатон приступил к сооружению своей гробницы, но этому строительству не суждено было завершиться, и в конце концов тело фараона поместили в усыпальницу его матери, где его и нашли в 1907 г.

Последние два года царствования Эхнатона можно было бы охарактеризовать как период разочарования. Созданная им религия оказалась недостаточно сильной, чтобы противостоять вездесущему жречеству Амона. Лишь очень немногие самые умные египтяне могли понять то, чему он учил. Мир оказался не готовым к владычеству любви. В дополнение ко всем остальным затруднениям над страной нависла угроза войны. Вторжение хеттов из Сирии ускорило наступление конца. Появились заговорщики, и вассальные страны, искавшие защиты у Египта, напрасно посылали гонцов. Правители провинций умоляли о помощи в борьбе с захватчиками и предателями, но Эхнатон никак не хотел посылать

войска. Для царя-мечтателя Атон был единственным отцом всех людей, и этот вечно живой Бог не разрешал воевать и мародерствовать. Фараон занимал твердую позицию, но эта непреклонность оказалась совершенно бесполезной. Его города были завоеваны; доходы постепенно перестали поступать, потому что у его управляющих уже не было провинций, которые можно было облагать налогами. И через каких-нибудь два года пышная империя Тутмоса III обанкротилась.

Напряженность этого смутного времени унесла ту толику здоровья, которая еще сохранялась у фараона. Эхнатон умер в то же время, когда рухнула его империя. Похоже, его кончина была внезапной, так как современные ученые, обследовавшие его мумию, полагают, что причиной смерти был удар. Тело не смогло дольше выдерживать тревогу и скорбь разбитого сердца.

В надписи на передней стороне гроба его называют так: «Эхнатон, Прекрасное Дитя Живого Атона, чье имя будет жить в веках». Как удивительно печально, как удивительно прекрасно звучит молитва Единому Вселенскому Отцу, записанная на золотой фольге, найденной под ногами мумифицированного тела Эхнатона:

«Я вдыхаю сладостное благоухание, исходящее из Твоих уст. Я созерцаю Твою красоту каждый день. Как бы я хотел слушать Твой мелодичный голос, даже северный ветер, чтобы мои члены наполнялись жизненными силами благодаря любви к Тебе. Протяни мне Свои руки, несущие Твой дух, дабы я воспринял его и он воодушевил меня. Призови мое имя в вечность, и оно никогда не обманет ожиданий».

Так ушла из этой жизни душа слишком хрупкая, чтобы выдерживать потрясения плоти. Вместе с Эхнатоном ушла и основанная им религия, и построенный им город, и мечта о мире, наполнявшая его сердце. Снова воцарился великий Амон во всем блеске безраздельной власти. С тех пор как Эхнатон вел упорную борьбу с богами Египта, минуло более трех тысяч лет. Лучше всего уважение к нему современного мира, чуть более сведущего в тайнах духа, можно было бы выразить словами профессора Дж. Х. Брестиды: «Вместе с ним почил такой дух, какого мир потом никогда не видывал».

Еще один современный ученый, изучающий философию Эхнатона, миссис Джулия Элсворт Форд, в своей интересной статье «Эхнатон — фараон и пророк» кратко и выразительно определяет место великого фараона в эволюции цивилизации:

«Таким образом, Эхнатон предстает перед нами как одна из самых удивительных фигур, когда-либо являвшихся в этот мир. Он был пророком,

учителем истины и искренности, провидцем, философом, реформатором, замечательным поэтом, архитектором, любителем музыки. Он бесстрашно отверг догму, традицию, суеверие; просто поразительно, он стряхнул их, словно засохшие листья на ветру. Будучи монархом, он тем не менее верил в демократию и заводил друзей среди людей крестьянского происхождения. Во всей истории и романтической литературе не найдется ни одного мужчины, который любил бы женщину более самозабвенно, чем Эхнатон любил Нефертити. Свое положение правителя, свою религию, воздаваемые ему почести — все делил он поровну с ней, «моей замечательной женой Нефертити», как он ее называл. Три тысячи лет тому назад, впервые в истории, в основе правления лежал принцип любви. И не его принципы, а отсутствие принципов у его врагов погубило его».

Религиозное учение Эхнатона

Второе тысячелетие до н. э. было периодом, когда в религии царил полнейшая неясность. Древний мир еще не пришел в себя от крушения культуры Атлантиды. Великие социальные институты доисторических времен больше не определяли общее направление развития империи. Человечество приспособлялось к новому видению и новому кодексу жизни. Мистериальные школы все еще процветали, но адептов было очень мало, и тайная доктрина могла передаваться людям только в форме преданий, символов и этических учений в упрощенном виде. У большинства наций были собственные боги и чисто национальный или родовой взгляд на вопросы религии. Боги Египта были защитниками египтян, но в их сердцах не находилось места для других народов. Индия по-прежнему воздавала должное своим древним пламенным божествам, поклоняясь духам огня и воздуха. Евреи искали милости у своего собственного бога — Владыки Израиля и покровителя их племени. В Греции еще не настал золотой век философии, и оставалось более семи столетий до того, как Будда избавил Индию от неправильных толкований брахманов, а Пифагор возвысил греков над всеми остальными нациями, обладающими философией.

Именно на концепции племенного бога и обрушил Эхнатон всю силу своей внутренней убежденности. Он находился в окружении изваяний и жертвенников, воздвигнутых богам-покровителям и божествам, покровительствовавшим племенам. Голос этого просвещенного фараона зазвучал прекрасным хвалебным гимном единому тайному и вечному духу, который правит всеми людьми. Для него больше не существовало богов Карнака, богов Луксора, богов Фив, больше не было Иеговы, Адониса или Амона-Ра. Был единый бог, и, хотя он имел множество имен, его сущность оставалась неделимой.

Представьте себе двадцатилетнего юношу, рожденного для роскоши и власти, ограниченного хрупкостью тела и неодолимой силой традиции, в русле которой протекала его жизнь, ясно и твердо осознающего духовную истину, которому суждено было перевернуть всю жизнь мира. Подумайте, какое мужество потребовалось, чтобы выстоять в борьбе с богами его отцов и бросить вызов жрецам, которые на века присвоили себе абсолютную власть. Мир не породил более сильного духом человека, чем Эхнатон, Прекрасное Дитя Атона.

Будучи верховным жрецом Ра-Хорахти, Эхнатон часто вглядывался в лицо бога-солнца. Именно размышления о космическом значении солнца неожиданно привели юного мистика к пониманию подлинного смысла света, добра и истины. Он осознал, что солнце озаряет не только Египет и его свет, и тепло хранят не только те города, где его почитают. Его лучи сияют за горами и пустынями. Его свет ободрял варваров и поддерживал даже врагов Египта. Да и служило оно не только человеческим существам. Под его благодатными лучами расцветала вся природа. Цветы раскрывались навстречу его свету, радужные насекомые суетились в его лучах, и светящаяся любовь солнца наполняла весь мир радостью и наделяла его плодородием.

У Эхнатона утвердилась мысль, что солнце символизирует не только сияние Бога и величие небесной власти, но и бесконечную хрупкость и сокровенность жизни. Божество не правит, проносясь в колеснице по небесам, а вливается во всю землю, питая крошечные ростки в почве и раскрашивая цветы всевозможными яркими красками. Как непохожи были огромные каменные лики, безучастно взиравшие вниз из полумрака храмов, на Бога Эхнатона, чья вездесущая жизненная энергия придавала силы крыльям птиц и наделяла неутомимым трудолюбием мелких подземных созданий. Эхнатон нашел дух, который обитает глубоко внутри и правит в дальнем далеке. Он преклонился перед открытой им истиной и предложил себя в качестве живой жертвы вечно живому, вечно изливающему потоки тепла и света солнцу.

В качестве символа своей религии Эхнатон избрал сияющее лицо Атона — солнечный диск. Лучезарность Атона он отобразил с помощью лучей, струящихся во все стороны от солнечного лика. Каждый луч заканчивался человеческой рукой, изображавшей действенную силу света, а в некоторых случаях эти руки держали «сгх ansata» — крест с рукояткой, символ дарования жизни. В целом рисунок символизировал десницу Бога во всех вещах. «Протяни мне Свои руки!» — восклицал Эхнатон в религиозном экстазе. Молодой мистик шел с Богом, рука об руку с вечно живым светом. Внутренне поняв, что Бог — это жизнь, любовь и свет, он не смог найти во всей вселенной места для невежества, ненависти и зла.

По мнению некоторых египтологов, Эхнатон первым из людей осознал Отцовство Бога и Братство человечества. Отказавшись послать армии против хеттов, он пожертвовал своей жизнью и империей, потому что был совершенно уверен, что Бог любви желает, чтобы люди жили в мире и согласии друг с другом. В его душе был мир и покой Атона, духовного солнца. Он как египетский фараон был персонификацией Атона,

верховным жрецом вселенской истины. Следовательно, его обязанностью было осуществление деяний Атона и проявление перед людьми достоинств, которыми блистало солнце. Очевидно это и послужило основой мессианской доктрины. Он считал необходимым свидетельствовать, явиться как некто вопиющий в пустыне: «Готовьте дорогу Господа, сделайте его пути прямыми».

Затем Эхнатон совершил еще одно великое открытие. Он раскрыл секрет, как жить жизнью Атона. Осознавая присутствие в себе Вселенского Отца, он старался жить как воплощение света. Его сердце было сверкающим ликом солнца. Каждая его мысль и поступок должны были давать жизнь, как бесчисленные руки, которые он представлял себе на концах лучей Атона. Он не только признавал истину, но применял ее, возлагая на себя личную ответственность за свой вклад в сияние Атона.

У философии Бога, созданной Эхнатоном, есть один очень тонкий аспект. Амон-Ра был небесным царем, воле которого должны были повиноваться все люди. Египет преклонялся перед законом, исходящим от небесных правителей, которые восседали на великих престолах в пространстве. Эхнатон отвергал божественный деспотизм. Он не подчинялся повелениям неземных фараонов. Законы Атона распространялись через этого царя. Он жил в них, а они в нем. Его кредо было понимание, а не покорность, ибо мы боимся того, чему покоряемся; а любим то, что понимаем. Он возвысил свое сердце, преисполнившись любви к Атону, и обрел гармонию с той вселенской любовью, которая незримо и властно объемлет все сущее. Эхнатон пребывает в туманном прошлом, заключенный в Атоне, светящийся немеркнущим светом, возвышенный своим пониманием до самого Вечносияющего.

Эхнатон был слишком велик для своего времени, и, хотя с тех пор минуло тридцать три столетия, он слишком велик даже для современного мира. Христианство не стало осуществлением его мечты. Племенной Бог продолжает существовать и в двадцатом веке, по-прежнему является отцом-ревнителем мира. Лишь немногим мистикам удалось проникнуть за завесу и обрести реальность. Иудей и язычник, мусульманин и брахман еще не нашли общий знаменатель, и миллионы ревностных христиан поклоняются Богу прихотей и жестокостей, мелкому деспоту на небесах. Сколько же веков должно пройти, прежде чем люди смогут найти миролюбивого Бога, который любит всех своих детей, и сколько веков должно пройти, прежде чем его дети обретут мудрость и мужество жертвовать жизнью, богатством и властью ради духа любви, пронизывающего каждый атом вселенной?

По дошедшим до нас скудным письменным свидетельствам невозможно составить законченное представление о системе атонизма. Жрецы Амона, вернувшие себе власть, уничтожили документы царя-еретика. Веками имя Атона не произносилось вслух. Храм Того, Кто не имеет Формы, с его лучами и руками, превратился в руины, и движущиеся пески пустыни окончательно погребли их. Но что нам известно, так это то, что он был противником тщательно разработанного церемониала и всей сложнейшей структуры жречества. Он поклонялся Атону на восходе, когда видимое солнце появлялось из ночи, выполняя вечное обещание. Он поклонялся Атону на закате, когда символ света опускался в темную землю, в точности как Атон, нисходящий во тьму всего сущего, скрывает свои лучи в природе, чтобы воссиять только в ее творениях. Атон, незримо присутствующий в добрых словах, добрых мыслях и добрых делах, есть вечно струящееся свидетельство скрытой реальности. Эхнатон возносил молитвы Атону, молитвы, бывшие символом его собственной безупречности, жаждавшей реальности. Монарху случалось петь от охватывавшей его безграничной мистической радости, и даже сама его песня становилась лучом света, лучом Атона, поющим в честь Атона. Он совершал скромные приношения в виде фруктов и цветов и в крайне редких случаях поступал сообразно общему характеру египетской религии. Но он всегда почитал некоего вездесущего духа, отсутствие которого было немислимым. Не было никакой необходимости призывать вездесущего, ибо Атон и без ушей все слышал, и без глаз все видел, и без губ непрерывно говорил. И его слова являли собой красоту, гармонию и жизнь.

Дух Атона принес с собой высочайшее искусство египтян. Впервые скульптура и живопись наполнились жизнью. Люди больше не вырубали из камня одних лишь сфинксов с непроницаемым взглядом или сидящие фигуры, величественные, но равнодушные. Эхнатон уловил ритм и ход природы. Он видел Атона, летавшего на крыльях ветров и пригибавшего хлеба на полях. Он видел, как пальмы раскачиваются от дыхания Атона. Он зрел в ходе всех вещей одну пребывающую в вечном движении жизнь. Так впервые возникла связь между искусством и природой. Музыка, звучавшая в душе этого мечтателя, стала музыкальной путеводной нитью, и доставлявшее глубокое удовлетворение самосознание подняло египетское искусство до уровня подлинной гениальности. То, как Эхнатон постигал суть вещей, естественно, повлияло не только на технику исполнения, но и на содержание. Атон наделял величием простые вещи, и Эхнатон преисполнился пониманием красоты и божественности обыденного. Он поднял обычные жизненные обстоятельства на новый уровень значимости.

Он обнаружил гораздо большее присутствие Бога в доме и семье, и в людях, занятых работой. Он считал возможным не высекать из камня громадные статуи небесных царей с цепями, пастушьими посохами и скипетрами-символами верховной власти над тремя мирами. Его искусством был Атон, приводящий простые вещи в надлежащий порядок. В скульптуре и живописи его эпохи обнаруживается глубоко религиозный дух. Атон присутствует везде, общаясь со всеми на равных, любя ничтожнейшего наравне с величайшим, сидя за столом бедняка так же, как на пиру у принцев.

Из веры в безличного вездесущего вселенского Отца неизбежно вытекало демократическое отношение ко всем классам населения. Атон пребывал в рабе и приобщал смиренного крепостного к божественности. Раз Атон не делал никакого различия между семьями или классами, то и он, служивший Атону, не имел на это права. Таким образом, демократия возникла как естественный результат правильной интерпретации вселенского плана. Если человек правильно понимает Бога и живет в полном соответствии с этим пониманием, он неизбежно приведет в порядок свою жизнь и мир.

Для египтянина проблема смерти всегда имела очень большое значение. Согласно старой религии, души умерших собирались в некоем странном мире богов и демонов, где их взвешивали на весах суда в присутствии многоокого Озириса. И опять Эхнатон бросил вызов всем верованиям людей. Он считал, что Атон присутствует повсюду и усопшие не покидают его, а остаются в нем навеки. Следовательно, никакого ада и быть не могло, ибо ненависти, страданию и сомнениям не было места во вселенной, полной любви и истины. Фараон верил, что умершие живут в туманном загробном мире. Но и в этом мире всходило солнце истины, и души умерших обращали лица к свету, а бесчисленные руки на лучах Атона поднимали каждого и каждого поддерживали вечно живым законом любви.

Цитаты из гимнов Эхнатона

О живой Атон, Источник жизни! Хоть Ты и далеко, лучи Твои достигают земли, хоть Ты и высоко, шаги Твои возвещают день.

Как разнообразны все Твои деяния! Они скрыты от нас, о единственный Бог, чьими силами не обладает никто иной.

Птицы порхают на болотах, их крылья вздымаются в знак поклонения тебе.

Ты сам творишь красоту форм.

Ты пребываешь в моем сердце; нет никого, кто знает Тебя, кроме Твоего сына Эхнатона.

Ибо Ты простираешься далеко за пределы краев Твоего диска; Тобой живет человек.

Мир пребывает в Твоих руках, точно такой, каким Ты его сотворил.

Рыба в реке всплывает к поверхности, устремляясь к Твоему лицу, и Твои лучи пронизывают толщу вод.

Ты сотворил землю согласно воле своей, пребывая в одиночестве.

Птенец находится в яйце, пища в скорлупе, Ты даруешь ему в нем дыхание, чтобы он мог жить.

ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ

Гермес Трисмегист. Жрец — посвященный египтян.

Пожар в Александрийских библиотеках уничтожил основную часть исторических памятников древнего мира. Кропотливо собираемые со всех уголков земли наиболее ценные книги, свитки и дощечки с надписями хранились в нескольких огромных зданиях, в частности, в Бракионе и Серапеуме. Стоя рядом с горой пылающих манускриптов, безутешно рыдала Клеопатра, скорбя о гибнущей славе мира.

Современные египтологи располагают весьма ограниченными

средствами, способными помочь в их усилиях возродить возвышенную теологию древних египтян. Дошедшие до нас литературные памятники Египта в основном состоят из погребальных свитков, большая часть которых представляет собой просто разные варианты изложения текста «Книги Мертвых». Египетские жрецы тщательно оберегали свои секреты, да и мистерии были столь основательно защищены от посторонних глаз, что случайно сохраниться мог лишь отдельный фрагмент описания церемоний.

К числу главных богов египетского пантеона принадлежит Тот, Таути, или Тейт. В легенде об Озирисе Тот изображен как друг Нут, матери Озириса. В то время, когда Ра проклинал Нут и запрещал ей рожать детей в любой день года, Тот играл в кости с богиней Луны Селеной и выиграл у нее семидесятую часть ее света, из которой он сотворил пять дней (которые не входили в календарь и получили название «прибавленные для согласования с солнечным годом») и добавил их к египетскому году, прежде состоявшему из трехсот шестидесяти дней. В эти пять дней Нут родила пятерых детей, и поэтому у египтян они считались священными праздничными днями.

Таким образом, в ранней мифологии египтян Тот выступал как истинный учитель, покровитель и бог учения. Он был божеством, изобретшим способ улаживать все божественные дела. Ведь именно Тот был помощником Изиды в управлении царством, пока Озирис путешествовал по дальним странам, помогал Изиде после убийства Озириса в исполнении ее обязанностей царицы, а впоследствии стал наставником ее сына Гора. Как Хирон был воспитателем Ахиллеса, так и Тот был учителем Гора и подготовил его к великой битве с Тифоном, незаконно захватившим власть над империей.

Принято считать, что Гермес являет собой греческий вариант Тота, который с атрибутами Гермеса вернулся в Египет при Птолемеях, дабы заново снискать уважение, только уже в качестве основателя герметических наук. Однако у каждого, кто дал бы себе труд поближе познакомиться с греческим Гермесом, возникли бы серьезные сомнения в идентичности этих двух богов. В отношении Гермеса верно только, что он, согласно греческой мифологии, был посланцем богов и что его культ был учрежден в Риме, где его, но уже под именем Меркурия, обычно изображали в крылатых сандалиях и шлеме.

Римский Меркурий был просто посредником между богами и людьми, тогда как египетский Тот занимал совсем другое положение. Он был персонификацией мудрости, собственно интеллектом Великого Бога,

сотворившего мир. Он был не посланцем, а учителем. Верно и то, что он являлся носителем божественных тайн, будучи полностью к ним причастным, и совмещал в своем лице посвящающего и первого посвященного, черпая знание в собственном неиссякаемом источнике. При нем всегда была дощечка для письма и стиль^[3], и поэтому его часто изображали с головой ибиса, записывающим перед тронном Озириса приговоры усопшим.

Однако и Тот как бог мудрости, и Гермес как посланец богов, и Крылатый Меркурий — все они в чем-то уступали Гермесу герметистов, бессмертному смертному, который, согласно одному из литературных источников, был автором 30000 книг.

Большинство знатоков египетской метафизики уверены в том, что египетский Гермес был полностью мифологической личностью, неким богом, возникшим на почве вековых традиций и в конце концов ставшим персонификацией всего знания, и особенно наук и искусств. Сомнительно, однако, чтобы подобное заключение в точности соответствовало фактам. Представляется намного более вероятным, что Гермес был обожествленным смертным, который жил в некие стародавние времена и даровал народу Египта необыкновенные культурные ценности.

Исходя из замысла настоящей книги, будем считать александрийского Гермеса существом, никоим образом не связанным с мифологическим Тотом или божественным посланцем из греческих или римских легенд, а для того чтобы не путать его с этими персонажами, станем называть его именами, под которыми он был известен в первые века христианской эры: Гермес Трисмегист, или Меркурий трижды Высочайший. Не кто иной, как Платон считал этого Гермеса, трижды величайшего, реальной личностью, называя его египетским Теутом, и полагал, что он был великим ученым, жившим в Древнем Египте. По мнению некоторых авторов, этот человек был царем египтян и принадлежал к божественной династии, которая предшествовала установлению людского правления. Рассказывали также, что он был верховным жрецом египетского храма, пребывавшим у власти во все время правления фараона Аммона. Последнее наводит на мысль, что другие боги, которым египтяне поклонялись как неким духовным существам, возможно, были обожествленными героями, правившими людьми в доисторические времена.

Сейчас чрезвычайно трудно установить какую-либо точную дату жизни Гермеса, однако Цицерон дает нам ключ к решению этой проблемы, сообщая о том, что пятый Меркурий убил Аргуса и в поисках защиты сбежал из страны в Египет. Поселившись в этой далекой стране, он

посвятил жизнь образованию ее народа, открыв ему среди прочих гуманитарных и естественных наук такие, как письменность, история, математика, искусство, медицина, право, религия, астрономия, химия, астрология, предсказание будущего, архитектура и хронология. Он установил законы для правителей, определил права людей, научил дележу земель и собственности, изобрел систему мер и весов и основал город Гермополис Великий. Все это представляется чрезмерно трудной задачей, чтобы с ней удалось справиться некой мифической личности. В действительности, вероятно, более разумно допустить, что подобная работа оказалась бы чрезмерной даже для высокообразованного человеческого существа.

В словах Цицерона о пяти Меркуриях содержится ясный ответ на все сомнения: несколько личностей, вероятно, существовавших на протяжении веков или даже тысячелетий и носивших одно и то же имя, слились в одну, и этот человек сохранился в памяти человечества как обладающий самым глубоким, изобретательным и разносторонним умом, то есть как персонификация всего знания и мышления.

Большинство историков древности придерживались мнения, что исторический Гермес, которого Цицерон называет пятым Меркурием, был современником Моисея. Некоторые относят его к еще более глубокой древности и полагают, что он жил во втором тысячелетии до н. э. Предпринимались некоторые попытки отождествлять его с Моисеем, однако не нашлось никаких весомых фактов, подтверждающих эту гипотезу, равно как и не существует доказательств тому, что своим появлением древние герметические писания обязаны главным образом иудейским метафизическим системам. Герметизм явно свойствен египтянам. Богам Египта отведено первое место в герметической теологии, а более старая доктрина, которую приписывают Гермесу, построена на основе цикла легенд об Озирисе и богах Гермополиса Великого.

Не сохранилось абсолютно никаких сведений о родословной Гермеса и обстоятельствах его рождения или раннего периода жизни. Однако если греческие легенды о Меркурии содержат хоть каплю истины, то можно предположить, что происходил он из королевской или, по крайней мере, из дворянской семьи и пользовался всеми привилегиями того времени. Согласно арабским преданиям, Гермес был учеником загадочного существа по имени Агатодемон^[4]. Это имя (когда оно пишется с маленькой буквы) обычно ассоциируется со сверхъестественными существами, однако не исключено, что Гермес был учеником какого-то мудреца или иерофанта древних египетских мистерий.

На самых старых, но не таких уж древних портретах Гермес изображен человеком высокого роста, благородной наружности, с бородой, облаченным в ниспадающую свободными складками одежду скорее в греческом, чем в египетском стиле, и в чалме, обернутой вокруг конического шлема в форме митры. Обычно он предстает перед нами в окружении символов собственного культа. Рисунок, приведенный в качестве иллюстрации к данной главе, принадлежит знаменитому автору гравюр к мистическим и теософским трудам Теодору де Бри. Эта гравюра относится к первым годам XVII в. и являет собой одно из лучших изображений Гермеса.

Кинили в своей книге «Енох — второй посланец Бога» пытается доказать, что Гермес был Енохом иудеев. Однако мнения Кинили и мифолога раннего периода Джекоба Брайента, считавшего Гермеса греческим Кадмом^[5], основаны исключительно на гипотезе и не имеют под собой твердых доказательств.

Как явствует из герметических писаний, пастырству Гермеса предшествовало видение или озарение. Описание этого озарения содержится в трактате «Божественный Поймандр», который более известен под названием «Пастырь человечества». Испытав просветление, Гермес, трижды величайший, желая приобщить мир к великим истинам, обращался к людям со словами:

«О люди земли, люди, рожденные и сотворенные из элементов, но с пребывающим в вас духом Богочеловека, пробудитесь от сна невежества! Будьте внимательны и рассудительны. Осознайте, что ваш дом не на земле, а в Свете. Почему отдавались вы в руки смерти, имея возможность приобщиться к бессмертию? Покайтесь и откажитесь от прежних взглядов. Отойдите от сомнительного света и навсегда откажитесь от продажности и разврата. Подготовьтесь к тому, чтобы совершить восхождение через Семь Колец, чтобы слить свои души с вечным Светом».

Создается впечатление, что с этой проповедью Гермес обратился непосредственно к каким-то определенным ученикам, однако, согласно вполне достоверным сведениям, он путешествовал по стране с посохом в руке, наставляя, направляя и призывая людей к жизни, преисполненной мудрости.

В одном из наставлений Гермес обращается к своему сыну Татиану, однако теперь нельзя точно установить, следует ли это понимать буквально. Возможно, Татиан был всего лишь учеником, с которым Гермес беседовал просто как отец-наставник в мудрости. Встречающиеся в тексте замечания по этому поводу крайне туманны, и не исключено, что Татиан в

действительности был его сыном. Судя по содержанию «Божественного Поймандра», Гермес прожил долгую и деятельную жизнь и умер естественной смертью, поскольку сказано о нем так: «И наконец наступил закат его жизни». И тогда он собрал вокруг себя своих учеников и обратился к ним с последним наставлением, которое великий адепт заключил словами:

«Славен будь Ты, о Отец! Да будет человек, которого Ты сотворил, очищен Тобой от грехов, поскольку Ты дал ему право освящать других Твоим словом и Твоей Истиной».

Помимо этого сохранились еще некоторые весьма скудные сведения. Так, Альберт Великий, знаменитый католический священник, писал, что Гермес был похоронен в долине Хеврона и что Александр Великий посетил его усыпальницу, устроенную в пещере. По приказу Александра Великого могилу вскрыли и обнаружили, что тело учителя превратилось в прах, а на его месте лежал огромный изумруд, похороненный вместе с Величайшим. На поверхности изумруда были выгравированы тайные письма, хранившие секреты герметической науки. По поводу изумруда, который получил название «Изумрудной скрижали» Гермеса, было высказано предположение, что камень этот искусственного происхождения и сначала был отлит в форме, а затем подвергнут отвердению в ходе алхимических процессов до приобретения им твердости и цвета изумруда.

Среди прочих надписей на камне было и высказывание об аналогии, которое является главным ключом к герметическим наукам. В упрощенном переводе смысл его сводится к следующему:

«То, что вверху, подобно тому, что внизу, и то, что внизу, подобно тому, что вверху».

В литературе египтян есть одна любопытная история о пропавших книгах Гермеса, которые были погребены на дне Нила во вложенных одна в другую шкатулках. Книги, охраняемые странными чудовищами, содержали на своих украшенных иероглифами страницах все секреты магии, в частности, способы вызывания духов, молитвы об умерших и заклинания, используемые в любых обстоятельствах для осуществления тайных замыслов.

Заслуживает упоминания тот факт, что Гермес был одним из немногих языческих философов, избежавших нападок ранней христианской церкви. Он получил признание как истинный посланец Бога и великий пророк, а его книги высоко ценились жрецами североафриканской церкви. В труде «The Stromateis» Климент Александрийский описывает сорок две книги Гермеса, которые несли жрецы, принимавшие участие в религиозных

процессиях. По его словам, одна из книг содержит гимны богам, а другая — распорядок жизни царя. В четырех книгах повествовалось о неподвижных звездах, солнце и луне, соединениях^[6] и восходах небесных тел. Он упоминает о десяти книгах воздаяния почестей богам и еще десяти под названием «Священнодействие», представлявших собой свод законов, и шести книгах, посвященных лечению болезней. Очень странно, что все эти труды, существовавшие в первые века христианской эры, полностью исчезли, да так, что не сохранилось ни единой копии на древнеегипетском языке. Объяснение этому может быть только одно, а именно, что книги тщательно оберегались жрецами и впоследствии, когда религия пришла в упадок, были уничтожены или спрятаны, дабы предотвратить их профанацию, которой не удалось бы избежать, попади они в руки недостойных или несведущих людей.

Известные ныне герметические книги, по всей вероятности, являются всего лишь более поздними вариантами древних писаний. «Божественный Поймандр», наиболее важный из всех герметических трактатов, видимо, появился только во II в. н. э. На этом основании сложилось представление, что герметические книги в действительности были написаны после начала христианской эры неким ученым или группой ученых, сведущих в древнем знании и преданиях. Однако, как мне кажется, в этих писаниях присутствует некая непостижимая вдохновенность, наводящая на мысль о высшем и священном происхождении. Они слишком величественны в своем существе, чтобы быть произведением простых смертных. Представляется более вероятным, что знание из более древних трудов стало постепенно стираться и исчезать из памяти человечества, почему — исключительно под давлением прозелитизма ранних христиан — и была предпринята попытка сохранить эту память и уберечь древнюю мудрость от полного забвения.

Точно так же несправедливо было бы утверждать, что доктрины Гермеса были списаны с христианского откровения, поскольку более глубокое изучение герметических писаний показывает, что тот, кто написал или собрал воедино герметические диалоги, не был христианином, равно как и не находился под преобладающим влиянием христианских убеждений. Произведение в целом носит явно языческий характер, но отличается глубиной и вызывает уважение. «Поймандр» достоин того, чтобы занять место рядом с любой священной книгой мира, не уступая ей в совершенной красоте композиции и насыщенности божественными истинами излагаемых в нем доктрин. Не подлежит сомнению, что творцом герметической философии была благородная, возвышенная душа, воистину

общавшаяся с Богом в незапамятные времена. Говоря словами Лонгфелло:

*О Трисмегист! Ты, трижды величайший!
Как вышло, что возвышенное это имя
Не погнушалось стать известным
Позднейшему во времени потомству!*

Главным источником герметических доктрин как раз и является «Поймандр», или «Видение», заключающий в себе законченную систему метафизической теологии и философии. В совокупности с некоторыми другими диалогами и фрагментами он образует «Герметическое собрание». Почти все герметические книги составляют предмет дискуссии. Ученые в значительной степени расходятся в своих оценках периода их создания и места в мировой религиозной литературе. По признанию большинства экспертов, герметические трактаты в их нынешнем виде не восходят к глубокой древности. Они, очевидно, не были известны египтянам до начала христианской эры и впервые снискали широкую известность лишь в III и IV веках н. э., хотя, возможно, уже получили распространение еще в I в. н. э.

Если эти столь различные мнения, по существу дела, верны и проистекают из широкой эрудиции, то неизбежно возникают серьезнейшие сомнения относительно подлинности «Поймандра». Почти с уверенностью можно сказать, что вся дошедшая до нас герметическая литература представляет собой новую формулировку более старой традиции, ныне безнадежно утраченной. В высшей степени странно, что имя Гермеса, казалось бы, известно во всем мире, но при этом не сохранилось ни сведений о его жизни, ни его высказываний. Гермес стал покровителем знаний, ассоциирующимся со всей мудростью, и именно в этом качестве его имя запечатлелось в памяти человечества.

Немаловажно также отметить, что, несмотря на довольно частые ссылки на герметические доктрины, они никогда не принимали определенной формы и всегда оставались чем-то вроде призрачной силы, совершенно абстрактной и непонятной. Раньше герметизм, видимо, носил характер космологии и полного обновления, а позднее принял вид алхимии и химии. В него вошли также каббала и пифагорейские математические учения, и в конце концов этот термин для нынешнего поколения стал синонимом всей метафизики, нового мышления, трансцендентализма и даже спиритуализма. Столь широкий разброс объясняется отсутствием у

людей действительных знаний об оригинальных учениях Гермеса. Когда не известно ничего, допустимо все, и благородным именем стали часто называть недостойные дела.

Гермес учил, что вселенная питается энергиями неких второстепенных богов, ставших теми, кто проявляет и исполняет Божественную Волю. О Первом Боге, скрытом источнике всего сущего, Гермес сообщает очень мало, полагая этот предмет слишком сложным, чтобы постичь его исключительно благодаря мыслительному процессу. И хотя Гермес не дал определения Первопричины, он, вероятно, предпочитал называть ее Первичным Разумом или Верховным существом, из которого эманировал разум, ставший тем, кто поддерживает и упорядочивает все природные явления. Таким образом, Гермес по существу был монотеистом и пантеистом в рамках собственной концепции вторичных принципов, которые, появившись из Единого, стали поддерживающей силой, которая оказывает содействие массам.

В своих взглядах Гермес совпадает с Платоном, который в несколько иной форме выражает ту же мысль, раскрывая таким образом тайну мифологий. Древние пантеоны божеств по сути являются персонификациями различных атрибутов вселенской жизни. Вначале Творец^[7] эманурует высших существ и через них, первых своих потомков, управляет земной сферой и ее созданиями. Эта земная сфера со всем, что в ней находится, относится к вторичным эманациям и, следовательно, в большей степени удалена от Божественного Разума.

В естестве богов, или исполнителей воли Отца, циркулирует небесный огонь, который есть жизнь всего сущего. Эти боги являют собой планеты и звезды, которые движутся по орбитам, или в пределах определенных границ. Орбиты называются престолами, и с этих огненных колец правители руководят земной сферой, управляя ею посредством необычной силы, которую Гермес называл судьбой. Таким образом, в герметическом учении мы обнаруживаем источник веры в астрологию. Планетарные правители, управляя земными делами, проявляют своими величественными движениями и взаимными комбинациями замыслы или волю Великого Разума.

С точки зрения космогонии, герметическая система, вероятно, составляет основу, или главный определяющий фактор теории Птолемея. Земля располагается в центре, а вокруг нее вращаются планеты и звезды на своих орбитах, которые египтяне символически представляли рисунком на срезе луковицы. За орбитами планет находится сфера неподвижных звезд, образующая стену небес, или внешнюю границу земного комплекса. Так

выглядит система из Откровения св. Иоанна, которая дает реальный ключ почти ко всем оккультным космогониям. Св. Иоанн, пройдя через маленькую дверь в небесной стене, вступает в эмпирей, или божественный мир, находящийся снаружи «пузыря» вселенной.

Согласно Гермесу, орбиты семи планет, хорошо известные древним, образуют лестницу, соединяющую небеса с землей, и наоборот, землю с небесами. Именно она была священной лестницей семи колец, лестницей Иакова, а также лестницей из тонких золотых шнуров, по которой во время знаменитого ночного путешествия Мухаммед взбирался к подножию Божьего престола. Кроме того, планеты — это семь печатей откровения, которые должны быть сняты, а также семь врат мистерий культа Митры. Они же представлены как семь труб, семь чаш и семь церквей в Азии. Силы, исходящие из них, суть семь главных добродетелей, которые в извращенном виде составляют семь смертных грехов. Они являют собой семь священных символов, семерку Элохима евреев, семь великих богов египтян, Кабиров^[8] из Самофракии, Уран и шесть его сыновей Титанов, семь Логосов и, по сути, все таинственные семеричные силы древности. В «Поймандре» сказано, что на своих престолах восседают семь правителей, управляющих вихрем космической силы.

После завершения божественных эманаций Единый Разум заставил природу и низшие элементы проявиться из их бытия. Он создал природу на непоколебимых основах и передал ее правителям, чтобы те управляли ею на принципах вечной мудрости. И природа, следуя собственному стремлению, произвела на свет живых существ, ползучих тварей, обитателей морских глубин и лишенных души чудовищ, которые имели форму, но были слишком далеки от Света, чтобы иметь душу. Стараниями земли на свет появились также драконы и монстры, и страшные существа, описанные Берозом. Так была создана природа, а правители придали ей форму, однако она не жила, поскольку Великий Разум не наделил ее жизнью.

И в своей мудрости Верховный Разум, Отец всего сущего, сотворил человека, высшее и прекрасное существо, созданное по подобию Света и преисполненное лучезарного сияния, исходящего из всех частей его тела. Этот человек пребывал вместе с Отцом, и так же, как и Отцу, этому человеку дана была власть не только над миром, но и над правителями мира. (Все это очень похоже на историю младенца Бахуса, которому Зевс даровал вселенную в качестве игрушки для забав, или Диониса, получившего в подарок волчок, который он мог вертеть веками напролет.) И правители преклонились перед созданным человеком, метафизическим

человеком, который не имел тела и был одной сплошной душой. Каждый из них наделил человека одним из своих качеств, и его внутренний мир объединил в себе семь сущностей, которые были дарами богов семи миров.

И вот этот божественный человек, пристально глядя вниз в бездонную пропасть, воспринял физический мир как зеркало или гладкую поверхность океана, и увидел в нем свое отражение, смутно маячившее в глубине, и, подобно Нарциссу из греческой легенды, влюбился в свой образ, и пожелал снизойти в него. Таким образом возникло желание, а за ним последовало осуществление, поскольку всегда исполняется то, чего пожелает разум. И человек спустился в бездну; он вошел в свое отражение, и отражение вошло в него. Разум, который витал над тайной, стал частью тайны; и низший мир получил разум, и обитатели бездны преисполнились разумом, а человек забыл свое родство со Светом и начал прикладывать внешние усилия, чтобы добыть то, что было его собственной внутренней природой.

Прошли века, один человек стал человечеством, и все человеческие существа вместе составили одну сверхматериальную сущность, и во всех людях жило единственное страстное стремление — вернуться в Свет. Семь принципов, которыми наделили божественного человека семь правителей, превратились в семь тел, или физических принципов, а правители, воздействуя на свои принципы в человеке, поработили его и сделали жертвой ограничений, налагаемых телами и чувствами.

Таково было положение дел, когда Гермеса, сидевшего в одиночестве на склоне горы, посетило видение: небеса над его головой разверзлись, и пред ним предстал дракон мудрости. И сказал, обращаясь к нему, дракон Поймандр:

«Я, Твой Бог, есть Свет и Разум, которые существовали до того, как материя была отделена от Духа, а тьма от Света».

Гермес поклоном приветствовал Великого и обратился к Поймандру с просьбой открыть ему путь, который позволил бы людям вернуться в Свет. Так ответил ему Поймандр:

«Труден путь к бессмертию, и только немногие отыщут его. Остальным предстоит дожидаться Великого Дня, когда останутся колеса вселенной, и искры бессмертия вырвутся из оболочек материи. Горе тем, кто ждет, ибо им, немыслящим и невежественным, придется вернуться в почву звезд под посев семян и ожидать нового начала. Те, кто спасется благодаря свету тайны, которую я открыл тебе, о Гермес, и которую я велю тебе разгласить людям, вновь вернуться к Отцу, обитающему в Белом Свете, и препоручат себя Свету, и растворятся в Свете, и в этом Свете они станут Силами в Боге. Таков Путь Бога, и открывается он только мудрым».

Далее в «Видении» излагается, как искатель истины, поднявшись по звездной лестнице, возвращает правителям полученную от них часть их природы. Таким образом, он возвращает солнцу и его владыке свои честолюбивые стремления, Марсу и его повелителям — свою смелость, Юпитеру — богатство, и так до того момента, когда душа, очистившись от всего земного, избавится от колец, поскольку, по сути, ничего от природы колец в ней уже не остается. И до того времени, когда такое избавление станет возможным, жизнь и смерть остаются просто альтернативой между состояниями воплощения и развоплощения. Но при этом сущность, физически живая или физически мертвая, остается в материальном мире, и только мудрость способна освободить ее от колец всего мирского и бренного и дать возможность рассеяться в эмпирее, где обитает Высший Разум. Таким образом, можно заключить, что герметическая философия в ее более ранней форме представляет собой учение об искуплении, ведущее людей к благополучию, коль скоро они будут проявлять добродетели и пройдут обряды очищения.

Более поздняя герметическая школа была основана на доктринах Гермеса, которые вначале получили распространение у эклектиков Александрии, а впоследствии и среди арабов, и, наконец, по прошествии мрачного периода средневековья, вернулись в Европу, где приобрели почти исключительно химическую терминологию и интерпретацию. Различие между философской и алхимической школами оказывается скорее кажущимся, чем реальным, однако для алхимиков средневековья Гермес несомненно был тем, кто занимался превращением металлов, а не спасителем человечества.

Тысячи душевно искренних и честных людей строили в своих домах печи и становились жертвами неистовой и коварной страсти. Так в Праге образовалась даже целая улица «добывателей» золота из домов, в которых жили алхимики. Человек, навсегда возвысивший бренное настоящее над божественным будущим, кипятил и перегонял, выпаривал и конденсировал, сбраживал и разлагал на составные части практически каждое вещество, доступное для восприятия, в надежде на то, что по какому-то удивительному произволению он сможет обнаружить в своей печи кусок чистейшего золота. Сотни авторов призывали на помощь герметических богов, а в результате издавались книги со множеством химических формул, приписываемых Гермесу, на которые сразу же набрасывалась алчущая богатства толпа.

Началось все это, вероятно, с того самого момента, когда некий химик-философ обнаружил, что за химической терминологией могут скрываться

секреты регенерации человека. Так, золото символизировало Дух, или Бога; семь неблагородных металлов соответствовали силам семи правителей; реторта была человеческим телом; огонь означал дыхание, а терзаемые химикаты, бурлившие в колбах, вполне отражали тревожное состояние человека. Однако, как только идея облекается в символическую форму, всегда оказывается, что определенной части человечества не хватает проницательности, чтобы за рисунком разглядеть нечто реальное. В результате герметическая наука была низведена до неистовых попыток открыть «порошок превращения», эликсир жизни и философский камень.

По заявлению некоего алхимика, одна крупинка этого порошка позволила бы путем превращения металлов получить чистейшее золото, весом в сто тысяч раз превосходящее вес самой крупинки. Однако его читателям не под силу было уразуметь, что под порошком подразумевалась мудрость, одна крупинка которой способна преобразовать все невежество в мире. Не сумели они также понять, что философский камень служил символом знания, великого чудотворца, а эликсиром жизни была истина, обновляющая все сущее. Весьма прискорбно, что в этом никак нельзя избежать неправильных толкований, но таковы факты, что, если великие истины открываются ограниченным умам, они неизбежно будут извращены. Таким образом, в средневековой литературе слово «герметический» фактически следует понимать как «химический» или, что более правильно, относить его к философии в переводе на язык химии.

Из герметических философов более позднего периода наиболее важное место, видимо, занимали розенкрейцеры и продолжатели традиций Парацельса. В Орден розенкрейцеров входили люди, пришедшие к пониманию того, что история герметического «чудесного эликсира» была хитроумно замаскированным описанием регенерации человека. Думающие люди, не прельстившись обещаниями вещественного золота, открыли тайные ключи и дали объяснение им в химической сказке. Возродив эту философию, они постарались частным порядком распространить ее среди образованных людей Европы в надежде, что с ее помощью удастся преобразовать империи и наполнить огнем бессмертия гибнущие идеи и культы, которые охранялись на протяжении веков, даже не подозревая о своем божественном праве первородства.

Существует некая божественная наука, сокрытая в химических трактатах Парацельса, ван Гельмонта, Джорджа Рипли, Роджера Бэкона и Николя Фламелья. Не подлежит сомнению, что эти люди были настоящими герметическими адептами, которые, понимая, что нельзя метать бисер перед свиньями, выражали свои мысли завуалированно, однако все их

произведения содержали достаточно разных намеков и указаний, чтобы не ввести в заблуждение достойных. Каждый человек усматривал в них то, что отвечало его собственным представлениям, поэтому некоторые стремились к спасению самих себя, хотя большинство не оставляло упорных попыток с помощью печи алхимика и перегонного куба заполучить сказочного красного льва и обрести надежду на земное бессмертие.

Цитаты из «Поймандра»

Прислушайтесь к себе и загляните в беспредельность Пространства и Времени. Там можно услышать песни Созвездий, голоса Чисел и гармонию Сфер.

Чтобы узнать божественный замысел, о души, спуститесь вниз и в муках взойдите по пути семи планет и их семи небес.

Когда тело спит, разум бодрствует, и стоит только закрыться моим глазам, как мне откроется истинный свет.

Свят Бог, который постановил, что Он должен быть известен, и который известен по собственному соизволению тому, кому он открывает Себя.

Мое молчание напоено расцветающей жизнью и надеждой и преисполнено добра. Мои слова — это цветы, предшествующие плодам на древе моей души. Ибо именно таково правдивое описание того, что я получаю от моего истинного Разума, через который Бог ниспослал мне Истину. С того самого дня мой Разум не покидал меня и зародил в моей душе Слово: Слово — это есть Разум, и Разум наставил меня на путь истинный.

ОРФЕЙ

*Орфей и Эвридика.
С гравюры лорда Лейтона.*

Согласно Ямвлиху^[9] и Проклу^[10], в основу греческой теологии было положено учение Орфея. От Орфея доктрина перешла к Пифагору, а от Пифагора к Платону. Все трое известны как создатели и распространители тайной доктрины, пришедшей из Азии во втором тысячелетии до н. э. Говоря словами Прокла: «То, что Орфей мистическим путем передавал в

форме сокровенных повествований, Пифагор узнавал во время оргий во фракийской Либетре, будучи посвященным Аглаофемом в магическое знание, которое Орфей получил от своей матери Каллиопы на горе Пангей».

Некоторые авторы пытались утверждать, что Орфей был вымышленной личностью из раннего цикла мифов о солнце. Однако весьма сомнительно, чтобы великую философскую систему, объединившую в братство многих посвященных из числа наиболее образованных представителей античного мира, мог создать и завершить некий нереальный персонаж. Гораздо более вероятно, что Орфей был обожествленным героем, жрецом-магом и философом, чьи выдающиеся подвиги стяжали ему немеркнущую славу. Со временем Орфея начали отождествлять со всем мистическим знанием, пока, наконец, вокруг его имени не сложилась целая мифология, затмившая исторические подробности его жизни и давшая начало крайне запутанной легенде, составленной часто из весьма противоречивых рассказов.

В предисловии Томаса Тейлора, выдающегося ученого-классициста, к книге «Мистические гимны Орфея» упоминаются пять человек, носивших имя Орфей. В отношении этих людей, живших в разное время и в совершенно несходных условиях, в конце концов возникла такая путаница, что подвиги одного стали приписывать всем остальным. Первый Орфей был фракийцем, жившим между XII и XIV веками до н. э., второй — из Аркадии, третий — из Одрисия, четвертый был человеком из Кротона, а пятый — поэтом, которого на самом деле звали Камаринеем.

И если допустить, что биографии этих людей, объединенные в одну, в итоге послужили основой для создания романтической легенды, нетрудно понять противоречивость повествований о рождении, жизни и смерти героя. К примеру, несколько историй смерти Орфея вполне могут отображать обстоятельства кончины каждого из пяти поэтов, носивших священное имя.

Сейчас невозможно с достаточной точностью установить годы жизни первого Орфея, хотя принято считать, что он жил во времена, предшествовавшие падению Трои, и был одним из первых жрецов-посвященных, самым достойным и просвещенным из всех пятерых. До сих пор не утихают ожесточенные споры в отношении точного времени исхода евреев из Египта. Моисей, по одним сведениям, жил около 1200 г. до н. э., по другим — примерно в 1400 г. до н. э. Судя по достоверным данным, Орфей был современником Моисея. Из всех повествований следует, что Орфей жил до Троянской войны, а Троя пала в 1184 г. до н. э. Эдуард Шюрэ

в «Великих посвященных» так пишет об Орфее: «Он был современником Моисея, на пять веков опередив Гомера и на тринадцать веков — Христа».

Родиной великого барда была Фракия, дикая суровая страна, покрытая непроходимыми лесами, вотчина богов. В самых уединенных местах этой земли стояли древние храмы божественных прародителей греков. Там были свои алтари у старого и хромого Крона, там покоились доисторические жертвенные камни в честь Урана, отца небес, и там же находились святилища Отца Зевса, а в горных долинах стояли алтари нимф. Странной и таинственной была та страна, где обитали стойкие фракийцы, которые занимались тем, что пасли свои стада и заготовливали им корм по всей сельской местности.

Фабр д'Оливье, крупный специалист в области древних языков и этимологии, указывал, что слово «Фракия» произошло от финикийского слова «Ракхива», которое значит эфирное пространство, или небесный свод. Название Фракия имеет мистический смысл для поэтов и посвященных Греции, таких как Пиндар, Эсхил и Платон. Для них оно означало землю чистой доктрины и рождающейся из нее священной поэзии. В философском смысле оно было синонимом некой интеллектуальной сферы, своего рода итога доктрин и традиций, в которых утверждается, что источником вселенной служит божественный интеллект.

Из всего этого следует, что греки стремились распространить идею о том, что Орфей родился в божественном мире, жил в небесном поместье и стоял у истоков священного знания. Проще говоря, он был посвященным, одним из тех пророков, чьим жилищем являются небеса и которые как изгнанники очень недолго скитаются в этом брэнном мире.

Согласно мифологии, Орфей был сыном бога Аполлона и Каллиопы, музы нежных созвучий, что, разумеется, следует воспринимать как аллегория:

Аполлон, как Святой Дух и Свет является отцом истины и мудрости, равно каки всего, что есть доброго в этом мире, а Каллиопа как гармония и музыка, создает форму воплощения. Таким образом, истина, проявленная в музыке и искусствах, есть Орфей, раскрытая мудрость, совершенство, которое обнаруживается в соответствующих формах и свойствах.

Отцом барда обычно называют Эагра, фракийского царя, а какая смертная женщина скрывалась под именем Каллиопы, мы, вероятно, так никогда и не узнаем. Возможно, она была фракийской царицей, и Орфей родился от слияния небесной и земной сил. Подобное толкование легенды полностью согласуется с известными приемами, которыми пользовались греческие сочинители преданий.

Пифагора в открытую объявляли сыном Аполлона, говорили, что он был рожден в результате непорочного зачатия от Святого Духа. Таким образом, Пифагору, несущему в себе отблеск славы своего учителя Орфея, также приписывали божественное происхождение.

Мать Орфея была, несомненно, чрезвычайно одаренной женщиной, и подобно матери Конфуция, великого китайского мудреца, всю свою жизнь посвятила обучению сына изящным искусствам: музыке, поэзии и пению, в которых он достиг подлинного совершенства. Так и предание гласит, что музыке Орфей научился у своей матери. Его искусство музыканта было столь велико, что отец подарил ему семиструнную лиру, ставшую особым символом культа Орфея, отображавшим вселенную, природу и душу человека. Получив начальные знания от матери, Орфей, согласно некоторым достоверным источникам, стал учеником Лина, человека огромных знаний, который наставлял юношу в тайнах теологии.

Жизнь Орфея проходила в покрытых густыми лесами горах Фракии, эхом вторивших звукам его лиры. И не только людей зачаровывало дивное пение Орфея, но и вся природа поддавалась магическому воздействию его чарующих песен. Деревья приглушали шелест листвы, склоняя вниз свои ветви, на которых бесшумно рассаживались слетавшиеся отовсюду птицы; звери выходили из своих берлог, и даже рыбы в заводях подплывали поближе к покрытым густой зеленью берегам, чтобы послушать его пение. За это Орфей получил прозвище «Сладкоголосого певца». Рассказывали, что даже каменное сердце скал смягчалось от его благословенных мелодий.

В удаленных горных долинах, скрываясь в тени искривленных дубов, обитали вакханки, свирепые и жестокие жрицы громогласно прославляемого Диониса (Бахуса), оглашавшие своими жуткими криками мрачные леса узких долин горы Каоукайон. Нежная музыка Орфея утихомирила неистовство вакханок и повсюду сопровождавших его наяд и сатиров.

Раз как-то безумствующие орды вырвались из непроходимой дубовой чащи, но по мере приближения к Орфею стихали их яростные вопли. Околдованные волшебством его божественных мелодий, все эти ученики увенчанного плющом Загрея пали в неизъяснимом восторге к ногам Орфея, провозгласив его величайшим певцом мира.

По утверждению Эдуарда Шюрэ, Орфей, еще юношей покинув Фракию, уехал в Египет, где провел двадцать лет у жрецов Мемфиса. Там он прошел обряд посвящения и получил имя Арфа, или Орфей. Хотя Шюрэ в своем утверждении и не ссылается ни на какой авторитетный источник, вполне возможно, что Орфей действительно совершал путешествие в

дальние страны и заимствовал основы своей теологии у какого-то народа чрезвычайно высокой культуры. Среди наиболее компетентных ученых распространено мнение, что орфические доктрины имеют азиатское происхождение и берут начало, вероятнее всего, в Индии.

Познавший все тайны души, Орфей, приобретший величавость осанки и достигший божественного интеллекта, вернулся на фракийскую землю, где был встречен с почтением, по праву положенным одному из героев, занимающих место между богами и людьми.

Первым, за что пришлось взяться Орфею, стало преобразование обрядов в честь Диониса, чтобы жрицы этого бога более не рыскали по лесу подобно диким зверям. Он вернул древней религии ее бывшее величие, внес в ритуалы чистоту и торжественность и посеял среди грубых фракийцев семена светлой религии, которой суждено было изменить весь ход цивилизации.

Полагают, что Орфей был одним из аргонавтов, участвовавших в морском походе за золотым руном. Корабль «Арго», движимый звуками лиры Орфея, плавно скользил по водной глади. Впоследствии божественная музыка Орфея раздвинула Кианеанские скалы, разрушила чары сирен и пробудила спящих на острове Лемнос. Согласно Эврипиду, Орфей своей игрой на лире заставил скалы следовать за ними в их морском путешествии и стал основоположником священных мистерий. По замечанию Лукиана^[11], «Орфей принес в Грецию астрологию и магические искусства». Из этого можно заключить, что в дальних странах он тратил время на обучение и вернулся на родину, чтобы распространить усвоенные в тех краях доктрины.

Не подлежит сомнению, что значительная часть Орфических мистерий скрыта за аллегорией Орфея и Эвридики. Имя Эвридика означает «разлившаяся по небу утренняя заря», подразумевая тем самым, что миф являет собой некий аспект символики бога солнца. Из всех, кто слушал Орфея, более всех его пение тронуло Эвридику, и, как гласит легенда, своей музыкой он завоевал сердце прекрасной девушки. Гименя, бога бракосочетания, призвали благословить сладкоголосого певца и его нареченную, однако это радостное событие не обошлось без дурных предзнаменований: от дыма зачадившего вдруг факела из глаз бога Гименя потекли слезы.

Зловещий знак вскоре материализовался. Однажды Эвридику, бродившую по берегам зари, увидел пастух по имени Аристей. Пораженный красотой Эвридики, он попытался добиться ее благосклонности. Спасаясь от него, Эвридика наступила на ядовитую

змею, притаившуюся в густой траве. Отравленная ядом вонзившегося в ее ногу жала, Эвридика умерла.

И новой песней огласились горы. Всю скорбь свою вложил Орфей в звуки лиры, и вместе с ним зарыдали над его утратой холмы и долины. Даже боги на высоком Олимпе были тронуты его трагедией. Но никто не отозвался на его песню, когда бродил он в безысходном отчаянии среди холмов, с плачем повествуя ночи свою печальную историю.

И наконец Орфей решил искать утраченную возлюбленную в подземном царстве. Свое путешествие он начал с подъема на скалистый мыс Тенар^[12], где лишь угрюмые роци эхом вторили его горестным рыданиям. В конце долгого пути он достиг входа в большую пещеру, ведущую глубоко вниз под гору, в царство, где протекала река Стикс и правил ужасный Гадес, бог смерти. Спускаясь вниз, Орфей видел духов, бесцельно блуждавших в царстве теней. Мимо него проплывали призраки, тени великих и благородных героев и толпы душ, за которыми присматривал Гермес, проводник умерших в загробный мир.

Наконец Орфей предстал перед двойным престолом владыки подземного царства, на котором восседали Плутон и Персефона. Взяв лиру, он запел, выражая в словах своей песни мольбу о том, чтобы Эвридику вернули в мир живых. И до того горестной была его песня, что призраки разрыдались, духи были тронуты до слез и все преисполнились к нему искренней жалостью. На какой-то момент Тантал, мучимый неутолимой жаждой, перестал тянуться к воде; остановилось колесо Иксиона, и дочери Даная приостановили свою бесконечную работу по наливанию воды в решето. Согласно мифу, в ту минуту лица фурий в первый и последний раз были мокрыми от слез.

Великий Гадес, растроганный пением барда, пообещал вернуть Эвридику в земной мир при условии, что на обратном пути Орфей не будет оглядываться назад до тех пор, пока не выйдет из пещеры на свет. За сим последовало опасное возвращение в мир живых. По извилистым тропинкам сквозь запутанный лабиринт пещер вел Орфей свою Эвридику, и, когда уже казалось, что их путешествие благополучно завершается, Орфей оглянулся, чтобы взглянуть на возлюбленную. Раздался душераздирающий крик... и страшным вихрем Эвридику унесло обратно в водоворот смерти. В отчаянии бросился Орфей обратно в царство Гадеса, чтобы вымолить у него прощение и вновь вернуть Эвридику, но она была потеряна для него навсегда. Семь месяцев бродил Орфей среди холмов, рассказывая ветрам о своем безутешном горе.

О жизни Орфея после смерти Эвридики мало что известно, кроме

сведений о его учениях и учреждении его мистерий. С тех пор в его пении навсегда зазвучала нота страдания, а сила переживаний обогатила его учения.

Возможно, что в основу этой легенды отчасти положены реальные события, так как, по свидетельству Павсания^[13], Орфей, оплакивая смерть Эвридики, дошел в своих странствиях до Аорна, местечка в Феспротии, где по обыкновению вызывали души умерших. Там с помощью магических заклинаний он заставил явиться свою жену, но не сумел навсегда удержать ее в земном мире, и когда она вновь удалилась в обителище ночи, Орфей умер от горя.

Несколько противоречивых рассказов о смерти Орфея явно свидетельствуют о том, что они не относятся к одному человеку и, возможно, являются правдивым описанием обстоятельств кончины пяти разных людей по имени Орфей. Согласно одной из версий, Орфей погиб от удара молнии. Диоген так рассказывает об этом в стихотворной форме: «Великий Орфей отдыхает, сраженный небесным огнем». По версии Шюрэ, причиной гибели Орфея послужили козни Аглаоники, фессалийской колдуньи. Тело барда было кремировано его учениками, а урну с прахом установили в храме Аполлона.

Рассказывали также, что он покончил с собой, не пережив утраты любимой, и что соловьи прилетали на его могилу и выводили там птенцов, и якобы именно поэтому они обладают столь мелодичными голосами. По другой версии, Орфея убили боги за то, что он отказался участвовать в обрядах поклонения в святилище Вакха, однако эта история очевидно относится к человеку, жившему в более поздний период, поскольку из всех гимнов Орфея в девяти содержится обращение к Вакху в разных его воплощениях.

Согласно общепринятой версии, убитый горем Орфей бродил по берегам реки Стримона, отказываясь от еды и питья. Друзья и ученики искали его, чтобы принести утешение страдающему сердцу, но поэт жаждал лишь одиночества. Он удалился высоко в горы, туда, где возвышаются Родопы и Гем, и там среди заснеженных вершин жил в полном одиночестве, поверяя свое горе единственному верному спутнику — своей лире.

В тех лесах обитали толпы неистовых вакханок. Услышав однажды печальную мелодию, они понеслись сквозь лес, направляясь к тому месту, откуда исходили звуки, и, окружив музыканта, пригласили его присоединиться к их оргиям. Орфей ответил отказом. Вначале они принялись его упрашивать, а потом разгневались и стали ему угрожать

расправой. Одна из вакханок бросила в Орфея свой дротик; но стоило только ему соприкоснуться с волнами волшебной музыки, как грозное оружие упало на землю, не причинив певцу никакого вреда. Взбешенные женщины начали швырять в него камни и огненные стрелы, но они не оставили ни малейшей царапины на теле божественного музыканта.

Вопли вакханок становились все громче и громче и наконец превратились в пронзительный визг, заглушивший голос певца и нежные звуки его лиры, и Орфей, лишенный защиты, был тут же растерзан на куски дошедшими до неистовства вакханками. Останки музыканта они бросили в реку Гебр, и, пока они медленно скользили вниз по водной глади, журчание воды смешивалось с печальными звуками его лиры. В последний раз Орфей произнес: «Эвридика, Эвридика», его слова эхом повторили семь рвущихся струн лиры, прежде чем замолкнуть уже навсегда. Полагают, что Орфей умер в возрасте шестидесяти трех лет.

В десятой книге Платона «Республика» описывается видение Гера Памфилия. Душа Орфея, которой, согласно закону переселения душ, было предопределено вселиться в другую физическую оболочку, предпочла повторно родиться лебедем, а не от женщины, памятуя о гибели певца от рук вакханок.

Учение Орфея

Томас Тейлор в своем предисловии к «Мистическим гимнам Орфея» пишет: «Орфей, как справедливо замечает Прокл, пользуясь свободой изложения, предоставляемой легендами, опережая богов, называет все вещи своими именами, вплоть до первопричины. Он также называет Временем того, чье имя нельзя произносить всуе, того, кто выходит за пределы, доступные пониманию. И в этом, по замечательной аналогии, содержится указание на генерацию, т. е. непередаваемую эволюцию всех вещей в свет из бесконечного источника всего сущего».

Согласно Орфею, все сущее проистекает из единого безмерного блага — Высшего и Независимого Принципа. Причина всех вещей, называемая Единым, также является благом и началом: благом, потому что она — источник и проявление добродетелей, и началом, потому что она — высшая степень всех свойств, предшествующая как богам, так и природе.

Орфическое представление о боге является одной из самых величественных концепций, когда-либо рожденных человеческим разумом, — Божество уже не было некой личностью или антропоморфическим существом, обитающим где-то в эмпирии. Бог раскрывается как предвечное благо, неиссякающий источник истины и закона, всемогущее единство и всеведущая реальность. В такой интерпретации Бог есть не существо, а источник существ; не свет, а источник света; не разум, а источник разума; скрытое начало всех проявленных вещей. Орфей искал благосклонности того, кто живет самим собой, сочиняя хвалебные гимны и совершая надлежащие обряды, но никогда Единый не был объектом бездушного поклонения или бессмысленных жертвоприношений.

Из безмерного сияния появилась путем нисхождения величественная триада божественных качеств, состоящая из бытия, жизни и интеллекта и названная Постижимой Тριάдой. Бытие ближе всего подходит к Единому и является первой проявленной добродетелью того, что вечно. Жизнь занимает второе место и предшествует интеллекту. Самое нижнее место отведено интеллекту как наименее нужному из качеств.

Бытие, жизнь и интеллект — это первые боги после Единого. Все вместе они пребывают в нераздельном единстве, и правильнее их следовало бы называть причинами всех проявленных свойств. В этих причинах берут свое начало все формы. Вселенная с ее бесчисленными

видами эволюционирующих живых существ возникла в результате дальнейшего развития от неземных причин.

Из первой триады появляются все другие триады в следующей последовательности:

1. Единый.
2. Постижимый порядок.
3. Постижимый и в то же время интеллектуальный порядок.
4. Интеллектуальный порядок.
5. Неземной порядок.
6. Эмансипированный порядок.
7. Земной порядок.

Первые три триады — 2, 3 и 4 из приведенной выше последовательности — субъективны, самодостаточны и сами являются причинами. Каждый из порядков состоит из триады принципов, обладающей такими качествами, как бытие, жизнь и интеллект. Третий принцип интеллектуальной триады (пункт 4) соответствует демиургическому интеллекту, или творцу земного мира. Именно Демиург^[14] и его потомки, первые Титаны — созидательные силы — формируют сначала неземную, затем эмансипированную и, наконец, земную сферы. Следовательно, три эти сферы составляют часть демиургической природы. Демиург собственно и является тем вторым творцом, кого древние называли отцом и кому несведущие поклонялись как истинной причине всех вещей. Большинство теологов и теогонов ничего не знали о духовных порядках выше Демиурга, а потому они просто были неспособны постичь подлинное величие вселенского плана.

Земной порядок содержит последнюю и нижайшую из созидательных триад. Бытие, жизнь и интеллект на этом плане называются Зевсом, Посейдоном и Гадесом. Эти земные божества, в свою очередь, на основании собственного закона создали дух, душу и форму материального мира. Поэтому Зевса называют отцом воздуха, воды и земли. Зевс в качестве Гадеса создает физическое тело природы. Через это физическое тело он выступает как правитель опять же в трех, но уже физических ипостасях. По своей истинной природе, как Зевс, он — повелитель атмосферы, неба, ветров и дыхания. В своем втором качестве, как Посейдон, он управляет морями, реками и обитателями водных глубин. В своей третьей ипостаси, как Гадес, он правит землей, горами, пещерами и подземельями.

Подземный Зевс, или Гадес, — это всего лишь созидательная сила, которая проявляется через материальные элементы природы;

следовательно, весь материальный мир становится телом жалкого мертвеца. В этом и заключается смысл утверждения Платона, что тело есть склеп души и что душа заточена в теле, подобно устрице в ее раковине. О схождении души в сферу воспроизводства, т. е. в царство адского Зевса, в скрытой форме повествуется в легенде о том, как Орфей отправился в подземный мир на поиски Эвридики, которая символизирует опыт, силу души и понимание.

Согласно орфической антропологии, человек, как и вселенная, состоит из одной невыразимой первопричины и шести эманулирующих триад способностей, или качеств. По этой схеме, разум или, вернее, ментальное эго, занимающее самое нижнее место в интеллектуальной природе, соответствует Демиургу, или создателю объективных форм. Разум, следуя орфической аналогии, — это неглавный бог, управляющий низшими царствами тем же способом, каким первые, или главные, боги руководили всем космическим порядком действий.

Орфей пропагандировал идею метемпсихоза, т. е. периодического возвращения в материальный мир. Необходимость повторного рождения обусловлена наличием в душе материальной субстанции, которая не умирает с распадом тела. Страсти, потребности и безрассудства души, хотя сами по себе и не материальны, их удовлетворение обычно зависит от материальной стороны жизни. После смерти тела сущность со всеми своими физическими потребностями по-прежнему остается полной и энергичной, а это неизбежно приводит к тому, что такого рода потребности снова увлекают эту сущность обратно в материальный мир. Метемпсихоз — это, по сути, закон периодического погружения в сферы чувств до тех пор, пока чувственные импульсы не будут подавлены в самом их источнике — натуре, обуреваемой неутоленными желаниями. Физический мир с невероятной силой притягивает всех, в ком преобладают материальные интересы. Все это и послужило причиной возникновения мистерий — институтов, стремившихся очистить внутренний мир человека таким образом, чтобы он, победив животное начало в собственной душе, мог после смерти стать блаженным духом «и приблизиться к богам», ведомый благочестием своего бытия.

Величие орфического представления в полной мере раскрывается в рапсодиях, сочиненных поэтами священных мистерий. Богам пели надлежащие гимны, особо упоминали об их чинах и в изящной форме восхищались их могуществом. Эти стихи подобны прекрасной ткани, сотканной из шелковистых золотых нитей и похожей на те, что были изготовлены руками муз. Орфей прославлял красоту и гармонию. Нельзя

петь хвалу богам хриплыми голосами. Тем, кто прекрасен, человек должен предлагать только красоту. На алтарь верховного бога он должен возлагать добродетели. Вселенная — это одна грандиозная симфония добродетелей, и к тому, что составляет источник всей гармонии, должно обращаться с благозвучным призывом.

Особым символом орфического культа стал форминкс, семиструнная лира, которая, согласно Е.П. Блаватской, «олицетворяет семеричное таинство посвящения». Именно лира Орфея послужила для Пифагора источником вдохновения в изучении музыки сфер. Если под семью струнами форминкса понимать семь аспектов человека и семь отделов человеческой души, то изучение гармонии в целом становится символическим выражением внутренней настройки. Человек, совершенствующий свою природу, превращается в искусного музыканта, извлекающего божественные мелодии из струн собственного естества. Приведение в гармонию — это комбинирование, это сведение воедино гармонических величин в соответствии с законом и правилом. Умение жить подобно науке сочетания факторов в приятные или неприятные комбинации. Искусный музыкант — это тот, кто способен в совершенстве исполнять священные композиции на музыкальном инструменте собственной безупречной жизни.

После смерти Орфея его лира оказалась в храме Аполлона, где оставалась в течение долгого времени, вызывая всеобщее восхищение. Однажды в храм явился Неант, сын Питтака, знавший о магической силе лиры Орфея и стремившийся заполучить ее любой ценой. Он подкупом заставил одного из жрецов заменить подлинный инструмент подделкой и, спрятав под плащом волшебную лиру, в тот же день покинул город. Отъехав на безопасное расстояние, он остановился в лесу, вознамерившись поиграть на лире. Но вместо священных мелодий его неумелые пальцы смогли извлечь из ее струн только отвратительный визг, привлекая внимание рыскавших в округе диких собак. Разъярившись от мерзких звуков, они бросились на неудачливого музыканта и растерзали его на части. Развивая этот сюжет, греческие сочинители мифов давали понять, что, если мистическая теология попадает в руки невежд, извращающих ее содержание, зло само уничтожает и себя, и того, кто его сотворил.

Рассказывают также, что голова Орфея продолжала жить после смерти тела. Она открывала глаза и произносила пророческие слова. Философы, по-своему истолковав эту легенду, заявили, что Орфей олицетворяет великую доктрину, или ядро традиции. Храм этой доктрины, т. е. тело Орфея, пал жертвой неистовства невежественной черни, всегда

извращающей все, что имеет отношение к мистике. Голова Орфея символизирует источник этой традиции, и хотя жречество разогнали и алтарные огни погасли, остались священные истины, продолжавшие вдохновлять другие поколения. Мудрость — голова Орфея — никогда не умирает даже с утратой тела этой мудрости, в чем собственно и заключен смысл аллегории с головой, которая продолжала говорить после того, как тело было растерзано неистовыми вакханками.

Орфея обычно считают основателем или, по крайней мере, главным реформатором Вакхических и Дионисийских мистерий. Утверждают, что дионисийские обряды он привез с собой с Востока и пропагандировал их среди народов Фракии, оттуда они перекочевали в Аттику и в конце концов проникли в большинство греческих государств.

До возникновения орфического культа у греков была только одна, незрелая концепция посмертного состояния души. Согласно воззрениям доисторических эллинов, умерших ожидали бесконечные скитания в подземном царстве теней. И герою, и рабу был уготован один и тот же конец. Ни добродетельные поступки, ни глубина мышления не могли спасти душу от бессмысленных блужданий в обители теней, бесконечной процессией проходящих через портал подземного царства. В воротах стоял трехглавый Цербер, злобно рычащий на бредущих мимо него призраков. Необразованные люди верили в то, что склеп в могильном кургане — это ворота в подземный мир и что в конце концов все войдут в этот мрачного вида портал, о котором халдеи писали, что его «петли заржавели, а перемычки покрыты толстым слоем пыли». Таков был подземный мир в представлении Гомера. Все герои в итоге погружались в безмолвие. И даже великий Ахилл, важный Нестор или храбрый Агамемнон не могли надеяться на лучшую участь.

Важность реформы Орфея, таким образом, становится очевидной. Она полностью изменила сложившуюся у человека концепцию его собственной судьбы. Она навсегда изгнала из его сознания мир теней и его ужасного владыку и раскрыла человеколюбивый божественный замысел, ограничивающий все превратности судьбы. Люди, больше узнавая о своих богах, находили больше оснований, чтобы их почитать и ими восхищаться. Жизнь уже не была бессмысленной, поскольку впереди начали смутно вырисовываться великие цели. Философы мечтали о них, поэты воспевали их в своих стихах, а ораторы произносили о них длинные речи пока наконец орфизм не породил самого совершенного мыслителя классической древности, бессмертного Платона, сумевшего сделать понятными все чудеса вселенной.

Несколько избранных строк из орфических рапсодий

Авторство этих стихов приписывают и Орфею, и ранним посвященным его школы, и по прошествии столетий веков уже невозможно точно определить их подлинного автора.

К Мусею:

*Из той священной песни, что пою я, узнай же,
о Мусей,
Какие из обрядов более всего подходят, чтобы
приличествовать жертвоприношенью.
К Юпитеру взываю я, к земле и свету солнца,
К сиянью чистому луны и к звездам ночи.
Блистательное Провиденье, величественна сколь
процессия
Тех, облик демонов принявших, кто переполнили
эфирную равнину;
Иль в воздухе живут, в воде, в земле или в огне,
Иль обитают глубоко под твердью земной
в уединеньи.*

К Ночи: (фимиам от факелов)

*О Ночь, великий укротитель Богов, а равно
и людей,
К кому бежал, оберегла меня от ярости его;
Ведь он немедля устрашился, не смея Ночь
хоть чем-то оскорбить.
Услышь, благословенная Венера, в уборе
из сиянья звезд,
Эбеновую ночь, что обитает
В безмолвии глубоком сна!*

К Небесам: (фимиам от ладана)

*О Небеса великие, чья мощная громада
не знает ни секунды передышки,
Отец всего, весь мир откуда появился;
Внемли, о щедрый праотец, начало и конец всего,
Навеки этот шар земной пустивший
в бег по кругу;
Богов-хранителей обитель, чья власть замкнула
Вечный мир в извечные границы;
Чье в складках скрытое вместительное лоно
В себе жестокою необходимостью
всех природ содержит.*

К Закону: (гимн)

*Священным повелителем Богов, как и людей,
я называю
Закон небесный, воистину собой явивший
залог всего;
Или печать, отмечено которой все,
что земля вмещает,
И все сокрытое под водной гладью;
Навечно сохранит она законов неизменность, ибо
Ее отличьем служат крепость и гармоничное
звезды строенье.
К Божеству снов: (фимиам от благовоний)
К тебе взываю о, дарующая радость
сила небесных снов, Как быстры твои крылья, о ты,
судеб грядущих ангел.
Оракулом великим стал ты для племени людей,
Когда в молчанье сладком сна и мраке ночи
Подкравшись тихо, ты с разумом ведешь
неслышную беседу*

*И заставляешь силою своей открыться
умственное зренье.*

ЗАРАТУСТРА

Заратустра

Заратустризм, или, как его обычно называют, зороастризм, представляет собой древнюю религию ирано-арийских народов, в незапамятные времена мигрировавших из Индии и цивилизованной Персии, Мидии и других частей древней Халдеи. Как повествуется в одном из самых ранних преданий, основателем магических обрядов персов был пророк Заратустра, но, к сожалению, не сохранилось никаких достоверных данных относительно точного времени его жизни и пастырства, и, судя по разным источникам, оно приходится на период с X по I тысячелетия до н. э. Причина подобной неопределенности, по крайней мере частично, объясняется пропажей множества документов в результате уничтожения библиотек философов-магов войсками Александра Македонского.

Общим именем Заратустра, по-гречески Зороастр, назвали нескольких посвященных и божественно просвещенных законодателей и религиозных реформаторов из халдеев. Как и в случае с Ману и Вьясой в Индии, Моисеем в Израиле, Орфеем в Греции и Кецалькоатлем в Мексике, время из нескольких философов-магов по имени Заратустра слепило одну-единственную личность, ставшую главным персонажем псевдоисторического повествования, объединившего в себе деяния разных людей и давшего начало одной в высшей степени метафизической традиции. Отдельные части этого повествования так, вероятно, никогда и не удастся расположить в надлежащем порядке, поскольку авестийский язык^[15] ныне полностью исчез и в современном мире не нашлось никого, кто вернул бы старинные рукописи к жизни.

Имя Зороастр греческие авторы составили из разных слогов, и поэтому это слово может иметь одно из следующих значений: первое — поклоняющийся звездам; второе — воплощение тайных вещей; третье — ваятель образов из скрытого огня и четвертое — сын звезд.

Древнейшая из иранских книг под названием «Сезатир»^[16] содержит собрание учений и откровений четырнадцати древних пророков Ирана, среди которых Зороастр занимает тринадцатое место. Весьма вероятно, что в доисторические времена некий великий мудрец, посвященный первых мистерий арийских индусов, положил начало преемственности жрецов-пророков, которые впоследствии стали носить его имя и в конечном итоге слились с личностью этого мудреца. Хорошо известен подобного рода прецедент, когда в герметической традиции египтян жрецы-посвященные нескольких поколений утратили свою индивидуальность и были объединены под общим всемогущим именем Гермеса.

Греческие авторы выделяют, по крайней мере, шесть Зороастров:

первый был родом из Халдеи, второй — из Бактри, третий — из Персии, четвертый — из Памфилии, пятый — из Проконнезии и шестой — из Вавилонии.

Последний из них, как утверждает Луций Апулей^[17], был современником Пифагора, посещал его и учился у него, когда Пифагор был в качестве пленника доставлен в Вавилон солдатами армии Камбиза^[18].

Ограниченность места не позволяет провести сравнительное исследование крайне противоречивых, с точки зрения значимости этих Зороастров, сведений, причем довольно сомнительно, чтобы даже самый тщательный анализ имеющихся данных позволил сделать заключение о первостепенной важности одного из Зороастров. Любому изучающему данный предмет следует помнить, что Зороастр, каким его представляет нам современная история, является персонификацией величественной философской системы, основанной в далеком прошлом мировой истории неким полубогом из числа смертных и сохраняемой рядом посвященных жрецов вплоть до ее полного уничтожения мусульманами.

С учетом всех этих ограничений можно вкратце обрисовать более или менее легендарную историю жизни Зороастра. По причинам, очевидность которых вытекает из вышеизложенного, невозможно хотя бы с какой-то точностью описать внешность или характер основателя магических обрядов. Портрет Зороастра, приведенный в качестве иллюстрации к данному разделу, считается единственным сохранившимся изображением древнего пророка. Оригиналом ему послужила высеченная из скалы фигура неизвестной эпохи. Лицо каменной статуи, изуродованное до неузнаваемости, было восстановлено добродетельным приверженцем Зороастра, честные намерения которого, видимо, намного превосходили имеющиеся у него факты. И хотя это изображение повсеместно признано портретом самого Мага, есть все основания сомневаться в его подлинности. Люди, достаточно компетентные, чтобы высказать свое мнение по этому вопросу, осмеливаются предположить, что это изваяние призвано олицетворять Ахурамазду, Первый Принцип мира в персидской религии. Весьма вероятно, что лицо статуи было изуродовано одним из фанатичных зороастрийцев, поскольку приверженцы этой религии решительно настроены против идолопоклонства. Не исключено также, что это было делом рук греков или мусульман. Однако, с метафизической точки зрения, вполне возможно, что это изваяние представляло Ахурамазду, воплощенного в образе его любимого пророка Зороастра.

Даже среди специалистов наших дней не сложилось единого мнения

относительно времени духовного правления Зороастра, однако все они склонны ограничить его периодом между 1200 и 500 гг. до н. э.

Появление великого пророка в Иране именно в этот период установлено как исторический факт, но то, что ему предшествовали другие пророки, проповедовавшие философию магов, принимается как вероятность. Современные ученые относятся к греческой и римской легендам с большим сомнением. В сложившейся в Индии буддийской традиции категорически утверждается, что Сиддхартха Гаутама был не первым Буддой, а главным выразителем буддийской системы.

Та же проблема существует и в отношении Персии. И хотя в священных писаниях упоминается о нескольких древних пророках, Спитама Заратустра признается главным толкователем доктрин магов.

А.В. Уильямс Джексон в своей очень важной книге «Зороастр — пророк древнего Ирана», вышедшей в издательстве Колумбийского университета, предпринимает попытку критического, но тем не менее беспристрастного разбора имеющихся сведений о жизни и эпохе Зороастра и высказывает вполне обоснованное мнение, что Спитама Заратустра родился в первый день 660 г. до н. э. и умер в сорок первый день 583 г. до н. э., когда ему было семьдесят семь лет и сорок один день. На этом времени в принципе сходятся ученые, изучающие персидскую культуру, однако другие европейские авторы останавливаются на более раннем периоде.

Как сказано в метрических стихах и гимнах под общим названием «Гаты», пророк родился в Азербайджане, входившем в те времена в состав Западного Ирана. Как и в случае Иисуса, была предпринята попытка проследить его родословную от правителей его страны. Судя по некоторым документам, его отца звали Пурушаспа, а мать — Дугхдхова. В семье он был третьим из пяти сыновей. Большинство источников сходятся на том, что Зороастр появился на свет в результате непорочного зачатия. Согласно легенде, его отец при совершении религиозных обрядов пил сок священной хаомы, который представляет собой то же самое, что и сома для индусов, таинственный напиток богов, вследствие чего его жена забеременела, не познав мужчины. Появление ребенка на свет сопровождалось сверхъестественными проявлениями и оккультными событиями, которые обычно сопутствуют воплощению аватары, или божественного существа, и вся природа радовалась рождению пророка. Ариман, злой дух, и его войско демонов спрятались в укромнейших уголках земли, не в силах вынести величия новорожденного мудреца. В момент воплощения дом Пурушаспы окружило кольцо небесного света.

Как повествуется в древнейшем греческом предании, Зороастр был единственным из смертных, который весело смеялся, рождаясь на свет. Рассказывают также, что, когда он был ребенком, его мозг пульсировал с такой силой, что стоило только положить руку ему на голову, как ее тут же отбрасывало прочь. По другой легенде, Зороастр был сыном Ормузда, духа огня, хотя имя Ормузд, видимо, представляет переделанное на греческий манер имя Ахурамазда.

Демоны, не в состоянии помешать рождению пророка, немедленно вознамерились его уничтожить. Было предпринято немало попыток убить его еще в младенческом возрасте, но благодаря чудесному заступничеству ему всегда удавалось избежать козней своих недругов. Туранский карап Дурашрав сыграл в истории Зороастра роль Ирода. Ему служили колдуны, а сам он поклонялся идолам. Карап и его религиозные наставники, не сумевшие погубить ребенка, так повлияли на Пурушаспу, что он отвернулся от сына, страшась его как демона, родившегося в облике человека. Но мальчик уже в который раз полностью расстроил планы своих врагов.

Продолжение истории Зороастра приходится на тот момент, когда ему уже исполнилось семь лет и его, не по годам развитого и удивительного ребенка, отдали на попечение одного почтенного мудреца, чтобы тот посвятил его в тайны истинной религии. Примерно в это же время Зороастр вновь удачно избежал смерти от рук прислужников Аримана, которые задумали его отравить, чтобы пророк уже никогда более не смог читать свои проповеди в Иране.

В то время, согласно обычаю, мальчик считался совершеннолетним с пятнадцати лет, а по вполне достоверным сведениям, именно в этом возрасте он прошел обряд посвящения в истинную религию, к которому допускались только те, кто достиг совершеннолетия. Его отец, к тому времени примирившийся со своим божественным сыном, решил разделить имущество между всеми детьми. Зороастр в качестве своей доли наследства выбрал только один таинственный пояс. Тогда же он получил и Кушти, т. е. священную нить или шнур, символ маздакизма^[19]. Юноша, уже давно обратившийся к религиозной жизни, когда ему исполнилось двадцать лет, принял духовный сан и покинул родительский дом. Он отправился в персидскую пустыню, чтобы там в полном одиночестве поститься и предаваться размышлениям. Единственной пищей для него в это время был священный сыр особого сорта, который никогда не перезревает и не плесневеет. В этом можно усмотреть связь с таинственной пищей Гермеса, которую Пифагор ел, когда тоже постился в пустынных местах. В один из

периодов своей жизни Зороастр жил на священной горе в глубокой пещере. Место, где он обитал, днем и ночью было окружено кольцом неугасимого огня. Зороастр мог без опаски проходить сквозь священный пламя, не причинявшее ему никакого вреда, но пожиравшее любого из неверующих, кто пытался последовать за пророком.

В тридцать лет Зороастр начал свое пастырство. С небольшой группой учеников он отправился в Иран и там, по крайней мере один раз, совершил чудо, подобное тому, которое приписывают Моисею, а именно: заставил морские воды разойтись и вместе с учениками прошел через море по сухому дну. Пятого мая на рассвете Зороастра посетило первое видение. В то утро он находился поблизости от реки, как вдруг перед ним возникла огромная фигура Воху Маны^[20]. Небесное существо повелело ему сбросить свое тело и следовать за ним. Они вознеслись в обитель Ахурамазды. Там из уст Вечной Силы он узнал доктрины, которые должен был проповедовать, вернувшись обратно на землю. За первым видением последовали шесть других, в которых раскрывались тайны ангелов. Он лицезрел Амеша-Спентов, сонм ангелов и архангелов. Когда видения закончились, пророк, посвященный в божественные тайны, подвергся искушению. Ариман и адское воинство пытались любым способом погубить пророка или заставить его свернуть с пути. Искушение Зороастра в основном ничем не отличалось от искушения Будды под «деревом бодхи» или Иисуса на склоне горы Табор. Одержав победу над всеми силами зла и вооружившись праведностью, он поборол Аримана и разогнал всех его злых духов.

Первым из обращенных пророком стал его собственный двоюродный брат. Затем, следуя велениям Ахурамазды, Зороастр провел одиннадцатый и двенадцатый годы своего духовного руководства (которое началось, когда ему было тридцать лет), посвящая все свое время обращению могущественного царя Виштаспы. Ему суждено было стать Константином зороастризма, подобно Ашоке в буддизме. Обращение Виштаспы стало важнейшим событием в жизни пророка. Однажды, когда этот всемогущий иранский правитель восседал на троне в царском дворце в Балхе в окружении придворных, министров и жрецов, огромные камни, образующие крышу дворца, вдруг, словно по волшебству, медленно разошлись и через образовавшееся отверстие вниз сошел пророк, держа в одной руке огненный куб, а в другой — скипетр из кипарисового дерева. Это был человек могучего телосложения в белых одеждах и похожем на тюрбан головном уборе с длинной лентой. Таким предстал Зороастр перед царем Виштаспой. По закону того времени жрецы и философы устроили

ему экзамен, из которого он после трех дней непрерывных вопросов вышел полным победителем.

Жрецы ложной государственной религии, преисполненные зависти и напуганные его могуществом, приказали спрятать в его доме несколько предметов, используемых в колдовских ритуалах. За это он был впоследствии арестован и брошен в тюрьму, но Ахурамазда сыграл на самой слабой струнке царя. Виштаспа был превосходным наездником и очень гордился горячностью своих лошадей. Когда арестовали Зороастра, любимую вороную лошадь царя тут же поразил паралич. Виштаспа, усмотрев в этом событии божественное предостережение, освободил пророка и обратился в его веру, после чего вороная лошадь чудесным образом выздоровела.

Вслед за Виштаспой в эту веру перешло большинство его придворных. Новая религия стала официальной. Зороастр исполнил свою миссию, и идолопоклоннические культы были постепенно упразднены. Затем последовали годы странствий по Ирану. Согласно преданиям, Зороастр посетил Египет, Индию и Грецию, и, надо заметить, все эти предания претендуют на достоверность. Однако по истечении столь долгого времени нет никакой возможности удостовериться подлинность содержащихся в них сведений. Рассказывают, что пророк совершил немало чудес, включая исцеление от слепоты.

Однажды на страну, которой правил Виштаспа, напал его злейший враг, туранский правитель, воинственный турок по имени Ареджатаспа. Исфандьяр, сын Виштаспы и новообращенный в веру Зороастра, повел против него иранские войска и нанес противнику сокрушительное поражение. С победой вернувшись домой, Исфандьяр рассчитывал получить корону из рук своего отца. Но его младший брат оклеветал его перед царем, и Исфандьяр был брошен в тюрьму в качестве награды за свою храбрость и преданность.

Прошло несколько лет, и Ареджатаспа снова пошел войной на Иран и сумел занять большую часть чужих земель. Виштаспе пришлось бежать из своих владений. Исфандьяр был в тюрьме, и на этот раз горечь поражения пришлось познать армии Ирана. Ареджат-аспа захватил Балх и разрушил зороастрийский храм Мушадара. Он разграбил зороастрийские святыни, потушил священный огонь, предал смерти жрецов и убил Зороастра.

В персидских преданиях содержится описание гибели мага^[21], согласно которому он совершал священный обряд в храме, когда туда внезапно ворвались турецкие захватчики. Один из них метнул копьё в пророка, в молитве преклонившего колени перед алтарем. Смертельно

раненный Зороастр обернулся и бросил свои четки в убийцу, который тут же упал замертво, словно сраженный ударом молнии. Виштаспа, узнав о трагедии, освободил Исфандьяра, чтобы тот смог возглавить армию и выступить против Ареджат-аспы. В итоге турецкие войска были разбиты, а сам Ареджат-аспа пал на поле битвы.

По преданию греков, снизошедшее из созвездия Ориона великое пламя сожгло останки пророка. Поток небесного огня, поглотивший Зороастра, был огненным телом его отца, который подобрал с земли своего знаменитого сына и унес его туда, откуда он пришел, — обратно в звездное небо.

Согласно Суидам, Зороастр оставил после себя четыре книги: одна из них посвящена тайнам астрологии, а три других — проблемам морали и политики.

Среди мистиков Персии бытует поверье, что на вершине высоких Тянь-Шаньских гор есть огромная пещера, где по сей день хранятся таблички с записями первого Заратустры. И в каком-то далеком будущем, когда мир станет достаточно мудрым, чтобы понять зашифрованные в них тайны, эти таблички будут спасены от забвения.

Зороастрийская доктрина

Авесту, главную религиозную книгу зороастрийцев с ее Зендой, или толкованием, обычно ошибочно называют Зенд-Авестой. В гатах Авесты записаны подлинные слова пророка. В других частях книги содержатся приписываемые ему доктрины с комментариями. До сих пор в Индии Авеста остается для парсов священным писанием. Существующие варианты Авесты составлены относительно недавно, а самый ранний из них датируется XII в. христианской эры. В сохранившихся рукописях Авесты имеются значительные расхождения, указывающие, что их источником послужили более полные оригиналы или масса преданий, из которых было заимствовано множество избранных отрывков.

Авеста в ее нынешней форме вполне заслуживает названия последнего величественного памятника литературы, большая часть которого утрачена для мира. В предании говорится, что Авеста в ее первоначальном виде была составлена Зороастром и написана на двенадцати тысячах выделанных шкур, скрепленных золотыми лентами. Все записи были сделаны особыми иероглифами на тайном и священном языке пророка, который якобы сообщили ему ангелы.

И хотя Зороастр был, бесспорно, одним из величайших мыслителей древности, это вовсе не означает, что свою теологию он развивал в отрыве от других религиозных систем. Своими корнями зороастризм глубоко уходит в примитивный фольклор ирано-арийских народов. В доктрине магов можно обнаружить элементы брахманизма, философии халдеев, метафизики египтян и даже китайских преданий.

Вклад Зороастра заключался в новом толковании старых идей. Величие его интеллекта более всего проявилось в надлежащей оценке духовных ценностей в то время, когда люди закоснели в узких рамках прозаических принципов.

Древние зороастрийские доктрины представляли собой удивительную смесь монотеизма, антропоморфизма и пантеизма. Персидская философия начинается с определения природы Первого Принципа бытия. Подобно халдеям и египтянам, зороастрийцы определяют Первопричину как бесконечную протяженность, абсолютное проникание жизни. Деятельность они символически изображают линией, бесконечно продолжающейся в слиянии с самой собой, то есть окружностью. Персы воспринимают окружность точно так же, как греки и египтяне, — как идеальную модель

божественной деятельности. В основу всей персидской философии положена абсолютная протяженность бытия — Пространство-Бог, бесконечный круг неизвестного времени. Этот неизвестный, нестареющий и непреходящий Принцип они называют «Зероана-Акерне».

Из Зероана-Акерне появляется лучезарный, прекрасный, проявленный создатель — Ахурамазда-пространство, овеществленное в виде гигантского существа. Зероана-Акерне, трижды глубокая тьма, содержит в себе же способность овеществления. Ахурамазда, или Логос, периодически является, на какое-то время проявляется, а затем вновь возвращается в вечную тьму. Пространство, Зероана-Акерне, имеет два аспекта — непроявляющийся и проявляющийся. Проявленное Пространство — это Ахурамазда, а непроявленное — это Зероана-Акерне.

Ахурамазда представляет собой триаду — ярко горящий треугольник во мраке вечной жизни. Ахура — это вечная мудрость, а Мазда — носитель этой мудрости, и, значит, Ахура-Мазда вместе — это свет знания, проявляющийся до сотворения мира. Похоже на то, что в некоторых ранних произведениях Зороастра считают воплощением Ахурамазды или, по крайней мере, посредником, через которого Ахурамазда проявляется людям. Поэтому и говорят, что у Зороастра было три сына: царь, воин и жрец, представляющие триаду сил, которая проявляется из света Бога.

Свет, появляющийся во тьме, создает контраст, или конфликт, а из этого контраста возникает принцип зла — тьма, которая всегда стремится поглотить свет. Излучающее свет существо Ахурамазда, перемещаясь в пространстве, создало вселенную и воплотилось в светящиеся объекты мира, проявившись в итоге в виде Ормузда, или солнца. Солнце как овеществленный свет борется с тьмой, чтобы поддерживать жизнь мира. Так создается противопоставление духа и материи. При соединении духа и материи образуются формы, и каждая форма содержит в себе конфликт, который применительно к людям называют борьбой между высшим и низшим «я». Низшие, или более грубые, элементы всегда рассматриваются как нечто враждебное или помеха. Этот враждебный фактор называют Ариманом, змеем. Когда Ахурамазда как творящий интеллект приступил к созданию живых существ, Ариман, «отрицатель», сотворил тени, или тела, в которые были заключены источники света. Таким образом возникает новая триада, которую составляют Ахурамазда, Ормузд и Ариман, или дух, душа и тело — созидающий, сохраняющий и разрушающий аспекты бытия, Брама, Вишну и Шива индусов.

Древние персы были астрофилософами. Они прибегали к астрологии как к символической науке, чтобы представить таинство творения,

используя в качестве ключа Зодиак. Они утверждали, что при прохождении первых трех знаков Зодиака были созданы боги. В знаке Овна появился Зероана-Акерне, в знаке Тельца — Ахурамазда, а в знаке Близнецов — третий Логос, дуальность — Ормузд-Ариман. Затем Ахурамазда заставил выйти из собственного естества шесть второстепенных божеств, вместе с ним составивших семериаду. Они называются «Амеша-Спенты», семь богов утренней зари, космократоры, Строители Мира, Элохим или Дхиани-Будды. Семь богов создали семь миров. Они представляют собой спектр, семь тонов, а после последовательного прохождения по нисходящей через различные состояния сознания, в итоге превращаются в семь планет древней Солнечной системы. Они создают семь небес и семь земель. Ахурамазда воплощается в первом небе, сфере Сатурна, и высылает шесть своих регентов. Затем он снова воплощается в низшем мире и, испуская шесть своих проявлений, создает континенты. Таким образом эти семеро становятся божественными хранителями земли — владыками категорий времени и места. Они являются семью патриархами и семью звездами Малой Медведицы, загадочного созвездия, в пределах которого движется таинственная небесная ось.

Когда Ахурамазда испускает из себя шесть божеств, аналогичные явления происходят и в низшем мире теней. Из Аримана появляются шесть демонов, которые становятся противниками богов. Это духи зла, порождающие семь пороков, призванных противодействовать семи главным добродетелям.

Согласно персидскому преданию, мир существует 12000 лет, причем под годами в данном случае следует понимать двенадцать огромных по продолжительности периодов времени. Эти периоды разделены на две части по 6000 лет, причем каждая из них, в свою очередь, делится на два этапа по 3000 лет, в целом же они составляют большой круг Зодиака. Персы делят Зодиак на четверти по три знака в каждой, а также на верхнюю и нижнюю полусферы по шесть знаков в каждой. Ахурамазда сотворил двенадцать изедов, источников света, которые составляют двенадцать экваториальных созвездий. Одновременно он создал и другие, незодиакальные созвездия. Два воинства богов, сражающихся на великом поле пространства, символизируют звезды Северной и Южной полусфер, суров и асуров индусов. Созвездия от Овна до Весов являются шестью владыками, родившимися из лучистого источника Ахурамазды, а созвездия от Девы до Рыб соответствуют мятежным ангелам, которые, будучи созданными светом, стали слугами Аримана. Поскольку в знаке Весов помещается голова великого змея, а большая часть созвездия Гидры,

находящаяся в начале темной половины Зодиака, входит в созвездие Весов, то эта часть и является головой змея зла. Следовательно, Весы — это знак Аримана, анти-Христа, враждебного начала, падшего человека.

Первые 3000 лет, т. е. в знаках Овна, Тельца и Близнецов, Ахурамазда пребывает в собственном свете. Этот период составляет век богов. В течение вторых 3000 лет происходит творение вселенной. Из созвездия Рака формируется великая мать — принцип воплощения божества в человека в земном мире. На границе между Девой и Весами создается человек, потомство небесной девы. Таковы шесть дней творения. Затем создается царство Аримана. Он управляет миром в трех циклах — под знаками Весов, Скорпиона и Стрельца. В течение последних 3000 лет потомок божественного учителя, кентавр, является, чтобы положить конец владычеству Аримана. Начинается Армагеддон, т. е. битва в день страшного суда. Ариман терпит поражение от Ормузда и через покаяние превращается в свет. Таким образом в конце девяти циклов восстанавливается божественный век.

В последние 3000 лет, или цикл, вселенское царство возвращается Ахурамазде и его сыну Сарошу, или Мессии. По завершении 12000 лет, или двенадцати циклов, начинается всемирный потоп, соответствующий знаку Рыб. Вселенная снова поглощается своей первопричиной. Ахурамазда возвращает все вещи в зародышевое состояние и снова погружается в сон; в этом состоянии он, подобно богу Вишну индусов, плавает по водам бездны на ложе из семи змей — Амеша-Спентов.

Таким образом образуется новая триада принципов, или первооснов: Первый, Ахурамазда, проявленный Логос, Первооснова созидающей триады. Из него появляется Второй, Сарош-Мессия, второй Логос, слово. Это существо есть дыхание творца, устами рожденный сын. Третий — это Заратустра, на которого нисходит слово, совершенный пророк — сотворенная словом плоть.

Семь Амеша-Спентов воплощаются в человеке, формируя семь его тел, семь принципов и семь органов. Они же являются творцами, проявляющими свою энергию в поддержании жизни тела. Совершенствование человека — это великий труд. Добро и зло исчезнут, когда воцарится истина. Мудрость уничтожает все тени, в которых таится злой дух — Ариман. Тьму нельзя разогнать силой, но она тотчас рассеивается в присутствии света. И стоит только человеку обрести внутри себя источник света, как сразу же исчезнут иллюзии Аримана. Мудрость — это таинственный внутренний огонь, символом которого стало пламя на алтаре Зороастра. И подобно тому, как пламя пожирает дерево, огонь

истины истребляет низшие элементы, сотворенные Ариманом.

Цитаты из Авесты

Не занимайся клеветой, дабы не вызывать против себя злобы и не навлекать на себя позора, ибо говорят, что клевета опаснее колдовства.

Не питай алчных желаний, дабы демон жадности не смог сбить тебя с толку и сокровища мира не потеряли бы для тебя свой вкус.

Не тревожься ни о чем, ибо тот, кто пребывает в состоянии тревоги, становится безразличным к радостям мира и духа, и скованность овладевает его телом и душой.

Да научит меня Творец Мудрости своим законам через Добромыслие, чтобы язык мой всегда мог служить их проводником.

Пусть твое, даже большое, богатство не делает тебя высокомерным, ибо в конечном счете тебе со всем этим придется расстаться.

Не отворачивайся от трех наилучших вещей — доброй мысли, доброго слова и доброго деяния.

Вслед за жизнью чистота есть для человека величайшее благо.

Закон Мазды очищает верующих от всех дурных мыслей, слов и деяний подобно тому, как сильный порывистый ветер очищает равнину.

С врагами борись справедливо. К другу всегда относись с одобрением. Со злым человеком не вступай в конфликт и сам не приставай к нему никогда и ни при каких условиях. Не выбирай себе в партнеры жадного человека и не доверяй ему руководства. Не води знакомства с человеком с дурной славой. Не бери в

союзники и помощники невежественного человека. Не затевай споров с глупцом. Не ходи по одной дороге с пьяницей. И не бери займы у недоброжелателя.

«Будь чист в своих мыслях, словах и деяниях» — такова суть вечно живого закона, который Зороастр проповедовал миру.

БУДДА

Китайская гравюра на дереве из древнего буддийского труда. Будда, изображенный на ней как персонификация мудрости, торжествующе восстает из гроба. Сюжет с Буддой, который, сидя в лотосе, попирает смерть, перекликается с мистическим воскресением в христианстве.

В небесах Тушиты, царстве блаженного понимания, далеко за пределами сферы мышления смертных, обитал лучезарный и просветленный Саттва, или существо по имени Прабхапала. Обладая способностью внутреннего восприятия, это чистое и совершенное эго знало, что ему осталось только одно воплощение в мире людей, прежде чем исполнится закон кармы с завершающим переходом в нирвану. Затем Прабхапала, узнав у закона обстоятельства своего последнего воплощения и доведя до совершенства внутреннее осознание условий, через которые

ему суждено пройти, объявил: «Я должен повторно воплотиться в семье царя Шуддходаны. Я откажусь от царского престола, отрекнусь от мира, буду проповедовать закон и принесу спасение смертным и бессмертным».

Царь Шуддходана правил провинцией к северу от Бенареса, включая значительную часть земель, которые ныне принадлежат Непалу. Столицей его владений был город Капилавасту, где находились дворцы правящей династии. Царь Шуддходана взял себе в жены двух сестер, Майю и Праджапати, из соседнего клана Коли. И хотя обе они были бездетными, это не помешало им оставаться любимицами царя и пользоваться в доме его особым расположением.

Поэтому легко можно себе представить, какую великую радость в стране шакьев вызвало известие о том, что старшая из сестер, которой в то время было сорок четыре года, готовится стать матерью. Майя, или, как ее часто называют, Махамайя, одна только знала тайну своей судьбы. Однажды, в окружении ослепительного сияния и под звуки песен дэвов, с небес Тушиты во всем своем великолепии полуденного солнца спустился Прабхапала, чтобы принять земной облик. Согласно древним писаниям, зачатие произошло на восьмой день четвертой Луны в момент восхода Венеры. В это время Майя увидела, как с небес по дороге из света спустился слон с шестью бивнями и вошел в ее бок. О своем видении она рассказала Шуддходане, который тотчас же призвал к себе мудрейших из брахманов. Тщательно изучив все обстоятельства дела, астрологи-мудрецы объявили царю следующее: «Рождается великий мудрец. И он, если не предпочтет вести святую жизнь, станет царем всего мира».

Существует несколько рассказов о рождении Гаутамы Сиддхартхи, которые, однако, сходятся на том, что ребенок родился не в дворцовых покоях, а под деревом. Согласно одной легенде, Майя направлялась в дом своих родителей. По другой версии, она гуляла по дворцовому парку. Но в том и другом случаях все произошло опять же в 8-й день 4-го лунного месяца, когда всходила Венера. Майя опустилась на землю под деревом Сал, низко склонившим свои ветви, густо покрытые прекрасными цветами. И в тот момент, когда Майя подняла руку, чтобы нагнуть к себе поближе ветку с благоуханными цветами, из ее правого бока, не причинив ей никакой боли, родился Будда. Индра, бог воздуха, принял божественное дитя, а неземные существа омыли новорожденного, излив на него с неба потоки святой воды. После того как небесные существа ублажили это совершенное воплощение, младенец Будда ступил на землю, прошел семь шагов в каждую из четырех сторон света и звонким голосом возвестил о своей миссии. И там, где в седьмой раз ступала его нога, тут же из земли

вырастал и раскрывался цветок лотоса. Затем Будда вернулся на руку Индры и стал вполне обыкновенным младенцем.

Майя, мать Просветленного, умерла на седьмой день после рождения сына, ибо в древнем законе было записано, что матери, давшие жизнь совершенным душам, не живут более семи дней после родов. Принца-инфанта назвали Сиддхартхой и после смерти Майи препоручили заботам его тетки Праджапати, во всем заменившей ему заботливую мать.

Вскоре ко двору царя Шуддходаны прибыли брахманы-жрецы, чтобы предсказать будущее его единственного сына и наследника. Среди паломников был Ашита, святой жизни человек, уединенно живший далеко в горах. Подойдя к принцу, он пал перед ним ниц, ибо увидел на теле младенца тридцать два знака мудрости и восемьдесят дополнительных признаков божественности. Внимательно осмотрев ребенка, Ашита со слезами на глазах объявил, что на свет явилась Совершенная Просветленность, но что он, странствующий монах Ашита, не доживет до того, чтобы услышать проповеди Просветленного.

От своих астрологов царь Шуддходана узнал, что его маленькому сыну предопределена судьба незаурядной личности. Перед принцем открывались два пути. Он мог стать или самым могущественным царем Азии, расширив пределы своего правления до наиболее удаленных мест восточного мира, или жрецом, величайшим из когда-либо живших на земле, владыкой духовной империи вечного эго. Это известие вселило тревогу в сердце царя. Он боялся, что его сын может предпочесть путь жреца. Чтобы как-то повлиять на выбор сына и отвратить его от аскетической жизни, царь окружил его всевозможной роскошью и всем тем, что составляет привлекательную сторону богатства и власти. Принцу принадлежали великолепные дворцы и огромные сады, изобилующие причудливыми растениями и благоуханными цветами необычайной красоты. Маленькие лодочки скользили по водной глади прозрачных озер, в которых плавала рыба с блестящей чешуей, и отовсюду доносилась тихая и нежная музыка. В общем, все было полно такого очарования и соблазна, какие только могла обеспечить восточная щедрость. В этом внешне привлекательном мире, где царствовали искушение и красота, принц был надежно огражден от созерцания болезней, страданий, омерзительной грязи и убожества, неизбежно сопровождающих бедняка на всем его жизненном пути.

Женой принца Сиддхартхи стала прекраснейшая Ясодхара. И правитель Капилавасту обрел наконец покой, решив, что ему удалось направить сына по нужному пути и победа его уже близка. Богатый, счастливый и пребывающий в полном неведении относительно напастей и

бед, терзающих обычных смертных, принц был спокоен и безмятежен, и, казалось, ничто не сможет заставить его свернуть на путь аскетизма. Однако царь Шуддходана совсем забыл о могуществе тех неземных существ, которые наблюдали за происходящим со своих небесных высот. И вот однажды, когда принц катался в колеснице в садах вокруг своего дворца, мудрецы, обитавшие на небесах Тушиты, ниспослали ему видение, принявшее облик старика, который еле шел, опираясь на толстую палку. С удивлением глядя на немощную фигуру старца, принц Сиддхартха спросил своего возницу по имени Чандака:

— Что случилось с этим человеком?

— Ничего особенного, — ответил Чандака, — он просто состарился, как, подобно ему, неизбежно стареют все люди.

Принц был глубоко взволнован увиденным, а небесные мудрецы с важным видом кивнули головами. Семя поиска упало на благодатную почву. Следующий день принес с собой другое видение. Совершая свою обычную прогулку, принц увидел еще одно печальное зрелище: человека, умиравшего от страшной болезни. И вновь он задал Чандаке тот же вопрос и услышал в ответ:

— Это, мой повелитель, одна из болезней, которым подвержены все люди.

— Почему же такое несчастье настигает смертных? — спросил принц.

— Нам не дано знать, почему, господин, — ответил возница. — Должно быть, это воля богов.

И опять принц погрузился в глубокое размышление, и вновь одобрительно улыбнулись мудрецы с небес. Третье видение посетило принца в похожей обстановке. Так, сидя в колеснице, он увидел погребальную процессию. Живые горько рыдали, а покойный землистого цвета был холоден и недвижим.

— А это, господин, называется смертью, — объяснил Чандака. — Все люди в конце концов неизбежно обращаются в прах.

— Но тогда что же такое жизнь, — спросил принц Сиддхартха, — если у нее такой конец?

— Человек не в состоянии ответить на такие вопросы, — тихо молвил возница.

В глубокой задумчивости вернулся принц к себе во дворец, в мир блистающей юности и роскоши. Прежде он не знал, что на свете существует страдание, и никогда не видел ничего кроме молодости, красоты и жизни. Но вышло так, что он не смог долее радоваться своему богатству и наслаждаться искусством окружавших его музыкантов и

поэтов. Вскоре его посетило последнее видение. Перед принцем предстала величественная фигура монаха, облаченного в простое одеяние цвета шафрана. Его лицо дышало покоем, и ясен был его просветленный взор. И Сиддхартха, казалось, всем своим существом ощутил, что этот монах в своей простой одежде, подпоясанной веревкой, был единственным хозяином жизни и смерти.

— А это, — сказал Чандака в ответ на его вопрос, — святой человек, который отказался от мира и в полном уединении обитает далеко в горах, посвящая жизнь добрым делам и размышлениям.

Когда на этот раз принц Сиддхартха пришел обратно во дворец, он уже мысленно определил свой дальнейший жизненный путь. Внутренние побуждения, устремления, которые складывались веками, призвали его к монашеской жизни. Перевоплотившийся мудрец начал вспоминать, вновь выказывая страстное стремление к мудрой жизни. И царь Шуддходана стал замечать, что его сына все чаще охватывают печаль и уныние. В страхе повелел он расставить стражников у всех дворцовых ворот, чтобы помешать сыну убежать в мир, полный скорби и слез. Но архаты в небесах Тушиты решили иначе. Однажды случилось так, что стражники уснули глубоким сном, который они не смогли побороть, ибо он был ниспослан им с небес. Юный принц тихо встал, на мгновение задержался у ложа жены с новорожденным сыном и осторожно пробрался между раскинувшимися во сне бражниками. Чандака ждал его у дверей дворца, и колесница с быстротою молнии помчалась сквозь тьму. Кругом стояла ничем не нарушаемая тишина, о чем позаботились локапалы, существа невидимого мира, заглушившие стук конских копыт. Они беспрепятственно проехали все ворота, которые словно по волшебству распахивались при их приближении. Спящие стражники так и не проснулись, и колесница с принцем и его верным возничим исчезла в ночи.

Когда они отъехали от дворца на безопасное состояние, принц Сиддхартха остановил колесницу и, сняв драгоценности, отдал их Чандаке. Затем он острым ножом отрезал прядь своих царственных волос, которую бросил на ветер, а малые духи по волоску растащили ее в разные стороны. После этого он сменил свою одежду из мягкой и тонкой ткани на грубый костюм охотника и, нежно попрощавшись со своим верным другом, медленно побрел по пыльной дороге без денег и пищи с одной лишь кружкой для сбора пожертвований в руках.

Гаутама Сиддхартха был абсолютно искретен в своих поисках истины, которую думал отыскать в общинах отшельников и среди богомольцев, живших в пещерах на склонах скалистых гор. И хотя он многому у них

научился, ни один не смог дать принцу ответы на три главных для него вопроса. Каждый раз, встречая на своем пути праведника, Сиддхартха приветствовал его и неизменно задавал одни и те же три вопроса: «Скажи мне, уважаемый господин, откуда мы пришли? Зачем мы здесь? И куда мы идем?» Но ответом ему всегда было молчание. И если затем они даже начинали говорить о других вещах, главные вопросы так и оставались нерешенными.

Неудивительно, что у такого благочестивого пилигрима, как юный принц, появились ученики. Другие монахи нищенствующего ордена, заметив его усердие в духовных делах, присоединялись к нему и сопровождали его в долгих странствиях по стране. Этот период был для него также и временем поста, поскольку в Индии все люди святой жизни постятся. Принц ел все меньше и меньше пищи в надежде, что изнурение тела принесет просветление его внутреннего «я».

Но и пост, оказавшийся напрасным, только ослабил принца Сиддхартху до такой степени, что он уже был не в силах ходить, и его менее благочестивые ученики помогали ему продолжать путешествие. Но вот пришел момент, когда они осторожно положили погибавшего от голода и неспособного двигаться дальше принца Сиддхартху на обочине дороги и сами стали в отдалении, ожидая его смерти. Лежа у дороги, умирающий юноша подвел печальный итог своих поисков. Странствия окончились ничем, молитвы не разрешили его сомнений, пост пропал даром, и вот теперь он лежит и умирает — а вопросы так и остались без ответов. И тогда принц решил поесть и громко потребовал пищи. Его ученики, удивленные и возмущенные, дали ему немного еды из своих припасов, а затем покинули его в полной уверенности, что их духовный глава вернулся обратно в греховный мир.

Подкрепленный пищей и с помощью одного сердобольного крестьянина, принц сумел постепенно восстановить утраченное здоровье. Окончательно поправившись, он продолжил свои поиски, впредь уже не прибегая к чрезмерному аскетизму. Однако теперь у него не осталось ни праведника, к которому он хотел бы пойти, ни святыни, перед которой он мог бы молиться. Впавший в уныние, уставший, сломленный шестью годами непрерывных странствий, он присел отдохнуть на невысокий холмик под раскидистыми ветвями священного дерева баньян неподалеку от Мадраса. И вновь, спокойно сидя под деревом, принц попытался мысленным взором окинуть свою прежнюю жизнь, полную бесплодных усилий, и понять наконец, почему ему не удалось достичь своей цели. Вдруг ему показалось, что от окружавших его деревьев отделились какие-

то фигуры, и вскоре целое воинство духов собралось вокруг небольшого возвышения, на котором он сидел.

Танцовщицы из дворца, покинутого им много лет назад, ударили в свои миниатюрные цимбалы, и он увидел перед собой закружившихся в танце девушек и услышал серебряный звон колокольчиков на их ножных браслетах. И тут до его слуха донесся чей-то голос, обратившийся к нему со словами: «Оставь бесполезное занятие, в нем нет никакого толка. Вернись к оставленным тобою наслаждениям».

«Нет, — мысленно ответил принц, — я никогда не вернусь назад. Я должен найти ответ».

Затем среди теней появилась фигура его жены, которая протягивала ему ребенка и умоляла возвратиться домой и выполнить обязанности по воспитанию сына. Рядом с ней стоял его старый отец, как и она, в отчаянии простиривший руки к сыну. Однако принц не послушался и не уступил их мольбам. Тут земля перед ним разверзлась и оттуда вышел Мара, повелитель бездны, князь зла, со своим войском демонов. Но принц, продолжая спокойно сидеть под деревом баньян, оставался безучастен к их требованиям и угрозам.

Наконец видение рассеялось, и землю вновь окутал ночной покой с его странными, раздающимися где-то вдалеке звуками. Принц мысленно погрузился в себя. Ему почудилось, что он уже не сидит под деревом, а путешествует по всему миру, и вдруг у него возникло ощущение, что стоит на всех перекрестках земли. Он увидел людей, которые только рождаются, увидел, как они страдают и умирают, и прошел вслед за их душами весь таинственный цикл повторного рождения вплоть до их возвращения на землю. Принц, казалось, бродил в самих душах людей, пока не узнавал все их мечты, страстные желания и стремления. Его осознание достигло небес и смешалось со сверхъестественными существами и даже с мудрецами и архатами, обитавшими в самых удаленных уголках божественных миров.

Затем он вновь очутился под баньяновым деревом и увидел, как с неба спускаются вниз мудрецы и святые с бритыми головами в одеждах цвета шафрана. Насколько он мог видеть, повсюду кружками стояли монахи. Они приветствовали его и приняли в свой орден. Так он стал двадцать девятым Буддой в божественной родословной.

И тут в самой середине круга совершенных существ снова появился дьявол-искуситель Мара и, обращаясь к принцу, произнес: «Ступай, совершенная душа, в нирвану. Ты заслужил покой, окончательное освобождение». Затем он услышал разные голоса — множество голосов, идущих откуда-то снизу и звучащих над ним по нарастающей со всех

сторон.

Казалось, вокруг него разом все заговорили; стоящие неподалеку лоханы монотонно пели священную песню: «Проповедуй закон. Укажи людям путь к просветлению. Вернись на землю и неси доктрину во все уголки мира, чтобы люди могли жить в свете истины».

«Я буду учить», — ответил новый Будда. Видения тут же пропали, а Гаутама Будда, Свет Азии, погрузившись в размышления, все так же в одиночестве сидел под деревом баньян. Бессонная ночь миновала, и вместе с ней навсегда исчезли и призраки. Освобожденный человек встал и пошел вперед, живя согласно закону и проповедуя закон.

В глазах святых людей Будда сошел с пути истинного, так как прошел слух, что он отказался от аскетической жизни и совершил страшный грех, начав есть пищу, как все прочие люди. Какое-то время Будду не хотели слушать, и прочитать свою первую проповедь он сумел только в Сарнатхе, неподалеку от Бенареса. Однажды, идя по пыльной дороге, он увидел впереди пятерых своих прежних учеников. Они отдыхали, сидя на небольшом холме у обочины дороги. Увидев приближающегося Будду, они решили между собой: «Сделаем вид, что мы его не знаем, не будем к нему подходить и слушать его речи и вообще не станем выказывать ему никаких знаков внимания».

Нимало этим не смутившись, Будда сел поблизости от них на покатый холмик и начал читать проповедь. Это была своего рода буддийская Нагорная проповедь, в которой излагались главные положения философии жизни. И не успело еще прозвучать последнее слово наставления, как пять учеников в благоговении преклонили колена перед своим учителем, желая первыми приобщиться к его учению.

Испытав просветление, последующие сорок четыре года жизни Будда провел в странствиях по Индии, собирая вокруг себя учеников и сея в душах тысяч людей семена своих убеждений и доктрин.

Прошло немного лет, и Будда уже стоял во главе целой процессии своих приверженцев. Сотни монахов в шафренных сутанах повсюду следовали за ним, а когда он останавливался, собирались вокруг и в почтительном молчании слушали его речи. Любимым учеником Будды был Ананда.

Через несколько лет после просветления Будда по просьбе отца, царя Шуддходаны, вернулся в родной город. Там он встретился со своим уже взрослым сыном Рахулой и принял его в свой орден вместе с Праджапати, ставшей первой женщиной, прошедшей обряд посвящения.

Когда Будде уже было восемьдесят лет, он призвал к себе Ананду и

сказал ему, что его земная жизнь близится к концу и что он хотел бы прожить еще ровно столько, чтобы увидеть свое дело стоящим на прочной основе. В последние годы жизни он старался как можно теснее сблизить своих учеников и новообращенных, закладывая основу того, что потом должно было превратиться в церковь или институт. Фактически причиной смерти Будды стало то, что он поел испорченной пищи, которой его без всякого злого умысла, а даже, напротив, из лучших побуждений угостил не в меру услужливый плотник, обращенный в его веру. Когда для Будды пришло время покинуть этот мир, вокруг него тесными кружками собрались все его ученики. Рядом с ним стоял горько рыдающий Ананда. Между двумя деревьями, прямо под их раскидистыми ветвями, было приготовлено ложе, на котором покоился Будда. Он повернулся на правый бок и, подложив под голову правую руку, погрузился в состояние медитации, из которого он стал переходить от одного состояния сознания к другому, пока его сознание не достигло нирваны. В этот момент умерло его тело.

На следующий день останки Будды были кремированы. На большой площадке сложили огромный погребальный костер, на который с глубочайшим почтением возложили тело Просветленного в его шафранном одеянии. Костер несколько раз пытались зажечь, но он упорно не загорался. И вдруг из сердца мертвого Будды вырвалось пламя и поглотило его. Прах Совершенного разложили в семь урн и отправили в разные части Азии, где их поместили в раки, увековечив таким образом память о Гаутаме Сиддхартхе, двадцать девятом Будде.

Учение Будды

Жизнь Будды обросла множеством преданий. В каждой буддийской стране рассказывают свою легенду о Просветленном и его деяниях. Таким же образом и по тем же причинам главные положения буддийской философии подвергались многочисленным изменениям, по-разному истолковывались и дополнялись людьми и даже целыми нациями буддийского мира.

По современной классификации оригинальный буддизм можно определить как философский агностицизм. В первых доктринах основной акцент был сделан на принципах поведения и достижении просветления путем постоянного осуществления определенных добродетелей. С течением времени происходило постепенное разрастание отдельных теологических элементов в культ, продолжавшееся вплоть до сегодняшних дней, когда он вобрал в себя все аспекты религии, включая сложный, тщательно разработанный ритуал, огромный пантеон божеств и демонов и жречество, увековеченное по тому же принципу, что и передача апостольской благодати в римско-католической церкви. Но, конечно, есть и исключения. В целом буддизм так и не оформился в церковь. Так, на Цейлоне все еще сохраняется строгий философский агностицизм первоначального направления, однако в большинстве своем примитивный буддизм уже исчез, а на его месте выросли святыни и храмы теологизированного буддизма.

Буддийская философия еще на раннем этапе своего существования разделилась на две главные школы, получившие название «Хинаяна», или «малая колесница», и «Махаяна», или «большая колесница». Под колесницами в данном случае следует понимать «носителей доктрины». Хинаяна, излишне серьезная, представляла преимущества знания философии только монахам и аскетам, оставаясь, подобно брахманам, в стороне от того самого большинства, которое Будда как раз и стремился наставлять. И хотя в Хинаяне полностью отсутствуют сложные традиции и обряды, характерные для «великой колесницы», она в то же время лишилась благородной универсальности подлинного откровения. Вполне естественно, что суровая, взыскательная, бескомпромиссная и диктаторская школа не стала слишком популярной, особенно у невежественных умов. Махаяна, напротив, отвечала подобным запросам масс. Она предлагала спасение, заключенное в буддийских доктринах, людям всех сортов и

сословий. И великий, и ничтожный шли одной дорогой. Добродетельное поведение было гарантией достижения всеобщего блага. Из этого ясно, что в исходном варианте школа Махаяны была гораздо ближе к идеям Будды. Но, с другой стороны, ее чрезмерная демократичность и простота неизбежно приводили к неправильному пониманию и множеству недоразумений. Высокие посты в орденах занимали люди, по существу, честные, но безнадежно несведущие. Постепенно основные положения доктрины были извращены неправильным их пониманием, все пропиталось идолопоклонством, а ритуалы приобрели сверхзначимость. И в конце концов магия и колдовство с их заклинаниями и жертвами с целью умиловить демонов, с их торговлей реликвиями и амулетами, а более всего с их менее строгим отношением к философии жизни, увели Махаяну в сторону от ее первоначальной благородной цели. Чистоту доктрины Будды неоднократно пытались восстановить многие блестящие реформаторы, но, к сожалению, сами реформы вырождались в культы, пока наконец в результате общей путаницы весь предмет в целом не утратил ясность.

Целостность исходного учения удалось сохранить нескольким малочисленным группам, к которым и должен обратиться современный искатель истины, чтобы получить правильное представление о буддийской философии. Крушение современной цивилизации неизбежно принесет с собой и новые цели в философии и религии. Небуддийский мир начинает осознавать масштабы и глубину доктрины Будды и, крайне нуждаясь в практически применимой философии, поворачивается лицом к Востоку, сторицей вознаграждаемый за свои усилия.

Буддизм объединяет в себе необычайную глубину идей и крайнюю простоту изложения. Буддийская философия настолько сложная, что только мудрейшие из людей могут надеяться полностью ее постичь, и настолько простая, что даже ребенок способен понять ее цели, вполне в состоянии быть для человечества слугой двух господ, великих мыслителей и людей ограниченного ума. В основу доктрины положены моральные заповеди, и от этого простого начала она постепенно восходит к наиболее абстрактным мистическим спекуляциям. Монах, вступающий в орден, обязан придерживаться очень строгих правил поведения, называемых «Десятью заповедями буддизма», которые гласят:

1. Не убивать ни одно живое существо.
2. Принимать только то, что дается добровольно и с готовностью.
3. Жить в абсолютной нравственной чистоте.
4. Говорить только правду.

5. Не прикасаться к животной пище и алкоголю.
6. Принимать пищу лишь в определенное время.
7. Воздерживаться от всех ненужных контактов с миром.
8. Не носить никаких украшений.
9. Избегать любой роскоши.
10. Добровольно стремиться всегда жить в бедности.

В протестантско-буддийских странах, таких, как Япония, даже жречество старалось смягчить эти правила, что примерно происходило и во время протестантской Реформации в Европе. Однако и в таком смягченном виде буддийский кодекс остается одним из самых суровых в мире, но что более всего поражает западный ум, так это абсолютная точность, с какой ему следуют на Востоке. Такие качества, как нечестность и невоздержанность, редко встречаются среди буддийских народов, поскольку они не только принимают свои доктрины, но и живут в полном соответствии с ними.

«Благородный восьмеричный путь» предназначен и для духовенства, и для мирян и после осуществления добродетелей считается самой важной из всех буддийских дисциплин. Жить по принципу «Восьми истин» — это постоянно и последовательно выполнять следующие предписания:

1. Всегда занимать правильную позицию, свободную от предубеждений, иллюзий, суеверий, сомнений, страхов и враждебности.

2. Жить в соответствии с высочайшими нормами поведения, какие только можно себе вообразить; тот, кто знает истину, должен жить в соответствии с этой истиной.

3. Следить за своей речью, чтобы она всегда была простой, правдивой, спокойной и абсолютно искренней.

4. Вести себя надлежащим образом. Быть честным, справедливым и культурным в отношениях с другими.

5. Не творить зла. Жить так, чтобы не причинять вреда, лишая кого-то жизни или травмируя физически; и не становиться причиной чьих-то страданий ни в умственном, ни в эмоциональном отношении.

6. Проявлять упорство в благородной деятельности. Преодолевать все, что присуще иллюзорной жизни.

7. Правильно мыслить. Направлять разум на постижение божественной мудрости.

8. Правильно медитировать для вызывания внутреннего переживания.

Для прохождения «Восьмеричного пути» необходимо победить десять «оков», или видов рабства, называемых иллюзиями, к которым относятся:

1. Иллюзия, что душа бессмертна.

2. Иллюзия, что не существует пути к вечному блаженству.
3. Иллюзия, что все составляющее внешнюю сторону религии: ритуалы, молитвы, проповеди, жертвоприношения и другие церемонии — приведет к вечному блаженству.
4. Иллюзия чувств и страстей.
5. Иллюзия ненависти и злобы.
6. Иллюзия любви к этой жизни и к этому миру.
7. Иллюзия будущей жизни или на небесах, или в раю.
8. Иллюзия гордыни.
9. Иллюзия высокомерия.
10. Иллюзия незнания.

Из предыдущего становится ясно, насколько строгими критериями должен был руководствоваться буддист в своей жизни и мышлении. Однако в этих предписаниях, казалось бы, накладывающих множество ограничений на человеческую жизнь и мысль, нет запретов, которые мерещатся невежественному уму. Все они проистекают от понимания и надлежащего отношения. Когда человек занимает правильную позицию, он инстинктивно начинает осуществлять добро, он инстинктивно ведет себя добродетельно, поскольку никакой другой принцип поведения для него неприемлем. Для человека невозможно искренне верить в одно, а делать другое. Любить истину — значит осуществлять ее на практике; любить мудрость — значит жить, руководствуясь мудростью. Путь Будды — это жизнь согласно закону, закону в смысле критерия правильности, жизнь в полном соответствии с благородством человеческой природы. Все, что не возвышенно, недостойно человека, и человек никогда не должен быть ниже самого себя.

Подведем краткий итог буддийской концепции жизни и соображений по поводу обоснованности дисциплин, вменяемых ученику.

Вселенная состоит из различных качеств, а точнее, состояний сознания. Природа в целом состоит из разных уровней понимания, или внутреннего знания истины. Так называемые боги — это высокоразвитые формы сознания, то есть не существа и не сущности, а скорее ступени истины.

Все части вселенной заполнены таинственной субстанцией, называемой «Я», подобно тому, как, согласно христианскому учению, вселенная заполнена духом. Это вселенское всепроникающее «Я» есть та реальность, которая присутствует во всех природах, и совершенство каждого так называемого сотворенного существа достигается перепоглощением этим вселенским «Я». Символом такого перепоглощения

для буддистов служит падение капли воды в море. Капля воды в этом случае олицетворяет индивидуума, а море — вселенское «Я». Согласно данной концепции в человеке нет ничего бессмертного, поскольку вместо духа он имеет в своей основе только вселенское «Я». Личность — это иллюзия, а универсальность — это единственная истина.

Цель жизни заключается в том, чтобы изжить или преодолеть иллюзии жизни, результатом которых являются обособленные жизни. В данном случае под иллюзией надо понимать не что-то несуществующее, а нечто временное, преходящее. Буддист вовсе не утверждает, что материальные явления — это оптические иллюзии. Он признает существование того, что видит, а не реальность всего этого в смысле его важности или значимости. Таким образом, есть много людей, но только одно «Я»; есть много деревьев, цветов, птиц и животных, но только одно «Я». И в величайших, и в нижайших присутствует одно и то же «Я».

Абсолютная универсальность индивидуума называется нирваной, или концом иллюзии. Феноменальную вселенную буддист называет не-Я. Трава растет и засыхает, человек появляется на свет и в свое время вновь исчезает, и даже солнце должно когда-нибудь упасть с небес. Все, что относится к не-Я, должно в конце концов прекратить существование и исчезнуть. Остается только «Я», вечное и ничем не обусловленное. Потребуется миллионы лет, чтобы уничтожить иллюзию в сердце человека, поскольку он не способен это сделать в течение одной жизни. Исходя из этого, буддизм объясняет таинство существующих в жизни противоречий и неравенства действием двух неумолимых и непреложных законов — перевоплощения и кармы, для которых нет исключений ни в какое время и ни при каких условиях.

Согласно закону перевоплощения, человек жизнь за жизнью возвращается в этот мир с одной лишь целью — изжить в себе иллюзии. В каждой жизни человек совершает различные действия, проистекающие из его веры в иллюзию. Одни люди воруют, другие убивают, а третьи стремятся копить сокровища. Результатом подобных действий, поскольку они не согласуются с абсолютной истиной, становится карма или какое-то следствие, ибо как сказал Будда: «Результат следует за причиной, как колесо повозки за ногами вола». Зло, которое мы творим в одной жизни, возвращается к нам несчастьем в следующей. И так продолжается, воплощение за воплощением, пока мы не перестанем творить зло и на смену невежеству не придет мудрость.

Рай и ад в буддизме — это состояния сознания людей. Человек, сердце которого переполняет ненависть, неизбежно будет обитать в аду, который

он сам себе уготовил. Мудрость приносит с собой покой, а покой — это рай. Люди после смерти не отправляются в рай или ад. Они пребывают в них на протяжении своих жизней в соответствии с уровнем собственного понимания и силой внутренних побуждений, направленных на добро или на зло.

Главная цель буддийского общества заключается в увековечении той простой истины, что страдание является результатом дурного поступка, а счастье и безопасность — награда за достойные мысли и праведную жизнь. Война провоцирует войну, зло вызывает зло, однако все зло исчезает, когда в сердце человека раскрывается и воцаряется истина.

Срединный путь буддизма заканчивается нирваной. Искатель истины становится единым с истиной, мечтатель отождествляется со своей мечтой. Человек не становится мудрым, он становится мудростью. Он сливается с самой сутью добродетели, которую осуществляет.

Таким образом, Будда — это человек, достигший совершенства, а не какой-то изначальный Будда. На санскрите «Buddha» («Будда») означает «просветление», и тот, кто достигает просветления, и есть Будда, так как существует только одна истина, и, когда люди постигнут эту истину, все они станут единым целым, причем не только единым разумом, но и единой субстанцией, и единой сущностью; и в конце концов искатель истины погрузится в ту же самую реальность, которая поддерживает всю эту обширную панораму жизни и смерти, невежества и мудрости, начала и конца.

Цитаты из «Дхаммапады» и других ранних буддийских трудов, приписываемых Будде:

Порицают того, кто сидит в молчании, порицают того, кто много говорит, порицают также и того, кто говорит мало; нет на земле никого, кто не навлекает на себя упреков.

Человек не обладает глубокими знаниями, потому что он много говорит; кто терпелив и не испытывает ни ненависти, ни огорчений — только тот называется ученым.

Как прочная скала не сотрясается от порывов ветра, так и мудрые люди стойко выдерживают и хулу и хвалу.

Тот, кто в стремлении быть счастливым причиняет боль или уничтожает других, также жаждущих счастья, не обретет его даже после смерти.

Глупец в конце концов переполнится злом, хотя он и собирает его по каплям.

Серьезность — это путь к бессмертию, бездумность — путь к смерти;

те, кто серьезны — не умирают, а те, кто бездумны — словно уже мертвы.

Если один человек в битве тысячу раз побеждает тысячу человек, а другой побеждает себя, то этот последний более велик как победитель.

Как пчела собирает нектар и улетает, не причинив вреда ни цветку, ни его запаху или цвету, так пусть и мудрец живет в своем селении.

КОНФУЦИЙ

Конфуций

Шулянхэ был доблестным воином, род которого восходил к

императорской династии Шан. Его подвиги, свидетельствовавшие об огромной силе и мужестве, вошли в героическое предание Китая. Когда годы начали давать о себе знать, Шулянхэ серьезно задумался о том, какое несчастье постигло его в семейной жизни. У него не было сына, который совершил бы родовые обряды в память о нем. Его жена подарила ему десять дочерей, и эта трагедия так мучила стареющего солдата, что он решил развестись со своей несчастной супругой и взять себе на склоне лет новую жену.

Соблюдая соответствующие формальности и выполняя все требования утонченного этикета того времени, он сблизился со старинным прославленным семейством Ень, в котором были на выданье три исключительно добродетельные дочери-красавицы. Дело было щекотливое из-за огромной разницы в возрасте. Глава семейства Ень повел себя совершенно необычным образом и, отбросив характерную для китайцев сдержанность, прямо и откровенно обсудил этот вопрос с тремя девушками. Он обратил их внимание на прискорбное обстоятельство, угнетавшее душу Шулянхэ, заверил дочерей, что старый воин происходит из прекрасного древнего рода, и предложил им принять собственное решение относительно разумности подобной партии.

Младшая из дочерей, Цзин-цай, понимая, что отцу желателен этот брачный союз, ответила немедленным согласием. Вот так и получилось, что Шу-лянхэ в свои семьдесят лет взял в жены семнадцатилетнюю дочь из дома Ень.

Цзин-цай вполне отдавала себе отчет в истинной цели этого брака и, будучи глубоко религиозной, вымаливала у богов и духов сына, который чтит бы память отца. Неподалеку находилась священная гора, и она часто совершала паломничество в это святое место. И вот в одно из таких благочестивых путешествий Цзин-цай посетило странное видение. Будущей матери явились словно во сне пятеро таинственных, убеленных сединами мудрецов, которые привели с собой странное животное. Размером и видом это существо походило на небольшую корову, а некоторые говорят, что на льва, но было покрыто чешуей, как дракон, а посередине лба у него рос один рог. Цилян — метафизическое и символическое животное, которое появляется лишь тогда, когда человечеству должен быть дарован какой-либо великий источник просвещения. Цилян принес во рту нефритовую табличку, которую положил к ногам Цзин-цай. На табличке были начертаны следующие слова: «Когда династия Чжоу^[22] будет клониться к закату, родится дитя чистое, как горный хрусталь и станет властелином, но без владений». После этого

заговорили мудрецы, объявившие, что ребенок будет превосходить мудростью всех смертных и его потомки будут чтить его как самого выдающегося предка. Они велели матери привязать кусок ткани к рогу священного животного, что она и сделала, после чего видение исчезло.

Рождению ребенка, появление которого на свет было predetermined, сопутствовало множество чудесных обстоятельств. Всю ночь два дракона опускались на крышу дома Шулянхэ. Небесные музыканты наполняли воздух божественными напевами, а пятеро таинственных старцев постоянно входили и выходили из покоев роженицы. Небесный хор пел: «Все небеса радуются рождению этого святого ребенка». Так осенью 551 года до рождества Христова у Цзин-цай родился сын. Согласно китайской традиции на теле младенца имелось сорок девять знаков будущего величия, а на груди можно было различить слова: «Он будет указывать, он будет действовать, он будет решать, он будет совершенствовать времена». Считается, что пятью старцами были Фу-хи^[23] и четыре императора-патриарха, а всех их вместе называли Ди. Так в загадочной стране при очень странных обстоятельствах появился на свет философ Кун Фу-цзы (латинизированное имя Конфуций), достигший совершенства мудрец, почтенный и прославленный учитель, исключительный человек, посмертно провозглашенный герцогом Нэ, некоронованный император Китая.

Отец Конфуция умер, когда мальчику было три года, и молодая мать посвятила всю жизнь заботам о своем необычном маленьком сыне и воспитанию его. Ее постоянное руководство и чистота личной жизни, бесспорно, сыграли громадную роль в формировании характера ее ребенка. На протяжении всей жизни он обнаруживал определенную серьезность, объяснимую прямым влиянием Цзин-Цай.

Об отрочестве Конфуция, помимо традиционного сообщения о проявляемых им с самых первых лет жизни необычайных интеллектуальных способностях, известно очень мало. Он родился с беспредельной восприимчивостью к учению и настолько преуспел в искусстве самосовершенствования, что в семнадцать лет уже занимался государственными делами. Его глубокий, склонный к научным занятиям ум еще в раннем возрасте интересовали политические и социальные аспекты китайской жизни. О необычайной глубине его знаний свидетельствует передающийся из уст в уста по всему Китаю рассказ о том, что из всех державших знаменитые экзамены по классическим предметам один Конфуций выдержал сложнейшие испытания со стопроцентным результатом.

Конфуций женился в девятнадцать лет, но через много лет по

причинам, нигде не записанным, стал жить отдельно от жены. Их союз был благословлен одним сыном, но он умер раньше отца.

Карьеру Конфуция в государственной системе его времени можно кратко описать следующим образом. Сначала его назначили управляющим зернохранилищ маркиза Лу (ныне Шаньдун). Позднее под его надзор перешли также и пастбища этого государства. В пятидесятилетнем возрасте его возвели в звание префекта, а год спустя последовало новое повышение до должности главного судьи, через три же года после этого он занял высший государственный пост — заместителя министра графства Лу.

Действия Конфуция в эти разные периоды времени были отмечены внешней суровостью и бескомпромиссной честностью. Человек, непоколебимо стоявший на позиции неподкупности, вряд ли мог надеяться занять высокий пост в период такого политического упадка и коррупции, каким был закат династии Чжоу. Графство Лу процветало благодаря его заботам, становясь таким богатым и преуспевающим, что напуганные и завистливые интриганы из других провинций объединились, чтобы подорвать растущую силу конфуцианской политики.

Конфуций, видимо, так полностью никогда и не оправился от крушения иллюзий, пережитого им за годы государственной деятельности. Он видел продажных людей, намеренно подрывавших целостность государства ради собственной выгоды. Он наблюдал общий упадок морали и закона. Для него этот упадок олицетворял крах всего, что было прекрасного и благородного в китайском порядке бытия. Уже в двадцать два года, занимая государственную должность всего три года, Конфуций начал понимать бесперспективность попыток справиться политическими методами с развращенностью и продажностью государства. В нем был силен дух реформатора, он сознавал, что предстоит преодолеть много пороков, прежде чем закон сможет действовать как беспристрастный регулятор людских дел.

Можно утверждать, что у Конфуция были слишком узкие взгляды и что многие свои неприятности он навлек на себя сам, но история рисует его как весьма разностороннего человека, сочетавшего в себе силу ума с физической силой. Он был не чужд искусству, блестяще играя на лютне; особо отмечается его мастерство возничего, а его умение обращаться с лошадьми снискало ему огромную славу. За что бы он ни брался, он вкладывал всю душу в исполнение любого дела, каждый его поступок свидетельствует об искреннем старании. Его ум, глубокий и дисциплинированный, не был, однако, лишен некоторой горечи, особенно на склоне лет. Он страдал, как приходится страдать всем идеалистам. Он

так основательно подготовился приносить Китаю пользу своим умом, что так и не смог до конца понять, почему Китай отверг его помощь. Попытки реализовать предлагавшиеся им программы действия всегда увенчивались успехом, только его программы, по-видимому, никому не были нужны. Интриги разрушили мечту. Государство было скопищем мелких пороков, и философия не пользовалась благосклонностью у принцев.

Конфуций пробыл заместителем министра государства Лу очень недолго, пока в один прекрасный день с уверенностью человека, привыкшего все тщательно обдумывать, не захлопнул за собой двери государства, предоставив принцам заниматься бесконечными раздорами, и не начал жизнь странника, которая продолжалась тринадцать лет. Этот период жизни мастера был посвящен достижению двух конкретных целей. Он предлагал свои услуги и советы различным феодальным государствам, пытаясь осуществить и необходимые реформы. К тому же он собирал вокруг себя учеников и приверженцев, которым проповедовал свои идеи и внушал доктрины и идеалы, которые должны были впоследствии изменить всю китайскую цивилизацию.

По истечении этих тринадцати лет, посвященных преподаванию и проповедованию, предложению своих услуг и получению отказов, шестидесятипятилетний Конфуций вернулся в свое государство Лу, умудренный опытом странствий. Так никогда и не возобновив политическую карьеру, он основал школу, в которой преподавал свои утопические воззрения. Предание гласит, что всего у него училось более трех тысяч человек, из которых семьдесят два настолько выделялись проницательностью и сообразительностью, что он считал их своими настоящими учениками, разделявшими его мечту о грядущей эпохе.

Конфуций жил в один из самых важных переходных периодов в истории человеческого общества. Его современниками были Лао-цзы в Китае, Будда Гаутама в Индии, Заратустра в Персии и Пифагор в Греции. Конфуций был вынужден оставаться в стороне и наблюдать упадок культуры, порядка, традиции и церемоний. Люди больше не изучали оды и летописи. Они больше не отправляли обряды. Все, что Конфуцию казалось прекрасным и утонченным, было принесено в жертву алчности и вражде. Поэтому он взял на себя обязанности продолжателя и хранителя заведенного истари порядка в обществе. Собирая воедино то, что, по его мнению, должно было быть духом китайской культуры, он заново редактировал, перерабатывал и исправлял письменные источники, выполняя самую насущную задачу из всех, за которые ему когда-либо приходилось браться.

Примерно за два столетия до христианской эры библиотеки Китая были уничтожены по императорскому приказу, и, если бы не Конфуций, большая часть памятников китайской мысли древности погибла бы безвозвратно. Уже ощущая тяжесть лет, преисполненный гнетущей печали человека, который все понимает, но не может действовать, Конфуций продолжал писать, стремясь сохранить древнюю мудрость и внести и свой вклад, который стал бы неизменным благом для народа Китая.

В последние годы жизни Конфуций соприкоснулся с самой древней и самой странной книгой во всем Китае— «И цзин» «Канон перемен», или, точнее, начал понимать ее. Даже в VI веке до н. э. авторство «И цзин» было окутано мраком неизвестности. Она явилась вместе с Китаем из темных доисторических времен. Некоторые современные ученые объявили «И цзин» старейшей книгой в мире. Комментарии к этому труду были написаны до Конфуция, но ни один из них не показался вполне удовлетворительным его незаурядному уму. Поэтому он подготовил подробный комментарий, который определенно свидетельствует о его вере в прорицание и магию. Возможно, на эту работу повлияла его беседа с Лао-цзы, хотя со времени достопамятного визита к библиотекарю третьего кабинета министров прошло много лет.

Смерть пришла к Конфуцию, когда он все еще был поглощен своими литературными занятиями. Остаток его жизни был поделен между преподаванием и подготовкой к печати «Летописи графства Лу». Однажды утром один из его учеников слышал, как он, увидев сон, по его мнению, предзнаменовавший смерть, напевал вполголоса:

*Огромная гора должна разрушиться,
Крепкая балка должна сломаться,
Мудрый человек должен увянуть, как растение.*

Незадолго до кончины мастера какой-то охотник убил в лесах Лу странное чудовище. Он принес тушу в город, чтобы показать его изумленной толпе. Это было животное размером с корову, покрытое чешуей и с одним рогом. Увидев его, Конфуций заявил, что смерть этого животного предвещает его собственный конец. Это был цилинь, символическое животное мудрости, и его гибель ознаменовала завершение эпохи просвещения.

Вскоре после этого Конфуций слег и больше не поднялся со своего ложа. Его последние слова в записи звучат по-разному, но по существу сводятся к одному и тому же. «Не появляется ни одного умного монарха. В империи нет никого, кто сделает меня своим учителем. Пришло время умирать». Другой вариант гласит: «Раз ныне нет ни одного правителя, у

которого достало бы ума понять меня, то лучше мне умереть, ибо моим планам не суждено претвориться в жизнь». После этих слов Конфуций больше ни разу не заговорил. Он пролежал на своем одре, храня молчание, шесть дней, а на седьмой скончался в возрасте семидесяти трех лет в окружении учеников. Его похоронили за пределами столицы Лу, и его могила сохранилась до наших дней. Так закончились дни этого исключительного человека, который потратил всю жизнь на поиски честного правителя.

Доктрины Конфуция

Основным источником доктрин Конфуция являются «Аналекты», по-китайски «Лунь ю». Строго говоря, этот труд не был написан мастером, он скорее представляет собой собрание его взглядов с вкраплениями высказываний других учителей и ученых, а также неизвестных подробностей из жизни исторических лиц. Высказывания, приписываемые самому Конфуцию, как правило, предваряются словами: «Мастер сказал» или «Мастер ответил». Более полно оценить широту и особые качества ума Конфуция позволяют те древние оды и исторические хроники, которые он, как хранитель и реставратор, выбрал для редактирования и издания.

Конфуций не был мистиком, хотя и не выказывал отвращения к мистическим спекуляциям и иногда позволял себе пускаться в них. Его ум целиком был занят практическими вопросами, связанными с социальным и политическим выживанием китайской империи. Будучи глубоко религиозным человеком, он воздерживался от прямых попыток развить теологические воззрения. Под общим термином «небеса» он подразумевал духовные и причинные факторы, оживляющие и направляющие живых существ материального мира. Законы небес были для него абсолютными и непреложными. Все вещи существуют и сохраняются согласно предписаниям неба. Он редко отваживался перешагнуть эту грань, оставляя метафизические рассуждения людям, в большей степени склонным к абстракциям.

Мастер оставался верным старинному порядку мышления и действия, потому что для него они олицетворяли волю небес. Он признавал, что обычаи пришли в забвение, и ему казалось, что постепенное исчезновение добродетелей происходило одновременно с несоблюдением обрядов и церемоний, данных Китаю первыми просвещенными посланцами небес. Конфуций приписывал вселенной мировоззрение, являвшееся в действительности и по сути его собственным. На его взгляд, разумное, очевидное и добродетельное непременно олицетворяет волю небес.

Основную мысль конфуцианства можно кратко выразить простой посылкой: мудрость прошлого поддерживает добродетель настоящего, а добродетель настоящего обеспечивает будущее благополучие. Так же, как и Сократ, Конфуций утверждал, что, если бы оказалось возможным вылечить болезнь неразумности, которой подвержены люди, постоянство всех желаемых условий было бы гарантировано. Нации, представляющие собой

совокупности индивидуумов, коллективно выражают те позиции, которые индивидуально выражают отдельные люди. Порядки божественных существ открываются тем, кто придерживается определенных норм мышления и действия и соблюдает обряды, обычаи и образ действий, установленные волей небес во всех сферах природы. Если бы люди замечали примеры, выставяемые напоказ вселенной, они могли бы сделать явным то совершенство, которое присутствует повсюду в виде потенциальной возможности.

Конфуций ощущал в себе призвание к осуществлению практической реконструкции принятых в человеческом обществе норм этики. Он мечтал о золотом веке, или идеальном государстве, когда все зло и вражда исчезнут и воцарится истина. Мастер так выразил эту мечту: «Когда восторжествует великий принцип, весь мир превратится в республику; изберут людей талантливых, добродетельных и знающих; заговорят об искреннем согласии и будут добиваться всеобщего мира... Старикам до самой смерти будет гарантировано надлежащее обеспечение, людям среднего возраста — постоянная работа, а молодым — средства к существованию на период взросления. У каждого мужчины будут собственные права, и личность каждой женщины будет защищена». Одно это представление позволяет причислить Конфуция к великим идеалистам мира.

Люди нынешней, более поздней эпохи мечтают, как мечтал и он, а мечта все еще не осуществилась.

Мечта Конфуция о новом веке полностью соответствует платоновскому идеалу правления избранных-философов. Первым шагом на пути к достижению столь прекрасного общественного устройства было, согласно Конфуцию, развитие индивидуума до превосходного человека, который в совершенстве познал добродетели и живет в соответствии с этим знанием. Из слов, приписываемых Конфуцию, становится очевидным, какие качества необходимы для достижения состояния коллективной безопасности. Мастер говорил: «Превосходный человек ищет истину в себе, тогда как обычные люди ищут ее в других. Цель превосходного человека заключена в истине — истине, достигаемой через согласованность с высшими критериями общего блага и строгое применение закона». Еще в одном месте Конфуций утверждает: «Ведение правильного образа жизни считается высшим порядком».

В делах государственных Конфуций придерживался того мнения, что при всех обстоятельствах мудрый должен править, а неучи — повиноваться. Тем не менее он желал предоставить всем возможность получать образование, чтобы невежество стало выбранным, а не

вынужденным уделом. Один из учеников мастера говорил, что, если бы его сделали премьер-министром Китая, он смог бы обеспечить стране мир на тысячу лет при помощи конфуцианского кодекса.

Конфуций признавал продолжение жизни после смерти, говоря: «Плоти и костям назначено обращаться в прах, а душа со своей энергией вольна ходить повсюду». Он не поощрял общение людей с духами, заявляя, что надоедать умершим нечестиво.

Конфуция уже при жизни считали человеком весьма консервативных взглядов, потому что он верил в возможность сохранения навсегда деликатности и учтивости в человеческих взаимоотношениях. Он предостерегал против тесных дружеских отношений и любых поступков, порочащих взгляды и поведение человека. Он сознавал, что исчезновение мелких знаков внимания, утонченности и красоты из отношений между людьми предвещает конец цивилизации. Для него прогресс измерялся внутренним совершенством, отличавшим превосходного человека. У самого мастера были чрезвычайно простые вкусы. Он не любил хвастовства и ложного величия в любой форме, но получал наслаждение от маленьких формальностей, выражавших вежливость и любезность. Ритуал и традиция как основа лицемерия были ему ненавистны, но он представлял себе превосходство человека, обладателя спокойного врожденного чувства собственного достоинства, сохраняющего почтительность и благородство. Жизнь Конфуция отражала его веру в величие мелочей. В унисон с основной мыслью Конфуция звучат и слова Микеланджело: «Мелочи творят совершенство, но совершенство не мелочь». Отсутствие мелочей, таинственных и неуловимых сил, прекрасных традиций неизбежно доводит великие предприятия до краха.

Несмотря на изысканность своего сознания, Конфуций не был ни высокомерным, ни самодовольным. Если его слова приносили достойные похвалы результаты, он не ставил это себе в заслугу. Если же он терпел неудачу, то не признавал вину, не уставая повторять, что и успех, и неуспех зависят от воли небес. Как-то раз ему сказали, что люди его не понимают, а он ответил, что беда не в том, чтобы оказаться не понятым людьми, а в том, чтобы не понимать людей.

В «Аналектах» он подводит итог собственной жизни: «Достигнув пятнадцатилетнего возраста, я почувствовал склонность к учебе. В тридцать лет я был убежденным приверженцем научных занятий. В сорок ничто не могло увести меня с моего пути. В пятьдесят я постиг волю и веление небес. В шестьдесят мой слух привык улавливать их. В семьдесят я научился следовать зову сердца, не преступая границы незыблемых

моральных устоев».

Конфуций восторгался развитием наук и искусств и поощрял его до такой же степени, до какой Лао-цзы недооценивал все человеческое знание. Он искал единения с вселенской истиной не на пути аскета, исповедующего внутреннее безмолвие, а как ученый через самосовершенствование. Даосизм учит, что, достигнув единого, мы узнаем все. Конфуцианство учит, что, узнав все, мы откроем единое. Путь конфуцианства можно кратко выразить словами самого мастера: «Сосредоточьте мысли на пути добра. Твердо держитесь добродетели. Полагайтесь на филантропию. Находите отдохновение в искусствах. И никогда никому не отказывайте в обучении».

Конфуцианские дисциплины

Конфуций никогда не пропагандировал метафизические дисциплины среди своих учеников. Ниоткуда не следует, что он позволял себе заниматься медитацией или созерцанием или преподавал эти дисциплины, с которыми китайцев познакомили учителя и пилигримы из Индии. Конфуций был китайцем до мозга костей и не нуждался в заимствовании философий у других народов. Дошедшие до нас из оригинальной конфуцианской школы фрагменты свидетельствуют, что основы учений мастера составляли добродетель и знание. Добродетель толковалась по-сократовски как правильное поведение, а знание — почти по лорду Бэкону — как приобретение способности к познанию всех вещей. Добродетель и знание влияли друг на друга. Добродетель повышала восприимчивость к знанию, а знание предоставляло составные части, из которых складывался образец добродетели. Живи достойно, учись прилежно и применяй все знания с пользой. Такой по существу была конфуцианская концепция истины и правильного порядка вещей.

Ученики мастера практиковали определенные дисциплины. Они умеряли крайние проявления своих эмоций, искореняли эксцессы внешней стороны своей жизни и очищали разум от переменчивости и противоречий. Затем они культивировали сдержанность манер и правдивость в пустяках. Они освобождали ум от мыслей о вознаграждении, удовлетворяясь упорным трудом и учением, единственной наградой за которые было внутреннее совершенствование.

Конфуцианская философия особенно применима к нашему современному миру, потому что вся эта система проникнута сугубо практическими интересами и подчинена им. Когда целью была мудрость, а средством — добродетель, течение жизни обретало ясность и разум избавлялся от страданий, причиняемых противоречивыми мнениями знатоков формальной логики и богословия и постоянными глупостями теологов.

Конфуций не тешил себя надуманным оптимизмом. В юности он много мечтал, но, повзрослев, понял, что должны пройти сотни тысяч лет, прежде чем человечеством будут править мудрость и добродетель. Он не преподавал некую чудесную доктрину, годившуюся для незрелых и непоследовательных смертных, а скорее констатировал определенные непреложные истины, которые можно было по желанию принимать или

отвергать. Ни признание, ни неприятие никоим образом не могло повлиять на сущность фактов. Человек живет не только для того, чтобы в течение недолгого времени вести натуральный обмен и быть менялой, и не для того, чтобы проводить свои годы в праздности или тратить их на бесполезные занятия, а, напротив, для того, чтобы осуществлять добродетель и достичь мудрости. Человек является действительно человеком до той степени, до какой он действительно добродетелен и мудр. Богатство, могущество, власть и знатное происхождение не должны вызывать восхищение. Только мудрый человек по-настоящему достоин восхищения; только добродетельный человек заслуживает уважения.

Следовательно, конфуцианство есть дисциплина самосовершенствования, посвящения всей жизни без остатка достижению высокой цели, следуя благородным побуждениям. Благородство необходимо возвращать с самого детства. Благородство — это мягкость, бескорыстие, благоразумие, терпимость, сдержанность и более всего постоянная сосредоточенность ума на атрибутах истинного величия. Занимая невысокий пост, человек должен быть добросовестным, на высоком посту он должен быть справедливым; во всех делах он должен быть честным, и всю жизнь при любых обстоятельствах он должен ценить свою честь дороже любой прибыли, а свой характер — дороже компромисса.

Возможно, все это непохоже на метафизическую дисциплину, и все же успешное выполнение конфуцианского кодекса легким никак не назовешь. Можно молиться ежедневно по несколько минут или ненадолго погружаться в размышление перед принятием какого-нибудь серьезного решения. Но все время вести правильную жизнь просто потому, что правильный образ жизни составляет первейшую обязанность человека по отношению к самому себе и другим, — это испытание мужества и преданности этим идеям даже для самых сильных натур. Каким замечательным был бы мир, если бы все люди были честными; и все же честность — такое короткое слово и такое простое дело — дается неопишущим трудом. Мир лучше войны, честность проще интриганства, мудрость более естественна, чем невежество, но мир выбирает менее благородный путь, и лишь немногие осуществляют те простые добродетели, которые и составляют самую сущность человеческих взаимоотношений.

Для Конфуция основные реалии жизни были очевидны. Он жил в их окружении более благородно, чем большинство людей. Он учил им с такой самоотдачей, которая снискала ему уважение всего мира. Он принадлежит

не Китаю, а всему человечеству. Его идеи, живущие в веках, доходят до нас через двадцать пять столетий такими же истинными и практическими, какими они были в его дни. Как было бы хорошо, если бы Конфуций жил в наше время и проповедовал честь и честность нынешнему поколению, которое нуждается в нем так же остро, как и древний Китай. Но если бы он постоял на углах улиц наших городов, он снова потерпел бы те же неудачи, которые переживал и раньше. Как и прежде, его примеру последовали бы очень немногие; даже сегодня маловероятно, что найдутся правители, готовые прислушаться к нему, или принцы, которые сделают его своим министром, или король, который принял бы к сведению его доктрины. Честности и чести ныне почти нет места в делах империи. И все же когда-нибудь в будущем, лучшем, чем настоящее, мир вспомнит человека, который даровал Китаю жизнь, преисполненную мудрости.

После смерти Конфуция главным истолкователем его доктрины стал философ Менций, родившийся в 372 г. до н. э. и скончавшийся примерно в 289 г. до н. э. Как и Конфуций, Менций вел спокойную, ничем не примечательную жизнь. Через несколько веков после смерти его канонизировали вместе с Конфуцием; он почитаем народом Китая почти наравне со своим учителем, как выразитель доктрин добродетели и мудрости.

Цитаты

Приведенные ниже выдержки из «Аналектов» дают представление о глубине и благородстве ума Конфуция.

Не поступай по отношению к кому бы то ни было так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой.

Народ, которым правят деспотично и заставляют следовать установленному порядку с помощью наказаний, возможно, и не допустит нарушений закона, но утратит умение давать правильную моральную оценку поступкам.

Людей можно заставить следовать определенным путем, но нельзя заставить понять, по какой причине это нужно.

Если бы у страны в течение ста лет были только хорошие правители, можно было бы искоренить преступность и отменить смертную казнь.

Человек высшего типа — это тот, кто прежде действует, а уж потом говорит и исповедует только то, что осуществляет на практике.

Человек, в сердце которого нет милосердия, — какое ему дело до церемоний? Человек, в сердце которого нет милосердия, — какое ему дело до музыки?

Разве не мудрец тот, кто не предвидит обман и не подозревает других в недобросовестности, а сразу распознает их при первом же проявлении?

Когда однажды Конфуция спросили о принципе воздаяния добром за зло, мастер ответил: «Ну а чем же тогда платить за добро? Наоборот, следует отвечать справедливостью на несправедливость и платить добром за добро».

Мое предназначение — указывать, а не создавать.

Если я прогуливаюсь с двумя людьми, то каждый из них будет мне учителем. Я различу хорошее в одном и перейму это и дурное в другом и исправлю это в себе.

Я не могу претендовать на божественную мудрость и совершенную добродетель.

Все, что можно сказать обо мне, — это что я никогда не колеблюсь на том пути, которым следую, и не утомим в наставлении других.

Я имел обыкновение проводить целые дни без еды и целые ночи без сна, чтобы размышлять. Но не добился никакого успеха. Учение, как я понял, приносило больше пользы.

Учение без мышления — напрасный труд, мышление без учения

опасно.

Что толку узнать верный путь утром, если ночью придет смертный час?

Ученик, который твердо решил изучать принципы добродетели и тем не менее стыдится плохой одежды и грубой пищи, все еще не готов воспринимать наставления.

Добродетель не может жить в одиночестве: вокруг нее обязательно возникают соседи.

Бессмысленно обсуждать свершившиеся факты, протестовать против того, чего не исправить, придирается к прошлому.

Трудно найти человека, который, потратив три года на работу над собой, не добился счастья.

Никогда не меняются два типа людей: мудрейшие из мудрых и тупейшие из тупых.

ЛАО-ЦЗЫ

Лао-цзы — загадочный мудрец

Однажды ночью 604 г. до н. э. небо над нынешней китайской провинцией Хэнань внезапно озарила огромная падающая звезда. В это самое время под сливой крестьянка, изнуренная работой на полях феодала, давала жизнь сыну. Мать — жившая в бедности вдова — нарекла новорожденного сына Сливовым Деревцем, а потом, обратив внимание на

необыкновенно длинные мочки его ушей, добавила к имени слово «Ухо». Малыш Ухо Сливового Деревца во многом отличался от остальных детей. Согласно преданию он был зачат без участия смертного отца под влиянием гигантской кометы, зависшей над Гуй-дэ в момент зачатия. Он родился с густой копной длинных белых волос и кустистыми белыми бровями. Как и все младенцы, он выглядел старым и мудрым. Предание в своей извечно болтливой манере совершенно серьезно утверждает, что он родился в семидесятый день рождения.

В Китае любая история быстро приукрашивается сверхъестественными явлениями, но с уверенностью можно сказать, что маленький Ухо Сливового Деревца действительно был из низов и имел туманное происхождение; в противном случае его предки не ускользнули бы от пытливого взгляда китайских историков. Его юность также покрыта мраком неизвестности, но, судя по бедности того класса, к которому он принадлежал по рождению, его борьба за получение образования была долгой и трудной. Сопутствовавшие его появлению на свет предзнаменования пророчили ему высокое положение в сфере знаний, и он блистательно исполнил это предназначение, преодолев все препятствия, созданные происхождением и случаем.

Он жил один, учился в одиночку и размышлял в одиночестве. Лишенный возможностей получить образование в собственной стране, он искал бесценную тайну веков в глубинах своей души. Сама его безвестность превратилась в главный принцип жизни. О его личности известно так мало, что современные скептики пытаются доказать, что само его существование — всего лишь плод воображения китайцев.

Шли годы, увеличивая возраст этого человека с белыми волосами, а вместе с ними пришли и почет, и высокое положение; он был назначен библиотекарем династии Чжоу. Это важное назначение стало поворотным пунктом в жизни философа. Он вышел из борьбы за знания, оказавшись в средоточии знаний, накопленных миром. Третий кабинет министров эпохи Чжоу разделялся на две группы ученых мужей. Первая именовалась Управлением летописцев, вторая — Управлением астрологов. У летописцев были две обязанности. Во-первых, записывать все слова и дела императора и облекать в нетленную форму все законы и эдикты государства. Вторая из обязанностей заключалась в собирании, систематизации и регистрации всех видов знаний из провинций империи и всех остальных стран цивилизованного мира. Управление астрологов тоже выполняло две задачи. Первая заключалась в расчете движения всех планет и звезд, вычислении затмений и появления комет, а также ведении календаря и внесении в него

поправок. Второй их обязанностью было сопоставлять свои данные с материалами, систематизированными и сохраненными летописцами, таким образом постоянно проверяя взаимосвязь между небесными явлениями и общественным и политическим положением человека.

Нетрудно понять, что хилый большеголовый философ нашел элементы своей великой метафизической системы в архивах третьего кабинета министров. Мыслитель с белыми волосами, облаченный в простой темный балахон, скользил почти как призрак по огромным коридорам библиотеки. По-видимому, он был женат, потому что у китайских историков записаны имена его сыновей и внуков, и на его потомках, как и на потомках Конфуция, лежал отблеск славы его имени.

Именно на широких ступенях библиотеки Чжоу он встретился с Конфуцием. В то время даосскому философу было около восьмидесяти лет, а Конфуцию намного меньше. Эта встреча мистика и моралиста, хотя исторически и не достоверная, вполне могла произойти. Конфуций искал первоисточник китайской метафизики и нашел его в лице сутулого, одетого в темное человека, для которого вся материальная жизнь была иллюзией, все формальности и церемонии — суетой, все почести — эфемерными, и вообще ничего не существовало, кроме не имеющей названия неизвестной причины всего сущего. Удаляясь после беседы, Конфуций никак не мог осознать абстракции мудреца-даоса. Конфуций настолько любил человечество, что для него не существовало большей заслуги, чем создание условий, в которых все люди могли бы благоденствовать при соблюдении действующих законов и мудром правлении. И все же было бы неправильно утверждать, что он не испытал влияния загадочной привязанности даосской точки зрения. Он осознавал возвышенность внутреннего пути, и это повлияло на его более поздние произведения, но он никогда не переставал быть гуманистом.

Ныне даосский мастер известен всему Китаю и цивилизованному миру под именем Лао-цзы, однако сомнительно, что он носил это имя при жизни. Слово «Лао-цзы», означающее «умудренный годами младенец», конечно, навеяно его внешностью в младенческом возрасте, но на протяжении жизни он, вероятно, был известен под своим прозвищем Ли, означающим сливу, а сливовое дерево в Китае является символом бессмертия. Благодаря широкому употреблению, содержание понятия «Лао-цзы» постепенно расширилось, включив в себя достойного почитания философа или древнего мудреца.

Было бы ошибкой признать Лао-цзы основателем даосизма. В действительности эта доктрина представляла собой более или менее

разработанное учение уже за несколько столетий до его рождения. Первыми даосами почти наверняка были летописцы и астрологи из крупных китайских библиотек. В силу своего особого положения компиляторов всех полезных знаний эти люди были хорошо знакомы с метафизическими спекуляциями индусов, а истоками даосизма, по общему признанию, являются аскетические философские системы Индии. Основной догмат, проистекавший из собранных летописцами и астрологами сведений, совершенно отчетливо просматривается во всей концепции даосизма. В основе более очевидных аспектов даосской доктрины лежат астрология, алхимия и сравнительная метафизика, отчасти ведического толка.

Эпоха правления династии Чжоу была в китайской истории одним из многочисленных периодов войн. Борьба и философия несовместимы, и Лао-цзы весьма откровенно осуждал теорию войн и агрессии. Наконец, устав от распрей правителей и нестабильности в обществе, он снова возмечтал о мире и покое, сохраняющихся среди холмов. Приведя в порядок все свои должностные обязанности, он испросил привилегию навсегда исчезнуть из поля зрения людей. Таковая привилегия была дарована ему. Он был очень стар и немощен и, взобравшись на спину своего любимого быка, медленно поехал прочь, к границам между Китаем и огромными горами. В конце концов он прибыл к северо-западным воротам Китая. Была осень, когда он достиг Ханькоуского перевала и именно там повстречал Иня Си, смотрителя ворот.

Инь Си, видимо, был великим астрологом и мистиком. Ночами он часами изучал движения звезд и во время одного из таких бдений заметил странное тело, перемещавшееся в небесах, какой-то источник света, который поднялся над Китаем, постепенно сместился к северо-западу и исчез среди далеких пиков Гималаев. Он обратился к древним книгам и с их помощью и в результате собственных размышлений сделал открытие, что некое благороднейшее живое существо скоро проследует этим путем, скользя, как свет, вдоль дороги, ведущей через Ханькоуский перевал. Поэтому Инь Си соорудил себе хижину из травы и, усевшись в дверях, стал ждать прибытия великого учителя.

Наконец он заметил приближающегося огромного зеленого вола с тщедушным седым старичком на спине, закутанным в широченную накидку. Сердце быстро забило в груди Иня Си. Одаренный внутренним зрением, он понял, что это и есть тот, кого он ждал. Когда Лао-цзы подъехал к хижине стража ворот, Инь Си пал ниц перед мудрецом, умоляя его ненадолго задержаться и наставить его в секретах Дао — пути жизни.

Лао-цзы удовлетворил эту просьбу и, когда Инь Си помог ему сойти с вола, оставался со стражем ворот в его хижине так долго, что этого времени хватило, чтобы подготовить его единственное литературное произведение «Дао дэ цзин». Рукопись была короткой и состояла из пяти тысяч иероглифов. Этот труд отличается такой сжатостью стиля и такой абстрактной терминологией, что его глубина и основная идея оказываются выше понимания среднего читателя.

Закончив свой труд и преподнеся его Иню Си, Лао-цзы взобрался на зеленого быка и, миновав ворота, в одиночестве и без запасов провизии продолжил путь по дикой пустынной местности, расстилавшейся за ними. Далее в этой истории содержатся одни выдумки. Согласно одним рассказам, он отправился дальше, чтобы умереть; по другим оказывается, что он держал путь в некую таинственную долину, где жили вместе все мудрецы прошлого. Известно только, что, достигнув девяностолетнего возраста, он исчез из Китая, и больше от него не было никаких известий.

Память о нем продолжает жить, и, хотя его учение никогда не пользовалось такой популярностью, как учение Конфуция, маленький седовласый старичок и его зеленый вол вечно странствуют по дорогам Китая, снова и снова воплощаемые в зримые образы каждым новым поколением благочестивых даосов. Государство тоже не забыло о нем. В VII веке н. э. он, возведенный в ранг божественных созданий мира с титулом Великого Вседержителя, бога-императора туманной первопричины, был канонизирован правящим императором из династии Тан. К этому позднее добавилось еще одно почетное звание, звучавшее просто и проникновенно — древний мастер.

Доктрина даосизма

Основу даосизма составляет «Дао дэ цзин». Слово «дао» в вольном переводе означает путь, образ действия, способ и даже более того, принцип, истину, или реальность, лежащую в основе всех вещей. «Дэ» означает добродетель, просвещение, действие, совершаемое в соответствии с принципом. Таким образом «Дао дэ цзин» — это «Книга о пути добродетели», или книга, раскрывающая кодекс духовного поведения по отношению к Принципу.

Несмотря на необычный образ жизни Лао-цзы и его чрезвычайную приверженность к метафизическим спекуляциям, его взгляды, вероятно, не сохранились бы, если бы остались без комментариев и пояснений. Он раскрывал принцип, а двум великим китайским ученым, Ле-цзы и Чжуан-цзы, оставалось развить и завершить традицию и представить ее принципы таким образом, чтобы мир мог их усвоить. Об этих людях говорили, что они олицетворяют высший уровень мистических знаний в Китае. Ле-цзы и Чжуан-цзы жили около 400 г. до н. э., и большинство даосских текстов, сохранившихся до настоящего времени, дошли до нас через них, а не непосредственно от Лао-цзы. Так же, как и их учитель, эти отцы даосизма жили незаметной, простой жизнью, поэтому почти ничего неизвестно о той обстановке, в которой они распространяли догму даосизма. Ле-цзы, по-видимому, жил в крайней нищете, а Чжуан-цзы, хотя и жил несколько лучше, добровольно выбрал безвестность, чтобы освободить время для размышлений о тайне Принципа. Поэтому, обсуждая даосизм, не всегда можно разделить мастера и этих двух его ревностных последователей. Эти трое вместе и есть даосизм, насколько это касается его литературной стороны. Преддаосские летописцы и астрологи Чжоуского царства не оставили никаких литературных фрагментов, имеющих отношение к доктрине.

Доктрину даосизма следует рассматривать как с теоретической, так и с практической точек зрения. Теория даосизма сводится к пониманию природы Дао, или Принципа. Практический аспект — это способ простой, или незаметной, жизни; к этим двум основным правилам постепенно добавилась сложная структура сверхъестественных факторов, которые, если и были действительно известны Лао-цзы, отражения в «Дао дэ цзин», безусловно, не нашли.

Дао, Принцип, прежде всего следует понимать во всех его

подразумеваемых философских смыслах. Принцип есть абсолютная, существующая в природе движущая сила. Принцип называется сущностью и описывается как самосуций, вечный, законченный и бесконечный. Он представляет собой общее качество, из которого все формы проявляются и в которое они в конечном итоге должны вернуться. Принцип не увеличивается и не убывает, ибо все формы, в которые он вливается, являются продолжением его самого, и в нем невозможно никакое действительное разделение. Принцип вездесущ. В одном из даосских трактатов ученик говорит о ничем не примечательных местах, где Принципа, возможно, и нет, а мастер каждый раз уверяет его, что Принцип вездесущ и пребывает всегда и повсюду. Принцип представляет собой не только предельное простираие формы в бесформенность; он также есть предельное расширение мышления до абстрактного, недумającego источника. Интеллект, сознание и сила — все уходит в Принцип и благодаря этому уходу становится универсальным. Принцип есть единственная безусловная и неизменная действующая сила во вселенной. При наличии Принципа даосу уже не требуется правитель мира или личный бог. Принцип также обладает атрибутами абсолютного закона в том смысле, что в самом его существе коренится замысел и назначение всех существующих созданий.

Лао-цзы признавал невозможность понять происхождение Принципа; фактически он считал, что Принцип, будучи абсолютно вечным, не имеет начала. «Я ничего не знаю, — говорил Лао-цзы, — от кого произошел Принцип. Кажется, он был раньше Повелителя (Бога). Он имеется в изобилии и производит, не восполняя себя. Постоянно разливаясь, он не пустеет. Все существа вышли из этой бездны, в которой ничего нет».

Принцип нельзя назвать зародышевым, но он обладает неиссякаемой способностью создавать формы, структуры, типы и виды из самого себя, так что создается впечатление, что все вещи возникают из ничего, поддерживаются ничем и в конечном итоге снова возвращаются или уходят в ничто. Но для Лао-цзы это кажущееся ничто само по себе было включающим все первоисточником, из чего следует парадокс: все есть ничто, ничто есть все.

Лао-цзы не мог объяснить, как и почему Принцип овеществляет себя, становясь мирозданием, уходя в собственную природу, он способен был принимать этот факт как трансцендентальную истину. К тому же он признавал, что Принцип содержит определенные внутренние природы, или состояния, тождественные себе самому. Первая из них называется «дэ» и выражает добродетель Принципа. Можно было бы сказать, что факт

излучает определенное воздействие в силу той самой добродетели, что он есть факт. Это излучение и есть дэ, и дэ — добродетель, или энергия, содержащаяся в Принципе, действует на два других модуса^[24], которые называются инь и ян. Они считаются обязательными свойствами Принципа. Инь и ян олицетворяют концентрацию и расширение. Они представляют собой отцовско-материнские атрибуты божества, или абсолютной энергии, которые можно обнаружить почти во всех системах метафизической теологии. Воздействуя на инь и ян, дэ побуждает модусы, или свойства, овеществляться, вследствие чего ян становится небом, а инь — землей. Небо и землю следует понимать не как невидимый небесный свод и земной шар, а скорее как рассеивание и уплотнение, или расширение и ограничение. Это противодействующие движущие силы, при смешении которых проявляются формы и органические существа. Ян — принцип расширения — в некотором смысле идентичен самому Дао. Инь — принцип концентрации, или кристаллизации — это очевидный, но нереальный элемент в феномене творения.

На взгляд Лао-цзы, крайности инь и ян создают иллюзорное проявление, в котором все ценности извращены, а важнейшие истины остаются неосознанными. Единство, Дао, или Принцип, есть взвесь противоположностей — факт, осознание которого рассеивает иллюзию и освобождает сознание от кабалы тирании добра и зла.

Лао-цзы признавал, что, если человек решает уничтожить зло, ему придется уничтожить также и добро, ибо они представляют собой крайние противоположности, уравнивающие друг друга, и устранение любого из них уничтожит обоих. Поэтому он заменял Принцип добром и злом, уча, что Дао как причина крайних противоположностей остается неизменным, необусловленным и неограниченным под влиянием проистекающих из него сил. Придерживаясь крайней точки зрения, что все феноменальные вещи проистекают из взаимодействия инь и ян, то есть из борьбы, или приложения усилий, или смешивания, Лао-цзы отрицал не только мир, но и мирские дела, поддерживающие и сохраняющие его навечно. Неизбежно напрашиваются нравственные умозаключения. В человеке есть две души, или сверхматериальные сущности. Первая представляет собой душу-тело, аниму^[25], или оживляющий принцип формы. Эта душа управляет ростом и развитием, здоровьем, функциями организма и теми импульсами и намерениями, которые обеспечивают безопасность. Другая душа создается при протекании определенных оккультных процессов. Одно предание гласит, что эта высшая часть является продуктом внутренней конденсации

некоторой части дыхания, и, когда человек вдыхает воздух в легкие и снова выдыхает его, определенная, очень небольшая часть его каждый раз остается, и эта частица, конденсируясь, образует носитель эфирной души. Именно эта высшая душа и продолжает существовать после распада тела в момент смерти. Но в конечном итоге все души поглощаются Дао. Никакого конечного личного бессмертия не существует. Даосизм признает доктрину перевоплощения только как объяснение циклического характера движения души по обратному пути к Дао, или Принципу.

Дао в сущности является чрезвычайно простым и, если его лишить внешнего, поверхностного, очень сильно напоминает философские умозрения Будды. Даосизм на практике становится философией правильного использования и экономии духовных ресурсов, сдерживания эмоций и всех остальных разумных действий, которые способствуют сохранению физической безопасности и душевного равновесия.

Практические аспекты даосизма, естественно, вытекают из теоретических умозаключений. Человек должен жить в как можно более полном согласии с Принципом. Он, как и Принцип, должен быть универсальным, беспристрастным и должен отдавать, не убывая, он должен получать, не становясь больше, и он должен достичь окончательного освобождения, лишившись всех качеств. Лао-цзы говорил: «Подражая Принципу, мудрец позволяет существам развиваться, не препятствуя им, жить, не завладевая ими, действовать, не эксплуатируя их».

Жить в совершенной гармонии с трансцендентными величием Принципа — значит внутренне понимать все больше и больше, пока личность полностью не освободится от всех привязанностей и неопределенностей. В даосизме долгая жизнь считается достоинством не просто из-за большого количества прожитых лет, а потому, что, прожитая философски, она свидетельствует о превосходстве над саморазрушительными факторами, действующими в жизненном конфликте. Необходимо всегда поддерживать сохранность. Расточительство — это богохульство. Чрезмерный труд, душевные переживания, перегрузка занятиями, тревоги, заботы, обязанности, честолюбивые замыслы — все это истощает жизнь и противоречит велениям Дао. Мудрец должен прилагать все силы, не прилагая усилий. Сознание должно плавно переходить от поступка к поступку и от мысли к мысли без замешательства, сложностей или разногласий. Контакт с человечеством утомителен, увиденное горе угнетает, и до тех пор, пока мудрец не сможет до конца осознать совершенство, скрывающееся за всеми вещами, он должен сторониться всех перенаселенных мест, которые опустошают и

утомляют его. Ему следует пребывать в безвестности и принимать лишь тех, кто заслуживает его внимания. Он никогда не должен стремиться к должностям или высокому общественному положению, потому что суетное продвижение по службе приносит только иллюзорные почести и утраты, разрушающие здоровье и безопасность.

Даосизм представляет собой верование, круг приверженцев которого ограничен определенными категориями людей, обладающих природной склонностью к мистицизму. Даже его проповедование можно считать напрасно потраченными усилиями. Человек, готовый понять Принцип, черпает сведения о нем в самом себе. Эту осведомленность он не может передать другому человеку, да и обсуждение и аргументация не принесут слушателю столько пользы, сколько причинят вреда говорящему. Согласно даосизму в его исходной форме, обращение в него в обычном смысле слова невозможно. Можно разговаривать с людьми целую вечность, а они останутся такими, какие есть, только тот, кто говорит, вымотается. Поскольку это непреложная истина, очевидная во всех областях жизни, долг мудреца состоит в совершенствовании закона в самом себе. И тогда его поймут те, кто мыслят так же, и только их понимание важно. Как полагают, именно этому вопросу и была посвящена своеобразная дискуссия Лао-цзы с Конфуцием. Для Лао-цзы не существовало ни семьи, ни чести, ни чувства собственного достоинства, ни успеха. Церемония была для него пустой тратой слов, молитва — напрасной тратой времени, традиция — пустой тратой мыслей, история — пустыми писаниями. С точки зрения даосизма, нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, и в иллюзорные промежутки времени, которые ими кажутся, не происходит ничего по-настоящему важного. Одни люди умирают, другие рождаются; одни нации возвышаются, другие приходят в упадок; философии возникают, и философии исчезают. Все приходит и уходит, но ничего из этого не волнует мудреца. Его единственную реальную заботу составляют его взаимоотношения с самим собой. Дао так поясняет принцип безразличия: несколько вязанок хвороста, сложенные вместе, образуют костер; пламя, поглотив один кусок дерева, переходит к другому, а зола, которую оно оставляет после себя, не имеет никакого значения, ибо только само пламя, которое питается ими, реально.

Лао-цзы рекомендовал жить подальше от людей, чтобы можно было избежать иллюзий, возникающих при тесном общении с другими иллюзиями. Однако он не требует подобной отстраненности. Он говорит: «Чтобы стать даосским мудрецом, нет необходимости покидать мир. Покоя и чистоты можно достичь и в миру». В даосизме чистота не обязательно

подразумевает осуществление на практике общественных добродетелей. Она означает простоту, бесстрастность, самоотречение, не сопровождаемое чувством утраты.

Доктрины Дао включают важное объяснение слова, или понятия, смирения. Если человек поднимется на высокое место, все утечет от него. Если он превратит себя в низину, все втечет в него. Следовательно, доктрина рекомендует даосу уподобить сознание морю, заполняющему самые низкие места на земле, не постижимому и неизвестному, в которое все реки земли вливают свои воды и которое никогда не наполняется до краев. Если даоса поставить над другими людьми, его власть никогда не будет ощущаться. Он будет править мягко. Как говорил Лао-цзы, «мы завоевываем человека, не угнетая его, а служа ему».

Мудрец должен совершать сплошь только добродетельные поступки. В то же самое время не понимать, что, действуя подобным образом, он больше всего помогает себе, — это лицемерие. Человек, поступающий справедливо в надежде на небеса, является не честным, а своекорыстным человеком, и всякий раз, когда кто-то унижается, надеясь получить какое-то конечное вознаграждение, — это эгоизм, и, возможно, именно таковым он и признается. Истинный мудрец не способен на самовлюбленность, потому что это разрушительная эмоция, ведущая к тщеславным мыслям и поступкам и в результате уводящая от Дао. Лао-цзы рассматривал честолюбие как величайший из смертных грехов. О нем с полным основанием можно сказать, что он учил тому, что «путь славы ведет только к могиле». Стараясь угодить другим, люди только изнуряют себя. Ничего не доставляет удовольствия другим и ничего не доставляет удовольствия им самим. Делание необходимого — добродетель, делание ненужного — порок.

В даосских доктринах доброта присутствует в двух формах: коллективной и индивидуальной. Коллективная доброта напоминает Дао, ибо Принцип поддерживает все вещи беспристрастно. Индивидуальное добро напоминает невежество, ибо индивидуальность есть иллюзия. Было бы неверно утверждать, что Лао-цзы учил людей быть жестокими и безразличными друг к другу, но он, безусловно, советовал не поддерживать ошибки других из симпатии или потворства. Так как говорить правду всегда непопулярно и очень немногие горят желанием узнать, что в действительности представляют их жизнь и мысли, Лао-цзы опять же рекомендовал истинному мудрецу занимать столь незаметное положение, чтобы его совета вряд ли стали домогаться. Пусть те, кто стремится к знаниям, идут к тем, кто претендует на обладание ими. Даосизм основан не

на знании; он основан на ясном понимании того, что пустая чашка — самая полезная чашка. По этой причине он осуждал Конфуция за научные занятия, намекая, что мудрость приходит изнутри, а глупость из книг. Возможно, это и крайняя точка зрения, потому что во время этой дискуссии Лао-цзы было около восьмидесяти лет и он был очень упрям. Подразумеваемое основное правило предостерегает индивидуума против интеллектуализма как заменителя внутреннего переживания. На сегодняшний день факты доказывают, что безукоризненно воспитанный человек может не быть образованным, а образованный человек может не быть мудрым.

Лао-цзы родился в одной из самых консервативных, приверженных закону, связанных традицией стран мира, где рождение, жизнь и смерть втиснуты в рамки церемониалов. Каждый элемент общественного строя чтили без понимания и поклонялись ему без внутреннего видения. И неудивительно, что мастер так рассуждал относительно законов: «Люди изобретают законы, потому что больше не в состоянии постичь Закон. Они придумывают добродетели, когда Высшая Добродетель не ясна. Этикет и традиция заменяют неспособность человека осознать изначальную внутреннюю справедливость и искренность взаимоотношений». К этому он добавляет, что изобретение политики положило начало всем злоупотреблениям. На его взгляд, идея людей управлять друг другом была смешной при таком состоянии общественного сознания, когда никто не был способен управлять самим собой. Он заложил основы социальной психологии, в рамках которой просвещение в конечном итоге сделает управление очевидной нелепостью. В Дао все люди живут в соответствии с законом, и, пока люди не будут жить по единому закону, ничего иного между ними, кроме беззакония, и быть не может. Великие законы исходят от Принципа; незначительные законы — от правительств и государей. Даже если государь абсолютно справедлив, даже если он мудрее всех остальных смертных, он все-таки не может создавать законы — настоящие, или неизменные. Закон исходит не от человека, а от Дао, Принципа, поскольку закон приходит через людей, которые открыли его и отождествили свой духовный мир с его целями. Таким образом, Лао-цзы подвергает нападкам сами основы государства. Он демонстрирует смехотворность пышной обстановки и церемоний, с помощью которых люди дурачат друг друга и очень часто самих себя. Зачем людям создавать законы, когда вселенная уже установила непреложные законы, которым ничто не может противостоять? Если люди должны соблюдать законы, то им следует соблюдать закон природы, ибо этот закон олицетворяет Принцип,

проходящий через все формы, составляющие мир.

Дисциплины даосизма

Лао-цзы практиковал и пропагандировал два вида метафизического самоконтроля: контроль дыхания и контроль действий. Вероятно, в архивах третьего кабинета министров нашлась методика контроля дыхания, которым давно занимались в Индии. Дыхание все более и более полно контролировалось волей, что приводило к возникновению в химии тела экстатического состояния. Простой контроль дыхания позднее был развит в сложную систему упражнений, заимствованных у буддийской школы и школ йоги. Благодаря контролю дыхания и направлению вдыхаемого воздуха по всему телу с помощью особой ментальной тренировки, организм не только очищается, но и расслабляется и становится спокойно-безмятежным. Полное безмолвие тела, вызванное использованием определенных приемов дыхания, высвобождает высшее сознание для его слияния с Дао.

В подлинных высказываниях Лао-цзы есть лишь одно прямое упоминание об экстазе, но оно определенно свидетельствует об использовании индусских упражнений и формул. Он признавал мистическое переживание и учил примирению с причиной путем принудительного прекращения борьбы между составными частями внешней личности.

Контроль действий составлял характерную особенность даосского культа. Человек делает все, не делая ничего; человек ходит повсюду, оставаясь неподвижным. Все внешние действия мешают трансцендентной личности, вселенскому «Я», которое познает все вещи путем внутреннего переживания. В философском понимании Принцип мог бы привести к яркому внутреннему переживанию, но так как большинство людей не способно разобраться в метафизических тонкостях, то даосские доктрины оказали бы крайне пагубное воздействие на несведущих в вопросах мистицизма.

Лао-цзы не признавал религиозные организации, и относился с пренебрежением к священнослужителям, игнорировал ритуалы и формулы и дурно отзывался о той увлеченности обращением в какую-либо веру, которая присуща большинству религиозных систем. По этой причине распространение его доктрины с самого начала оказалось парализованным. Те, кто владел ею, хранили молчание и как общественные силы не занимались просвещением, повинаясь заповедям своего учителя. Лао-цзы

не оставил после себя никакой схемы продвижения своих взглядов, и в конечном итоге целостность доктрины оказалась в полной зависимости от убеждений и способностей тех, кто ее утверждал.

Дао было целью, и люди, силясь достичь Принципа, изобретали для этого множество способов. Доктрина недеяния, понимаемая исключительно в буквальном смысле, привела к сегодняшнему даосизму, комплексу резко различающихся составных элементов.

Учение Лао-цзы о недеянии основывалось на той духовной истине, что внутреннее переживание есть единственная реальность в жизни, и люди, чьи умы сосредоточены на внешнем опыте, отделяют себя от истины уже самым акцентом, который они делают на теории внешнего достижения. Его недеяние в действительности представляло собой отрешенность человека, освобождающего себя от самогипноза, вызываемого тем, что он делает, чтобы выяснить абсолютную правду о самом себе.

Современный даосизм — это уже не та доктрина, которую оставил Лао-цзы. Даосизм испытал на себе сильное влияние буддизма и распространенного в Китае поклонения духам. Сегодня у него есть священнослужители и храмы, святыни и алтари и триада божеств, окружающих центральную обожествленную личность Лао-цзы. Простая строгая доктрина незаметного мудреца превратилась в причудливое собрание верований, в котором духи всех порядков настойчиво влияют на судьбу смертных.

Цитаты

Несколько выдержек из «Дао дэ цзин» позволят нам получить общее представление о направлении мыслей этого мудреца и его трудных для понимания оригинальных учениях.

Тот, кто хотел бы познать природу и атрибуты безымянного, не поддающегося определению Бога (Дао), должен прежде всего освободиться от всех земных желаний.

Высочайшее совершенство подобно совершенству воды. Совершенство воды проявляется в том, что она приносит пользу всем вещам, и в том, что она занимает, не стремясь к противоположному, низкое место, которое никому из людей не нравится.

Когда дело сделано и чье-то имя становится известным, уйти в тень — вот путь небес.

Когда чье-либо внимание безраздельно поглощено жизненно важным дыханием и он доводит его до крайней степени гибкости, этот человек может стать наивным младенцем. Очистив свое воображение от самых неприглядных зрелищ, он сможет стать безупречным.

Состояние бездеятельности следует довести до крайней степени, а состояние спокойствия сохранять с неустанной решимостью.

Он (мудрец) не занят выставлением себя напоказ и поэтому выделяется; не занят настойчивым отстаиванием своего превосходства и поэтому блещет; не занят самовосхвалением и поэтому его заслуги признаются; свободен от самодовольства и поэтому достигает превосходства. И потому, что он таким образом избавился от стремлений и приложения усилий, никто в мире не способен состязаться с ним.

Человек берет свой закон у земли, земля берет свой закон у неба, небо берет свой закон у Дао.

Тот, кто знает других людей, проницателен; тот, кто знает самого себя, умен. Тот, кто побеждает других, силен; тот, кто побеждает себя, могуществен.

Нет большей вины, чем возвращение честолюбия; нет большего несчастья, чем быть недовольным своей судьбой.

В восприятии малого заключен секрет проницательности.

Управление великим государством подобно приготовлению мелкой рыбы. (Мелкую рыбу легко пережарить.)

Но у меня есть три драгоценности, которые я высоко ценю и считаю огромными. Первая — мягкость, вторая — бережливость, третья — склонность избегать первенства среди других.

Путь неба состоит в уменьшении избытка и восполнении недостатка. А у человека все не так. Он отбирает у тех, кому нечего добавить к его собственному чрезмерному изобилию.

ПЛАТОН

Платон, божественный человек.

Платон, один из благороднейших людей, когда-либо живших на земле,

родился в прославленной семье в день праздника Аполлона на острове Эгина. Относительно точной даты существует некоторая путаница. По одной версии он родился 26 или 27 мая 427 г. до н. э., а по другой — 5 или 6 июня 428 г. до н. э. Умер он в Афинах в 347 г. до н. э. Вероятней всего, точной датой его рождения является более ранняя, так как ясно заявляется, что он умер на 81-м году жизни.

Апулей сообщает, что Платон имел «возвышенное происхождение», возможно, соглашаясь с Аристандером, который наряду с некоторыми ранними платониками полагал, что великий философ был сыном не смертного человека, а Святого Духа, проявившегося в блестящем облике Аполлона. Клеарх в своей «Похвале Платону» и Анаксилид во «Второй книге о философах», Плутарх, Свид и другие подтверждают, что Платон, как говорили все в Афинах, был сыном Аполлона, явившегося в видении Периктионе, матери Платона.

Отец Платона, или приемный отец, Аристон, назвал младенца Аристоклом в честь деда со своей стороны, но ребенок рос и стал таким крупным, что ему дали имя Платон с намеком на величие его личности, иные же говорят, что с намеком на ширину его плеч. Неант связывает это имя с шириной его лба, так как Платон означает ширину, как в слове «плато».

По утверждению Гезихия, Платона называли также Сераписом^[26], подчеркивая величие и достоинство его личности. Боги наделили его почти всеми счастливыми дарами, на какие только способна природа. О нем говорили, что в нем нет никаких недостатков. Его отличали необычайное красноречие, физическая привлекательность и величие ума. Он был любителем изящных искусств, так как учился живописи и увлекался поэзией. Красота его слога породила предание о том, что, когда он, будучи младенцем, спал, пчелы выстроили у него во рту медовые соты. Он гладко писал, проявляя величайшее мастерство в рассуждениях и спорах, и во всех сферах знаний обладал тем, что греки называли «глубокой одаренностью».

Стэнли^[27] в своей «Истории философии» так отзывается о Платоне: «Он значительно расширил знания и обогатил языки, изобретя множество вещей и придумав множество слов». Он достиг выдающихся успехов в грамматике и риторике, создав много терминов, используемых ныне в этих науках. Он обладал физической силой, любил спорить и имел мужество действовать в соответствии со своими убеждениями. Он был очень опытным борцом и участвовал в Пифийских играх^[28], отличившись в состязаниях, требовавших силы и ловкости. Он с блеском защищал свои

идеи и в рассуждениях и спорах бесстрашно и до конца доказывал правильность своих убеждений.

В двадцать лет Платон стал учеником Сократа и оставался у него около восьми лет. Во время суда над Сократом он пытался защищать своего учителя, но сенат заглушил его речь криками. Потом он предложил достать необходимую для покупки свободы Сократа сумму, но старый афинский мудрец не согласился. После смерти учителя Платон бежал в Мегару, спасаясь от злобы тех афинян, которые добивались смерти Сократа и твердо решили уничтожить его школу.

Ночью, накануне того дня, когда Аристон представил Сократу своего сына Платона в качестве ученика, Сократу приснилось, что молодой лебедь слетел с алтаря купидона в Академии и уселся к нему на колени отдохнуть, а через короткое время снова расправил крылья и взмыл в небо, где с величайшим восторгом был принят богами и героями. Когда пришел Платон, Сократ повернулся к своим ученикам и воскликнул: «Друзья, вот лебедь с алтаря купидона!»

Платона не совсем удовлетворили знания, полученные им от Сократа, и он решил совершенствоваться в более божественной форме мудрости. Для достижения этой цели он сблизился с Кратилом из школы Гераклита, в которую он, видимо, был принят. Впоследствии он учился у Гермогена.

Посвятив свою жизнь открытию истины, Платон решил совершить путешествие в какую-нибудь страну, где можно было бы найти мудрость, даже если бы для этого пришлось забраться в самые далекие уголки земли. Поэтому он, естественно, отправился в Италию, где мог присоединиться к ученикам пифагорейцев. Все говорит о том, что многое из натурфилософии и божественной философии он почерпнул у пифагорейцев. Он обнаружил, что и пифагорейцы, в свою очередь, многое переняли у других наций, и потому отправился в Кирену, где изучал геометрию у Теодора. Потом он поехал в Египет учиться астрологии у жрецов, ибо Цицерон сообщает, что «он учился у варваров (египтян) арифметике и размышлениям о небесном». Объехав весь Египет, он в конце концов обосновался в провинции Саис, где учился у мудрых людей, занимавшихся вопросами происхождения вселенной, бессмертия души и ее переселения из одного земного тела в другое. Закончив эти занятия, он вернулся в свою страну, сожалея, что восточные войны помешали ему совершить путешествие в Индию.

Следовательно, о философии Платона можно сказать, что ее питали несколько древних и таинственных источников. Помимо озарения, исходившего из его собственной души, Платон почерпнул знание из герметических ритуалов египтян, в которые он был посвящен, моисеевых

традиций евреев, пифагорейских фрагментов Филолая, а также из многочисленных мистерий, учрежденных греками.

Вернувшись в Афины, Платон основал свою школу в Академии, лесистой местности для прогулок в окрестностях города. Его школа получила свое название именно от этой Академии. Рощица оказалась пагубным для здоровья местом, и Платон, по крайней мере однажды, чуть не умер, проболев восемнадцать месяцев из-за нездоровой атмосферы. Его врач посоветовал ему перевести школу в другое место, но Платон отказался, заявив, что философу более подобает возвыситься до состояния физического и душевного благополучия, достигнув которого он сможет стать невосприимчивым к болезням этого места. Преуспев в этом направлении, он больше не страдал. Над входом в его школу было начертано: «Да не переступит сей порог ни один несведущий в геометрии». Под геометрией он подразумевал механику вселенной в целом.

В дополнение к уже упомянутым путешествиям Платон трижды побывал на Сицилии, причем в первый раз он попал туда, когда ему было около сорока. Целью этой поездки было изучение извержения вулкана Этны и совершенствование знаний по астрологии. Во время этого путешествия он был продан в рабство из-за козней сиракузского тирана Дионисия. Тогда некто Анницер из Кирены выкупил его, вернув ему свободу. Впоследствии, когда друзья Платона попытались возратить этот долг, Анницер не принял денег. Поэтому средства пошли на покупку сада Академа. Академию Платона иногда называют первым в истории университетом.

Платон продолжал тихо жить и преподавать в Академии и, хотя часто писал на политические темы, никакого участия в общественных делах не принимал. Его слава разнеслась повсюду, и к нему приходили ученики не только из соседних городов, но и из дальних стран. Он никогда не был женат и завещал свое имущество сыну своего второго брата. Умер он на 13-м году царствования царя Филиппа II Македонского в 81 год в тот же самый день, в какой родился. Говорили, что он умер в наиболее почтенном возрасте, «полностью прожив совершеннейшее число лет, а именно 9, умноженное на самое себя». Он умер не от болезни, а просто от старости, что было, по утверждению Сенеки, наградой за его воздержанную и полную неустанных трудов жизнь. Однажды он заснул, уронив голову на книги Софрона, и больше не проснулся. Таким его и нашли.

Философия Платона

Платон черпал вдохновляющие философские идеи в самых разных источниках. Знание приходило к нему не как откровение, а путем раскрытия в нем самом способностей рассуждать. Далеким источником его знаний были Орфические мистерии, привнесенные в Грецию из Азии примерно за 1000 лет до его рождения. Орфические мистерии представляли собой тщательно разработанную метафизическую систему, и фундаментальные истины, которые Орфей провозглашал на заре греческой цивилизации, оказывали сильнейшее влияние почти на все философские школы и направления религиозной мысли, возникавшие, развивавшиеся и процветавшие в эллинских государствах. Без знания Орфических мистерий нельзя объяснить более сложные аспекты учения Платона. Его богами были орфические божества, а основу его метафизической системы составила возвышенная орфическая концепция.

Очень многим Платон был обязан и дисциплинам самосского мудреца Пифагора. Этот выдающийся философ умер больше чем за сто лет до рождения Платона, но фрагменты его философии были спасены из руин его школы, и Платон прилежно изучал эти отрывки, и пифагорейские знания стали его собственными знаниями. Говорили, что, хотя эти двое людей никогда не встречались, Платона по праву можно считать учеником Пифагора. Очень многое он заимствовал из математической и нумерологической философии Пифагора, относя числа к божественным первоосновам и признавая Божество верховным геометром.

Неизмеримо много дал Платону Сократ, особенно в области логики и этики. Великий афинский простолюдин обладал практическим умом и многое сделал для сохранения уравновешенности ума Платона. В наше время трудно сказать, какое место сам Платон и его философия занимают в сократовских диалогах, потому что нет иных записей учений Сократа, кроме как в изложении Платона.

Не находя себе покоя, пока все знания не стали его епархией, Платон много странствовал, общаясь с некоторыми наиболее выдающимися учеными своего времени. Правда, он совершил не так много путешествий, как Пифагор, но работа его ума была более понятной. Ни один человек не сделал большего для культурного просвещения расы. Философию Платона можно считать сводом всего лучшего и благороднейшего, что было в греческой мысли, но нельзя воспринимать как простую компиляцию.

Повсюду в его произведениях очевидно присутствие выдающегося ума, осмысливающего, усваивающего и систематизирующего, так что все идеи становятся частью одной идеи и все знания — частью одной величественной совокупности знаний. Платон был всеохватывающим мыслителем, являя собой превосходнейший образец ума, когда-либо порожденного этой расой. Он синтезировал искусства, науки, философии и религии, объединяя их и формируя из их конгломерата философию жизни просвещенного человека.

Те, кто приходили ему на смену в Академии, не могли сравниться с ним ни по силе, ни по проницательности. После его смерти в школе произошел раскол и значительная часть учеников перешла в Ликей^[29], где ими руководил величайший ученик Платона Аристотель. Платон был великодушным человеком и отличался крупным телосложением, тогда как худой, угловатый и унылый Аристотель с великолепным, но критически настроенным умом был его противоположностью во всех отношениях. Платон всегда называл Аристотеля «головой» своей школы. Однажды, когда Аристотеля не было в классе, Платон обвел аудиторию взглядом и заметил: «А где же интеллект?» Платон восхищался Аристотелем и был слишком великодушным, чтобы выразить недовольство по поводу постоянных споров, которые затевал этот молодой человек.

На протяжении первых двенадцати веков христианской эры Платон имел преобладающее влияние в философии христианских наций, так как его, в общем, признавали даже самые фанатичные религиозные общины. В XIII веке на передний план выступил Аристотель и более 300 лет незаконно занимал это место, ранее принадлежавшее его учителю. На заре современной науки все еще сказывалось влияние аристотелевской мысли, но по мере того как опыт обогащает человеческий разум, аргументация уступает место пониманию, и в свое время Платон вновь будет вызывать величайшее восхищение человечества.

После смерти Платона власть Аристотеля усиливалась, доктрины Платона постепенно утрачивали влияние и в конце концов исчезли из Греции; и только в III веке н. э. их возродили александрийские неоплатоники. Платонизм снова процветал в течение 200 лет. Блеск и изящество философии Платона раскрыли такие великие люди, как Прокл и Плотин. Растущее могущество христианства уничтожило александрийскую культуру, лишив платонизм его религиозного влияния, и он превратился в образ мышления, а не в доктрину или вероучение. Таким он сохранился и до наших дней, его политические и социальные выводы преподавали и очень высоко ценили, а духовную и метафизическую стороны

игнорировали и отвергали. Платонизм — это не только философия, это религия. Это образ мышления, образ жизни и законченное духовное установление.

Центральное место в философии Платона занимает принцип единства. Для него концепция единства была всепроникающей, вездесущей и очевидной. Разделение — это иллюзия. Согласие с философией разделения шло от невежества. Единство было реальностью, а доктрина единства — истиной. Невежество видит в мире множество отдельных вещей; мудрость видит лишь множество аспектов одной вещи. Бог, человек и вселенная представляют собой взаимосвязанные части общего единства. Эта концепция и есть выражение истинного монотеизма, ибо монотеизм — это больше чем признание существования одного Бога, это осознание существования единой жизни, частицами которой являются все вещи. Тогда все познание сводится к изучению взаимосвязей. Это не анализ обособленных сущностей, а приближение к пониманию той роли, которую каждая из них играет в драме целого.

Платоновская концепция Бога носит нравственный, а не вещественный характер. С его точки зрения, Бог — это истина, факт, или реальность, поддерживающая универсум^[30]. Единство, или общность, есть свидетельство истины точно так же, как закон есть свидетельство ума. Любая истина непременно должна быть единством, или общностью, потому что истина не может быть источником многообразия. То, что мы называем многообразием, представляет собой всего лишь бесконечный ход развития в единстве, который мы не понимаем.

Платон не признавал никакого принципа зла. То, что кажется злом, является всего лишь формой истины, которую мы не можем понять, единственной деталью, которую мы не смогли вставить в общий план из-за несовершенства собственного понимания. Истина, будучи не механической, а живой, является духовным началом, которое оживляет все живые создания. Таким образом, истина присутствует во всем. Открыть истину во вселенной и истину в самом себе — вот задачи тех, кто желает быть мудрым.

Вселенная есть проявление истины. Истина, раскрываясь, заставляет появляться из своей собственной сути относительные истины в отличие от их источника — абсолютной истины. Относительные истины — это боги, «поддерживатели» мира. От них происходит облеченная в определенную форму вселенная, поддерживаемая относительной истиной. Люди являются потомками богов, состоящими внутри из абсолютной истины (духа), а снаружи — из относительной истины различных уровней (души,

интеллекта, тела). Внутренняя природа человека, сама по себе гораздо более добродетельная, чем тело, считается высшим отделом и пребывает в сердце. Следующий за ней по шкале ценностей интеллект обитает в головном мозге, который платоники называют акрополем^[31] тела. Эмоциональные и животные наклонности, наименьшие постоянные составляющие человека, опять же, располагаются в низшем месте; таким образом, человек превращается в империю, составленную из частей. И все эти части суть состояния одной божественной первоосновы. Как тело едино в действии, так оно едино и в источнике. Невежественный человек пребывает в рабстве у своей животной природы; человек, обладающий частичными знаниями, пребывает в рабстве у своей интеллектуальной природы; а превосходно просвещенный человек един со своим духовным началом, которое является поддерживающей силой внутри его существа.

Древние народы обычно пользовались термином «мир» для обозначения того, что мы называем вселенной, то есть мироздания, или результата полного излияния субъективной энергии в объективную форму. Однако Платон не считает, что мир вечен, поэтому не применяет к нему термин «бытие», поскольку «бытие» нельзя ограничить представлением о начале и конце. С другой стороны, мир не иллюзия, и о нем нельзя сказать, что он «небытие». Тогда платоник задается вопросом: что же он такое? И Платон отвечает, что он «завис» между «бытием» и «небытием», и поэтому правильнее называть его «становлением». Такова концепция вечного развития. Любой прогресс есть часть процесса становления. Платон был эволюционистом^[32]. Вещи никогда не рождаются и никогда не умирают, они постоянно изменяются. Это изменение происходит в восходящем порядке. Вещи никогда не бывают меньше, чем они есть, — любое изменение есть развитие. Что же такое развитие? Развитие — это раскрытие внутренней истины, процесс такой же вечный, как и сама истина. Следовательно, Платон мысленно представляет себе грандиозные временные циклы, непостижимые для человеческого разума, но необходимые для создания гипотезы вечного развития. Развиваются, безусловно, не формы. Развивается через формы жизнь. Для вселенной это эволюция, для человека — перевоплощение. Платон верил в перевоплощение и учил, что оно — единственное разумное объяснение тайны человеческой жизни.

В последние несколько лет много говорили о политических теориях Платона. Платон всю жизнь был совершенно чужд политике, но не мог не задумываться о коррупции в политике, сильно угнетавшей общество даже в

его время. Он сознавал, что только образование способно положить конец социальным бедам этой расы, и считал, что начинать воспитание и обучение необходимо в самом раннем детстве. Он очень хорошо знал, что некомпетентность становится причиной недальновидной политики, которая разлагает государство и губит нации. Он понимал, что далеко не все люди подготовлены к духовному осознанию высшего уровня, но приходил к выводу, что государством управляют не все люди, а небольшая группа людей, которые руководят судьбой остальных и определяют ее. Он знал, что те люди, которые ведут за собой остальных, должны обладать знаниями и пониманием. Если же эти люди недостаточно прозорливы, то вся нация неизбежно погибнет. Исходя из этих представлений, Платон создал свою систему правления избранных-философов. В его идеальном государстве мудрые люди защищали и наставляли несведущих, понимая под руководством обязанность и возможность эксплуатации. Насколько же очевидно прошедшие века продемонстрировали правильность его точки зрения! Мы пытались тысячами способов уклониться от принятия платоновской формы государственного правления. Так называемые заменители один за другим не оправдывали ожиданий по причине того, что нет и не может быть никакого заменителя истины. Нужно признаться, что план Платона носит социальный, а не политический характер. Согласно этому плану, государства и нации превратились бы в сословия после устранения политического вмешательства и учреждения государственной власти в форме общинного ведомства и общинного сотрудничества.

Платоновская теория просвещения сильно отличается от наших нынешних понятий. Он представлял себе государство как учителя собственного народа. Религия, наука, искусство, литература и все связанные с культурой аспекты знания, вместе взятые, составляли государство. Как духовное образование, так и физическое воспитание были естественным и неотъемлемым правом граждан и составляли само государство. Храмом была городская ратуша, и вокруг этой центральной оси философского просвещения вращалась община, и вся жизнь и трудовая деятельность людей зависели от этого ведущего начала. Вместо политических пристрастий у людей должны быть философские убеждения. Верность следовало хранить принципам, а не партиям. Всеобщее благо было целью, ради достижения которой упорно трудится каждый индивидуум.

Эта концепция естественным образом вытекала из платоновской доктрины единства. Люди должны работать, не пребывая в заблуждении, что жизнь и цель каждого обособлены от жизней и целей других людей, а с

сознанием, что достижения каждого составляют часть достижений всех. Цивилизация есть коллективное существование и коллективная взаимозависимость и требует достижения некоего уровня умственного развития, на котором каждый гражданин осознает общее благо и содействует его достижению.

От Сократа пришло к Платону понимание тройственной природы истины: эта высшая реальность проявляется в трех постижимых атрибутах, которые Сократ называл Единым, Прекрасным и Благом. Единое Платон трактовал как единство, принцип, который поддерживает мир. Прекрасное — как гармонию, смешение личностей или принципов для общего блага. Благо — как врожденное благородство, справедливость и честность, которые являются единственной достаточной и необходимой нормой коллективной деятельности. Они также превращались в критерий поведения. Всякий раз, когда какой-нибудь человек совершал поступок, он рассматривал его внутреннюю ценность, задавая себе вопрос: «Согласуется ли это с единством, красотой и добродетелью?» Если поступок не выдерживает этой проверки, то не приличествует философу.

Дисциплины Платона

Платону, как посвященному Элевсинских и Дионисийских обрядов, запрещалось раскрывать секреты полного обновления человека, которые сообщались неопитам в святая святых храмов. Однако его еще при жизни часто обвиняли в том, что он плохо маскирует божественные тайны. Практически во всех произведениях Платона содержатся намеки на тайное знание и упоминания о таинствах, скрывааемых от профанов. Он учил, что истина и жизнь присущи духовной природе, а не низшим простейшим аспектам человека и природы. Низшие формы причастны к добродетелям истины, но не несут истины в себе. Поэтому формы сами по себе не являются сознающими или знающими, а лишь наделены сознанием и осведомленностью благодаря близости к высшим Природам. В зависимости от того, в какой степени человек подвержен иллюзиям и излишества, связанным с формой, в той же степени он отходит от сопричастности добродетелям божественных Природ.

Платоновские дисциплины вкратце сводятся к учению о том, что человек должен вначале осознать реальность истины и, полностью осознав это, начать бороться с каждой частью своего существа, стремясь стать единым с этой истиной так, чтобы каждая мысль и поступок свидетельствовали о безупречности и добродетели.

Согласно платоникам, существуют три порядка существ, вместе обитающих в обширной природе истины и в той или иной степени разделяющих ее лучезарность. Существами первого порядка являются боги, в которых истина проявляет себя наиболее полно. Ко второму порядку принадлежат герои, просвещенные люди, которые, возвысившись над обычными людьми, стали расой полубогов, еще не божественной, но уже и не смертной. К третьему порядку отнесено человечество и остальные живые существа — формы, в которых божественный принцип как бы «дремлет» или пробужден в столь незначительной степени, что оказывается неспособным управлять поступками. «Тело, — говорит Платон, — это склеп души». Всех живых созданий, в ком высшая природа пребывает в рабской зависимости от телесных влечений, правильнее было бы назвать мертвыми, поскольку внутри них мертва истина, не нашедшая способа проявиться.

Цель философского образования заключается в раскрепощении врожденной безупречности, чтобы она могла осуществлять власть над

низшими и темными инстинктами. Платон пишет, что приобретение знаний — это вспоминание. Под этим он подразумевает не только тот факт, что образование извлекает из подсознания индивидуума мудрость и опыт предыдущих жизней, он также имеет в виду, что благодаря образованию высвобождается память собственного «я», интеллект вновь открывает для себя божественное происхождение и к человеку приходит понимание собственного происхождения, цели и судьбы. По мнению Платона, путь к философии лежит через образование и культуру. Занимаясь науками, человек совершенствует разум, а изучая искусства, он облагораживает страсти. Сократ по профессии был скульптором, и его искусство оказывало влияние на его философию. Он учил Платона, что мудрец вырезает свою судьбу, совершенствуя себя, подобно тому, как резчик по камню доводит статую до совершенства. Просвещаясь, человек «состругивает» с себя все, что есть в нем грубого, и путем очищения от всего лишнего, основанного на просвещенности, в итоге обнаруживает совершенный образ, сокрытый в беспорядочной и несовершенной массе диких инстинктов и эмоций.

Именно Платону принадлежит идея, что, чем больше мы познаем окружающий мир, тем больше мы познаем себя. Более глубокое знание расширяет перспективы и наделяет более правильным восприятием вещей; следовательно, приходя к пониманию, что такое вселенная, мы начинаем относиться к ней с должным почтением. Невежественный человек не способен отдавать заслуженную дань уважения богам, поскольку он их не понимает. Только мудрец в состоянии распознать и по достоинству оценить мудрость, и только достигшие совершенства достойны приобщиться к величию истины.

Свои семинары Платон чаще всего проводил сидя под деревом, а ученики слушали его, рассевшись вокруг на мраморных скамьях. Он вообще крайне редко вел беседы в помещении. Себе в ученики он брал только имеющих определенный уровень подготовки с обязательной рекомендацией от людей, достойных уважения, и никогда не принимал таких, кто чем-либо запятнал себя в своих общинах. От каждого он требовал знания геометрии и был особенно доволен теми будущими студентами, кто ранее занимался астрономией и музыкой. На занятиях он, по обыкновению, некоторое время говорил сам, а затем предлагал перейти к дискуссии. Обладая огромным терпением и терпимостью, он был неутомим в своем стремлении с предельной ясностью изложить смысл того, что он говорит. Обычно он, следуя методу Сократа, заставлял студентов разрешать их же собственные проблемы, вытягивая из них знания ловко поставленными вопросами. Его ученики просто делали

некоторые записи, хотя он никогда не требовал этого от них. Им предоставлялась блестящая возможность свободно выражать свои мысли и взгляды. Платон, как говорят, пользовался так называемой «системой убеждения». По его мнению, истина, заключенная в каждом человеке, подобна робкому существу, пугливому и осторожному, и он всякий раз терпеливо вытягивал эту истину из ее укромного уголка, чтобы каждый ученик мог осознать, что эта священная сила сокрыта в нем самом.

Платон требовал высоко развитого логического мышления, убеждая своих учеников никогда не признавать того, что противоречило здравому смыслу. Он не выносил пустого теоретизирования и отказывался обсуждать вопросы, не дающие каких-либо практических результатов. Он не был склонен к обсуждению фрагментарных сведений из разных областей знания и всегда настаивал на том, чтобы его ученики собирали мелкие вопросы в более общие системы и лишь после этого принимались за их обсуждение. Для современного студента практическим примером платоновского метода преподавания могло бы послужить следующее сравнение. Представьте, что в сфере мышления Платон уводил своих учеников на вершины гор, откуда они отчужденно взирали вниз на мир с его равнинами, испещренными большими и малыми городами и селениями. С такой возвышенной и независимой позиции можно было сформировать свой особый перспективный взгляд, называемый философским прозрением. Рассмотрев мир в перспективе, ученики могли спуститься вниз в селения, уже не делая ошибочного заключения, что мелкие городишки заключают в себе целый мир. Ограниченность несовместима с широтой взглядов.

В своих рассуждениях Платон шел от общего к частностям. Общим для него была истина, а частностями — бесчисленные проявления интеллекта, повсюду присутствующего в природе. Строя умозаключения, он двигался по нисходящей линии от божественных материй и открывал мир, открывая Бога. Все материальное он оценивал с точки зрения его божественного происхождения и в этом отношении был истинным метафизиком. Жизнь составляла основу и каркас, на которых возвышалось временное сооружение. Он рассматривал природу как тень богов. Главной его дисциплиной было научить других так смотреть на мир, чтобы они могли постичь то единое божественное начало, которое поддерживает и питает бесконечное многообразие временных форм.

Цитаты из Платона

Риторика — это искусство управления умами людей.

Учись командовать через повиновение.

Всякий, кто наслаждается одиночеством, — или дикий зверь, или бог.

Поэты словами выражают великие и божественные понятия, которые сами не понимают.

Лучше вовсе не родиться, чем быть неучем, поскольку в невежестве заключен корень всех несчастий.

Бог есть Истина, а свет — его постоянный спутник.

Величайшая из побед — это победа над собой.

Несущие факелы передадут их другим.

Да не отзовется ни один человек дурно о другом.

Бог подобен геометру и управляет миром с той же математической точностью, с какой и творил его.

Ничто в человеческих делах не стоит беспокойства.

Одна только мудрость есть наука о других науках и о самой себе.

Если люди говорят о тебе дурно, живи так, чтобы никто этому не поверил.

Наиболее важную часть образования составляет правильное обучение воспитанию. Душу ребенка в процессе игры следует воспитать до такого уровня совершенства, что, став взрослым, он неизбежно станет совершенным.

Каково правительство, таковы будут и люди.

Любовь — это древнейший, благороднейший и могущественнейший из богов, а еще главнейший из тех, кто

творит и дарует добродетель при жизни и счастье после смерти.

Из всех вещей, что имеет человек, его душа — после богов — есть вещь самая божественная и воистину принадлежащая лишь ему одному.

ИИСУС

*Иисус и его ученики.
(С гравюры на дереве XV*

В протоевангелии Иакова говорится, что Иоахим был чрезвычайно благочестивым и богатым человеком, который всю свою жизнь и средства отдал делу благотворительности. Однако, когда он принес свои дары храму Рувима, верховный жрец Израиля, приблизившись к нему, произнес: «Ты нарушишь закон, если вручишь свои дары прежде, чем станешь отцом». Услышав это, Иоахим, охваченный горем, удалился в пустыню, где сорок дней и ночей постился и возносил небесам молитвы. Его молитва Богу Израилеву была услышана, и Анна, его жена, забеременела и родила ребенка. Когда дитя появилось на свет и повивальная бабка сказала ей, что у нее родилась девочка, Анна вознесла хвалу Богу и назвала дочь Марией.

Прежде Анна дала обет, что, если Бог дарует ей ребенка, она посвятит его Господу, отдав в услужение в святую обитель. Поэтому, когда Марии исполнилось три года, Иоахим и Анна привели ее к ступеням храма, где первосвященник принял ее во исполнение обета святой жизни.

Все последующие годы Мария провела в храме, и была она настолько доброй и ласковой, что ее полюбили все обитатели дома Бога Израилева. Так продолжалось до тех пор, пока ей не исполнилось двенадцать лет, и тогда священники собрались на совет, чтобы определить ее будущее, так как по закону ей не позволялось долее жить в храме. На совете было принято решение, что первосвященник войдет в Святая Святых храма и спросит у Бога, как им следует поступить. Захарий, бывший в то время первосвященником, облачился в свои великолепные одежды и нагрудник и, войдя в святилище, предстал перед Богом. Там он услышал голос божьего ангела, обратившегося к нему со словами: «Ступай, собери всех вдовцов, и пусть каждый из них держит в руке прутик. Она станет женой того, кому Господь подаст знак».

В то время жил в Израиле плотник по имени Иосиф (по прозвищу «барс»), самый старый из вдовцов, который, услышав о повелении священников, отложил свой топор и вместе с другими направился ко входу в храм. Там священнослужители дали каждому из пришедших по прутику с особой меткой, а затем эти прутики отнесли обратно в храм для освящения. Освященные снова роздали вдовцам. Последним получил свой прутик Иосиф. И как только он коснулся его рукой, из него тут же вылетел голубь.

Иосиф пришел в глубокое замешательство, поскольку у него, тогда уже почти девяностолетнего старца, были внуки в возрасте Марии. И он сказал священникам: «Не дайте мне стать посмешищем в глазах детей израилевых». Но священники ответили ему, что того, кто противится воле Бога, ожидают одни только несчастья. Иосиф забрал Марию к себе в дом и продолжил заниматься своим ремеслом.

И вот однажды, когда Марии, прожившей в доме Иосифа три года, было уже без малого пятнадцать лет, она, набирая воду из колодца, услышала какой-то голос, заговоривший с ней и неизвестно кому принадлежавший. Не понимая, откуда идет этот голос, она в великом страхе прибежала домой. В другой раз она сидела за пряжей, как вдруг перед ней появилось неземное существо, объявившее ей, что она родит сына, которого назовут Иисусом, и что он станет спасителем людей. В ответ ему Мария сказала: «Се раба Господня; да будет мне по слову твоему». Прошло время, и, когда Иосиф узнал, что Мария ждет ребенка, он сильно встревожился и испугался. После того как Иосифу, как и Марии, явился ангел Господень, он отправился к священникам, которые, не поверив их словам, освидетельствовали и Иосифа и Марию, после чего первосвященник, не найдя за ними никакой вины, произнес: «Если Господь Бог не проявил ваши грехи, то и я не вправе вас судить», и отпустил обоих с миром.

В те дни вышло повеление Цезаря Августа о переписи населения Израиля с требованием всем жителям явиться в Вифлеем, где их внесут в соответствующие списки. И вновь Иосиф оказался в крайнем затруднении, не зная, как следует поступить, поскольку ему было стыдно записать Марию как жену из-за разницы в возрасте и боязно объявить ее своей дочерью. В конце концов он успокоил себя мыслью, что Господь подскажет ему нужный выход и, оседлав осла себе и Марии, велел одному из сыновей вести его под уздцы. Так все вместе они и отправились в Вифлеем.

Они отъехали от города всего на три мили, когда Марии пришло время рожать. Иосиф нашел поблизости удобную пещеру и отвел туда Марию. Вдруг все пространство вокруг них озарилось ярким светом, который постепенно ушел обратно в себя; заполнявшие пещеру облака разошлись, открыв их взору явившегося на свет младенца. Через три дня они продолжили путь и прибыли на постоялый двор, который был забит до отказа, и свободной осталась только одна комната в хлеву, где они и поселились, а ребенка за неимением люльки положили в ясли.

Жизненный путь Иисуса с момента его рождения можно проследить по Евангелиям, где с незначительными расхождениями описаны годы его духовного пастырства, начиная с крещения, принятого от Иоанна, и кончая вознесением. Сохранились крайне скудные сведения о детстве Учителя. Когда он родился, пришедшие к его колыбели пастухи пали перед младенцем ниц, а явившиеся с Востока мудрецы принесли ему свои дары. Затем Марии и Иосифу вместе с сыном пришлось бежать в Египет, чтобы спастись от гнева Ирода, царя Иудеи. Позднее, когда Иисусу исполнилось

двенадцать лет, он вернулся на родину и пришел в синагогу, где вступил с дискуссией со священниками и старейшинами. Известно также, что он какое-то время, как и Иосиф, занимался плотничьим ремеслом.

Из неканонических Евангелий можно почерпнуть некоторые дополнительные сведения, хотя и не достоверные, но вполне допустимые. В Евангелии от Фомы описывается взросление Иисуса в доме Иосифа, чудеса, которые он творил, и необыкновенные способности, которые у него обнаружились еще в раннем детстве. Так, например, однажды он вылепил из глины маленьких воробьев, а потом хлопнул в ладоши, и птички ожили и улетели. Иисусу было в то время пять лет. Позднее он стал заниматься с учителем по имени Закхей, который вскоре признался, что ему уже больше нечему научить своего ученика.

В Евангелии от псевдо-Матфея приводится много высказываний Иисуса, которые относят ко времени его детства. В арабском Евангелии более позднего периода, где описываются детские годы Иисуса и содержатся предания первых семи веков христианской эры, немало места отведено диалогу между неким ученым мужем и Иисусом, которому было тогда всего двенадцать лет. В этом фрагменте рассказывается, как Иисус держал экзамен по теологии, философии, естественным наукам и медицине, подтвердивший его полные знания по всем этим предметам. Согласно 51-й главе арабского Евангелия, Иисус проявил себя весьма знающим астрономом, что наводит на мысль о его осведомленности в таинствах астрологии.

Начиная с двенадцати лет о дальнейшей жизни Иисуса сообщается очень мало, даже в неканонических Евангелиях. Кое-что об этом периоде его жизни сообщается в Талмуде. Из него мы узнаем, что он побывал в Александрии с раввином по имени Иегошуа Бен Берахьях. В Египте он изучал оккультные и метафизические науки и, овладев некоторыми тайными науками египтян, вернулся в Сирию, чтобы проповедовать доктрины, усвоенные им в чужих краях. К тому же оказывается, что Иисус учился в герметических школах Птолемея. В то время Александрия стала местом слияния азиатской и эллинской культур. Там было представлено большинство известных мировых религий и в обществе господствовал дух либерализма и терпимости. Возможно, что именно от священнослужителей и философов Александрии Иисус узнал не только о метафизических науках, но и о великих системах мировой философии, формирующих надлежащую основу для духовного руководства.

Эдуард Шюрэ, выдающийся французский мистик, связывает Иисуса с Орденем ессеев. Авторы более раннего периода также высказывают

предположение, что упоминаемый в Библии Иисус-Назо-рей — это просто неправильный перевод, тогда как правильным прочтением было бы Иисус-назарей, то есть Иисус из Ордена, или Общества назареев. Назареи и ессеи были или ответвлениями одного братства, или находившимися в тесном взаимодействии обществами, связавшими себя одними и теми же обязательствами и обетами и исповедовавшими похожие мистические философии.

Вполне возможно, что родители исторического Иисуса были членами колонии ессеев, о которых Иосиф писал с глубочайшим уважением. По всей вероятности, именно Пифагор стал основателем секты ессеев, имевшей безусловно греческое происхождение, которая, прижившись на сирийской почве, расцвела пышным цветом особенно в небольших городах и селениях на берегу Мертвого моря и на горе Кармель. Доктрины общества включали элементы греческих и египетских учений, а сам орден с полным основанием можно считать мистериальной школой, совершавшей обряд посвящения и сообщавшей сокровенные знания. Культ ессеев в свое время разделился на две отличные друг от друга группы. В высшую группу вошли монахи и отшельники, которые отреклись от мирской суеты и предпочли жить в пещерах или монастырях ордена. Вторая группа состояла из братьев и сестер из мирян, давших обет чистоты, но тем не менее продолжавших жить, сохраняя семейные отношения и зарабатывая себе на жизнь разными искусствами и ремеслами. По законам ордена этим мирским братьям и сестрам не позволялась никакая деятельность, связанная с меновой торговлей и разменом денег; они могли выбирать для себя занятия только созидательного характера. Именно поэтому среди них чаще всего встречаются плотники, горшечники или строители. В числе символов их ордена был также и строительный инструмент, как и у современных масонов. Основу процветания общин ессеев составляла кооперативная деятельность, а члены этих общин посвящали себя главным образом учению, преподаванию, богоугодным делам и целительству, стараясь во всем руководствоваться принципом взаимовыручки. В ту эпоху всеобщего и полного невежества ессеи были людьми настолько хорошо образованными, что римские чиновники, по долгу службы жившие в Святой Земле, часто нанимали их в качестве наставников для своих детей. В их среде не было преступности. Они несомненно были мудрейшей и благороднейшей из всех еврейских сект.

Ессеи были к тому же и мессианской сектой и ожидали пришествия обещанного Мессии, который должен появиться в Израиле. Некоторые из ессеев даже дали обет не подстригать волосы и бороду до тех пор, пока не

придет «Желанный Израилю». Полагают, что Иоанн Креститель, увидев Иисуса в первый раз, узнал в нем святого человека по тому, что у него, согласно обету назареев, были длинные волосы и борода, и по его одежде, которую носили все члены этого ордена.

Упоминание о том, что Иосиф выбрал ремесло плотника, т. е. одно из тех, что предпочитали ессеи, следует понимать скорее в мистическом смысле, чем в буквальном. Этим, возможно, также объясняется, почему именно его дом был избран, чтобы принять под свой кров Марию, и что послужило причиной выбора его и Марии в качестве опекунов воплотившегося адепта.

Если Иисус родился в общине ессеев, то его религиозное воспитание, вероятно, началось еще в младенческом возрасте. Он рос в атмосфере благочестия и доброты и пользовался каждой редко выпадавшей возможностью проявить глубину и величие своей души. Свои юношеские годы он провел в учении и путешествиях, а после нескольких лет послушничества и по достижении надлежащего возраста, а именно тридцати лет, он мог добровольно принести клятвы, какие требуются от посвященного, и войти в высшую группу ордена. Таким образом, несколько повествований о его жизни могут оказаться частями одного события. Как член секты ессеев он, вероятно, побывал в Египте, а возможно, и в Греции, и даже предпринял трудное путешествие в Индию, какое до него в свое время совершил и Пифагор. У мистериальных школ не было никаких религиозных предубеждений, и ученики свободно путешествовали из одной школы в другую, совершенствуясь в мудрости всех времен и народов.

Утверждают, что в монастыре Хомис в Малом Тибете хранятся рукописи, подтверждающие, что Иисус, присоединившись к каравану, отправился в Индию, где пробыл какое-то время, и вернулся в Сирию, когда ему было двадцать девять лет. Вполне возможно, что записи, содержащие сведения о юных годах Иисуса, были конфискованы или уничтожены ранней церковью, стремившейся любым способом помешать приверженцам новой веры узнать, что в основе христианства лежат религиозные верования так называемых язычников. К сожалению, ханжество и фанатизм небольшой кучки людей стали причиной длившегося девятнадцать веков периода недоразумений и гонений в христианском мире. По решению Никейского Собора были уничтожены сотни книг, а вместе с ними, возможно, и сведения о детстве Иисуса, его воспитании и обучении.

За крещением, принятым от Иоанна, последовал период духовного

наставничества учителя, продолжавшийся около трех лет. Его деятельность протекала в двух основных направлениях: он творил чудеса и преподавал Новый Завет. Совершая чудеса, Иисус представляется чудотворцем, подобно легендарным азиатским махатмам, а занимаясь преподаванием, он предстает как реформатор, искореняющий извращения, возникшие в ортодоксальной иудейской религии. Он недвусмысленно заявляет, что пришел не подрывать веру Израиля, а осуществлять ее и засвидетельствовать то, о чем пророчествовали патриархи.

Как и большинство великих учителей, Иисус не мог игнорировать социальные проблемы своего времени. Иерусалим, город пророков, и Иудея, страна патриархов, находились в полной зависимости от Рима. Поэтому не удивительно, что в среде иудеев как грибы возникали многочисленные группы, молившиеся об освобождении, строившие ради этого всевозможные планы и замышлявшие заговоры. Так и Иисус неизбежно оказался вовлеченным в круговорот политических проблем своего народа. И хотя философы далеко не политики, тем не менее почти все великие философы понимали, что совершенствование человечества невозможно без определенных реформ в социальной и политической сферах.

Иисус достаточно быстро собрал вокруг себя приверженцев и учеников, которые видели в учителе не только божьего человека, но и политического освободителя их народа. Помимо двенадцати самых лучших учеников, которых Иисус выбрал себе из людей разных сословий, упоминается также и о семидесяти двух других, сформировавших второй круг. Все эти не в меру восторженные ученики и приверженцы в своем энтузиазме всячески способствовали гибели того, кого любили больше всего на свете. Из-за своего религиозного инакомыслия они окончательно разошлись с иудейскими священниками, а политическая подоплека проповедуемых ими взглядов послужила причиной разрыва отношений с римскими правителями. И все, что осталось, — это простой народ, сила, легко формируемая под влиянием скрытого мотива.

Годы пастырства близились к концу, когда Иисуса вместе с небольшой группой его учеников что-то неудержимо повлекло в роковой для них город Иерусалим. Иисус понимал, что конец его близок, однако послание необходимо было доставить в Град Царей, самое сердце Израиля. Неверно понятый большинством самых близких к нему учеников, он в последний раз собрал их в узком братском кругу, чтобы отметить пасху Тайной вечерей. С этим таинством связано нечто гораздо большее, чем сказано в Евангелиях. Это было последнее тайное собрание двенадцати, призванных

продолжить дело своего учителя после его кончины. Из этих двенадцати только один умер естественной смертью, Иуда, который якобы кончил жизнь самоубийством, а другие, за исключением св. Иоанна, были преданы мученической смерти. Утверждают, что на Тайной вечере учитель пел вместе с учениками, и Августин Блаженный в 236-м письме епископу Церетию приводит слова этой песни:

Я хочу освободить и быть освобожденным.

Я хочу спасти и быть спасенным.

Я хочу рождать и быть рожденным.

Я хочу петь; и вы все, танцуйте от радости.

Я хочу плакать; и всех вас пусть охватит горе.

Я хочу служить украшением и быть украшенным.

Я светильник для тех, кто меня видит.

Я врата для тех, кто стучится.

Вы, кто видит, что Я делаю, не рассказывайте о том, что я делаю.

Я все разыграл в этой беседе,

И Я ни в чем не обманулся.

За гимном, по древнему еврейскому обычаю, последовало причащение и питье из чаши вкруговую. После этого, согласно одному из апокрифов, Иисус и его апостолы завершили таинство ритуальным танцем, а затем обсудили вопросы, не предназначенные для непосвященных. Тайная вечеря состоялась в среду вечером, в последний день апреля.

Тайная вечеря в известной мере явилась завершением пастырства. Иисус «навел порядок в собственном доме» и завершил передачу таинств своим ученикам. Единственное известное указание на характер сообщенных Иисусом тайных сведений содержится в гностических Евангелиях, книге «Пистис София» («Знание-Мудрость») и книгах Спасителя.

За этим последовала сцена в Гефсиманском саду. В этом, во всем остальном идиллическом, повествовании на какое-то короткое время проступает страдающий человек. Он был арестован и призван к ответу перед римским и иудейским судом. Признанный виновным решением иудейского суда, он предстал перед Пилатом, который не нашел за ним никакой вины и, как говорится, умыл руки.

До сих пор точно не известны подлинные обстоятельства смерти

Иисуса. И хотя в Евангелиях настойчиво утверждается, что он был распят на кресте, однако такого рода казнь не могла быть совершена, поскольку шла вразрез с римскими законами. Распятие на кресте не входило в перечень наказаний, определяемых для осужденных по гражданским делам, и предназначалось только для разбойников и убийц. Даже в древние века распятие осужденного всегда было спорным вопросом. Сведения из ранних источников вкратце сводятся к следующему.

По утверждению гностиков I столетия, это был не Иисус, а Симон из Кирены, умерший на кресте вместо Иисуса. Другие ранние школы, признававшие божественность Иисуса как Христа, доказывали, что Бог послал людям мираж и им казалось, что они видят как Иисус-человек умирает, однако Христос как бог не может умереть или даже показаться мертвым. Согласно еще одной школе, Иисус был снят с креста еще живым, а впоследствии он покинул Сирию и отправился на Восток, в Индию. В этих повествованиях, по крайней мере частично, допускается реальность такого события, как распятие на кресте, но Иринея^[33] один из ранних отцов церкви, живший в одно время с апостолами и утверждавший, что разговаривал с некоторыми из них, заявлял, что Иисус умер в глубокой старости. Согласно иудейским писаниям некий пророк, которого кое-кто пытался отождествить с Иисусом, был насмерть забит камнями озверевшей толпой. Но что бы там ни говорили, Иисус исчез из истории и легенд в свои тридцать три года, завершив менее чем за три года пастырство, которому суждено было повлиять на всю цивилизацию и дойти из неприметного источника, затерянного в бесплодных каменистых землях Сирии, до самых удаленных уголков земли.

Учение Христа

Главными источниками информации об учении Иисуса были и остаются Евангелия и апостольские послания, а также некоторые фрагменты из трудов отцов церкви до и после Никейского Собора. Ортодоксальные церкви не признавали гностических Евангелий и высказываний Иисуса, записанных в неканонических текстах. Доктрины Иисуса, как они изложены в Евангелиях, большей частью представляют собой простые пересказы духовных или моральных истин, предназначенные для относительно необразованной толпы, которая собиралась, чтобы послушать его речи. Церковь с самого начала оказалась в затруднительном положении из-за отсутствия строго последовательной линии поведения в религиозной и философской сферах. С возникшей проблемой церковники пытались справиться двумя способами: во-первых, путем включения Моисеевой теологии в христианскую систему, чтобы дать обоснование проповедям учителя и осветить их предысторию, и, во-вторых, проведением нескольких церковных соборов с целью учреждения в законодательном порядке христианизированной философской системы, которую они называли ортодоксальной, или канонической.

Ничто, по сути, не доказывает, что современное христианство, особенно структура современной церкви, действительно основано на подлинном учении Иисуса, или согласуется с ним. Напротив, церковь являет собой результат решения дилеммы, продукт бесчисленных толкований и реформ. Отсутствие фактов всегда приводит к хаосу во взглядах. Во всем мире нет другой такой религии, в рамках которой существовало бы так много различных по своим убеждениям сект, каждая из которых претендует на исключительную правильность собственного толкования. И теперь, по истечении девятнадцати столетий, чрезвычайно трудно хотя бы с какой-то долей уверенности говорить о подлинности заповедей христианской доктрины.

Существуют три главных школы истолкования, основанные на трех мнениях относительно природы самого Иисуса. Сторонники первой школы, можно сказать, признают человеческую природу Иисуса. С их точки зрения, Иисус был высокоразвитым образованным и бескорыстным человеком, который как обыкновенный смертный человек жил, читал проповеди и умер как мученик за свои идеалы. Такая школа, вполне естественно, всячески поощряет развитие моральных качеств и

приобретение знаний и имеет своей целью конечное возвышение всех людей до аналогичного состояния совершенства, избрав себе Иисуса примером и источником вдохновения. Приверженцы второй школы утверждают, что в Иисусе сочетались божественная и человеческая природа: человеческое проявилось в его рождении, развитии и образовании, а божественное — в пастырстве. Дух Бога снизошел на него во время крещения, совершенного Иоанном, и с этого момента вплоть до распятия на кресте он был самым воплощением Бога, а поэтому слова Иисуса божественны и непогрешимы. Следовательно, благочестивый христианин должен почитать своим долгом безоговорочное признание не только учения Иисуса, но и догматов его божественно осененной церкви. Третья школа отрицает человеческую природу Христа, решительно настаивая на том, что Иисус был Богом, а вся его жизнь была божественным таинством, единственным в истории человечества и превосходящим все другие духовные предания этого народа. Эта школа к тому же отводит человеку незавидное место просителя, ничего из себя не представляющего и в отношении своего спасения полностью зависимого от божьей милости.

Совершенно очевидно, что эти концепции полностью несовместимы, а секты, расцветшие на почве таких предпосылок, должны постоянно конфликтовать друг с другом. Столкновения и споры в конце концов до такой степени затуманили моральные и этические аспекты учения, что главные его принципы затерялись в неразберихе идей.

Большинству теологов, видимо, никогда не приходило в голову, что Иисус был мистиком и в мистическом смысле говорил о вещах, выходящих за пределы опыта многих и понимания большинства. Но, вероятно, самым трагическим недоразумением, возникшим из-за неправильного понимания толкователей, стало уже упомянутое ранее ортодоксальное утверждение, что Иисус был воплощением Бога и что именно благодаря этому факту христианство занимает исключительное положение среди других вероисповеданий человека. Причина подобной ошибки состоит в полном неведении обыкновенного христианина-мирянина относительно смысла, заключенного в мистической теологии древних мистерий. Слова Иисуса, говорящего на языке мистического переживания, люди из-за неверного их понимания толкуют буквально. Иисус как посвященный мистерий, произносит фразу: «Я един с моим Отцом», которую несведущий ортодоксальный мыслитель понимает в том смысле, что Бог собственной персоной вошел в тело Иисуса, откуда и начал действовать. На самом же деле слова Иисуса означают, что он открыл в себе тождественность с

вселенской Истиной и Жизнью. Мистик понимает, что имел в виду Иисус как посвященный, когда говорил, что он пришел «свидетельствовать», тогда как люди узко мыслящие попытались превратить великую духовную истину в материал для фабрикации слабого подобия символа веры. Высказывания Иисуса по поводу его родства с божеством типичны для всех просвещенных мистиков, но только просвещенный мистик способен правильно понять язык души. Слова Иисуса о его тождественности с Богом следует воспринимать как духовные истины, а понимать их буквально — значит опорочить и разрушить их смысл.

Хотя Иисус проповедовал в Иудее и прежде всего был пророком для евреев, было бы ошибкой говорить, что его учения носят в основном иудейский характер. В них, безусловно, присутствовали зачатки иудаизма точно так же, как и некоторые элементы египетских и греческих доктрин. Проявляя необычайную терпимость, свидетельствующую о великодушном понимании, он призывает людей следовать высшему критерию совершенства. Он предлагает им настроить свой ум на духовные дела и настойчиво убеждает их ставить проблемы духа выше проблем тела. Иисус проповедовал скромный образ жизни, честность и добродетельность. Он осуждал продажное духовенство за отход от простых истин древних патриархов. Его как адепта устраивали преимущества отрешения от земных интересов, но во всех своих наставлениях он всегда исходил из реальности и оставался спокойным и добрым.

Двумя главными его проповедями считаются Нагорная проповедь и Проповедь, обращенная к ученикам на Тайной вечере. Вместе эти две проповеди составляют христианское вероучение, но до какой же степени слова учителя были намеренно неверно истолкованы. В своих притчах он подчеркивает нравственные аспекты бережливости и преданности и внушает миру свои заповеди — истинное кредо всех христиан: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею и всем разумением твоим». Такова первая и главная заповедь. А вторая подобна ей: «Возлюби ближнего твоего как самого себя». На этих двух заповедях держится весь закон и все пророки.

Две эти заповеди являют собой полное резюме всей христианской доктрины и христианского образа жизни. Иисус открыто заявляет, что только те, кто искренне следует двум этим заповедям, имеют право назвать себя его последователями.

Оказывается, в христианской доктрине, по существу, нет никакой путаницы, однако при столкновении разных убеждений эти фундаментальные и неизменные принципы христианского образа жизни

были принесены в жертву и сочтены не стоящими внимания, а их место заняла тщательно разработанная и сложная система, которая со всеми своими допущениями оказалась не способной осуществить на практике эти основополагающие истины.

Существует расхожее мнение, что св. Павел был первым, кто проповедовал мистическую христианскую доктрину в противоположность буквализму св. Петра. Несомненно одно, что Павел считал Христа духом, обитающим в человеке, а отнюдь не исторической личностью. Однако это вовсе не означает, что Павел отрицал существование исторического Иисуса или его папство, он, скорее всего, просто признавал наличие мистического фактора в духовной жизни. В «Посланиях апостолов» Павел недвусмысленно заявляет, что знаком с восточной метафизикой и видит в христианстве некую мистериальную школу, которая преподает простые моральные истины профанам, приберегая для посвященных более глубокую и тщательно скрываемую доктрину. В некоторых отношениях удивительно, что точка зрения св. Павла нашла отражение в канонических текстах, поскольку даже поверхностный читатель должен заметить ошеломляющие несоответствия между Евангелиями и посланиями св. Павла. К тому же имеется одно заключенное в текстах веское доказательство, что послания св. Павла были некоторым образом «подправлены», чтобы подобные противоречия меньше бросались в глаза, в результате современный читатель к своему изумлению подчас обнаруживает, что св. Павел противоречит самому себе. Суть дела состоит в том, что Павел, в жизни никогда не встречавшийся с учителем, в одиночку постигал духовную значимость его жизни и папства. Апостолы же пытались записать то, что видели собственными глазами, воспринимая все это как происходящее в реальной жизни. Павел прозревал истину духовно, через внутреннее восприятие, и рассматривал христианство не как вероисповедание или доктрину, а как мистический опыт.

Точка зрения Павла подкрепляется гностическими Евангелиями и метафизической традицией, где Иисус, посвященный, выступает как учитель эзотерического направления. Становится очевидным, что истинный христианин — это тот, кто «крещен» внутри (т. е. в душе прошел обряд очищения), а не сторонник разных сект. Не через таинства церкви, а через очищение жизни от грехов добродетельный человек допускается в общество. Слова без дел мертвы. Истинное христианство — это не вера, а дисциплина, не признание, а достижение.

Ранняя церковь, следуя примеру языческих мистерий, какое-то время

пыталась увековечивать тайны, но такая линия поведения обрекала церковь на смиренное и незаметное существование с совершением богослужений только для горстки самых набожных и преданных прихожан. Церковные епископы были простыми смертными, которые инстинктивно стремились к авторитету и власти и принесли духовные доктрины христианства в жертву суетным амбициям. Подавляющее большинство людей не выказывает желания ни становиться лучше, ни поддерживать организацию, которая требует от них высшей безупречности. Внешний круг принадлежащих к церкви расширился до такой степени, что критерии христианского образа жизни стали снижаться, пока наконец церковь, обещая все на свете и требуя только временной поддержки, приобрела светскую власть за счет духовного авторитета. Принимая все это во внимание, мыслящий христианин никогда не должен путать Иисуса из Назарета с Христом современной церкви и разрешать священникам за него толковать духовные материи, в которых они сами обнаруживают полное невежество.

Доказательством подобного утверждения может послужить нынешнее состояние христианского мира, которому явно и в ужасающей степени недостает всех тех добродетелей, которым учил Иисус. Он утверждал, что люди, объявляющие себя его приверженцами, должны делать его дело, т. е. жить в соответствии с теми истинами, которые он проповедовал. Однако христианское общество основано отнюдь не на христианской морали. Учитель говорил: «Любите друг друга», но христианские нации не любят друг друга, точно так же не любят друг друга и христианские секты, и народы христианского мира. Вопиющее противоречие обусловлено вредным учением, будто теология особым позволением наделена правом спасать человека несмотря на то, что он собой представляет, а не вследствие того, что он собой представляет.

Нет другого такого великого учителя, чьи доктрины были бы в большей степени умышленно неверно истолкованы, чем доктрины Иисуса, однако мыслящий человек способен провести четкое различие между христианством и церковностью. Церковники молятся, выступают в роли заступников и наставляют, предлагая рецепты на все случаи проявления слабости души и смывая все грехи человека святой водой. В подлинном же учении Иисуса изложена одна простая истина, а именно: тот, кто живет, должен знать доктрину.

Выдержки из высказываний Иисуса, записанных Иоанном

Я пришел светом в мир, и тот, кто верует в меня, не останется в темноте.

Истинно, истинно, говорю я вам, слуга не более велик, чем его Владыка; точно так же, как тот, кто был послан, не более велик, чем тот, кто его послал.

Новую заповедь даю я вам, чтобы вы любили друг друга; как я возлюбил вас, так и вы возлюбите друг друга.

В доме Отца моего много помещений: если бы это было не так, я сказал бы вам. Я иду подготовить место для вас.

Веришь ли ты, что я в Отце, а Отец во мне? Слова, что я говорю вам, я говорю не от себя: это Отец, который пребывает во мне, он вершит дела.

Если вы любите меня, следуйте моим заповедям.

Нет более великой любви, чем та, которую проявляет человек, жертвующий своей жизнью ради друзей своих.

Я пришел от Отца и пришел в мир: и вновь я покину мир и уйду к Отцу.

Моя доктрина — не моя, а того, кто послал меня.

Только тот, кто родится заново, сможет увидеть царство Божие.

Но грядет час, и он уже близок, когда истинно верующие будут действительно поклоняться Отцу в душе: ибо Отец жаждет, чтобы именно так поклонялись ему. Бог — это дух: и те, кто почитает его, должны истинно почитать его в душе.

МУХАММЕД

Ночное путешествие Мухаммеда на небеса верхом на аль-Бураке. Согласно предписаниям ислама, лицо и фигура пророка скрыты.

Мухаммед, пророк ислама, «желанный для всех народов», родился в Мекке 23 апреля 571 г. н. э. в час восхода утренней звезды. Он родился в

одном из благороднейших семейств Аравии, ведшем свою родословную от патриарха Авраама. Отцом пророка был Абдаллах ибн Абдал-Мутталиб из рода Хашим, а матерью — Амина из рода Зухра. Его родители были исключительно добродетельными людьми, являя собой резкую противоположность общей развращенности того времени, и их брак, соединивший два благородных дома, дал повод для пышного празднества. Но уже на свадьбе маячил призрак смерти. Абдаллах, вынуждаемый неотложными делами, спешно отправился в Сирию, оставив дома юную новобрачную. На обратном пути его поразила смертельная болезнь, и он умер в Медине. Следовательно, пророк родился после смерти отца.

Рождение пророка сопровождалось знаменами и чудесами. Вашингтон Ирвинг писал о них: «Его мать совсем не испытывала родовых мук. В момент его появления небесный свет озарил окружающую местность, а новорожденный младенец, возведя очи к небу, воскликнул: “Велик Бог! Нет Бога, кроме Бога, и я — Пророк его”. Небо и земля — мы в том уверены — пришли в движение при его пришествии. Озеро Сава ушло вспять в свои потайные ключи, оставив свои пределы сухими; а река Тигр, выйдя из берегов, затопила соседние земли. Дворец персидского царя Хосру содрогнулся до основания и несколько его башен обрушились на землю».

Время рождения пророка запомнилось еще и потому, что оно совпало с попыткой разрушить Каабу в Мекке, предпринятой вождем христиан Абрахой. Жители Мекки не могли защитить свой храм от превосходивших их численно врагов. Поэтому они вознесли молитву Аллаху, чтобы он защитил свой дом. Говорят, что, прежде чем Абраха смог войти в город, в его армии вспыхнула эпидемия оспы, истребившая большую часть солдат, и он вынужден был отступить, не дойдя до Каабы.

По арабскому обычаю младенец Мухаммед, будучи нескольких дней от роду, был отдан на попечение няньки Халимы, принадлежавшей к роду Бану Сат. Он оставался у Халимы до шести лет, а затем нянька вернула его матери. Вскоре после этого Амина предприняла поездку к могиле мужа в Медину. Ребенок поехал вместе с ней и во время этого путешествия потерял мать, которая умерла по дороге, оставив его сиротой в шесть лет.

У отца пророка было много братьев, но опеку над мальчиком взял на себя его дед, Абдал Мутталиб. Когда Мухаммеду исполнилось восемь лет, его дедушка умер и его дядя по отцу, Абу Талиб, принял его в дом и в сердце. Существует легенда о детстве пророка, повествующая о том, что, когда он был еще маленьким, ему явился ангел Гавриил с семьюдесятью крыльями. Вскрыв грудь ребенка, Гавриил вынул сердце и очистил его от

черной капельки первородного греха, который якобы есть в сердце каждого человека из-за вероломства Адама. Затем ангел вернул сердце на надлежащее место и благословил будущего учителя.

Мухаммед проникся глубочайшей привязанностью к Абу Талибу и стал его постоянным спутником. Когда Мухаммеду было двенадцать лет, Абу Талиб собрался предпринять долгое караванное путешествие в Сирию. После многочисленных просьб племяннику было дозволено сопровождать его. Именно во время этого путешествия Мухаммед впервые соприкоснулся с христианскими сектами, обитавшими в монастырях, находившихся в отдаленных уголках пустыни. В несторианской христианской общине Мухаммед встретил странного и таинственного монаха по имени Бахира. Монах, обладавший, по-видимому, способностями к ясновидению, предсказал будущее Мухаммеда и предупредил Абу Талиба о необходимости величайшей заботы о молодом человеке, ибо Бог призовет его из пустыни.

К двадцати годам Мухаммед стал уважаемым и вызывающим восхищение жителем Мекки. Его прозвали Ал-Амином, что означало «заслуживающий доверия», или «достопочтенный». Его мнение стали высоко ценить, и уже просматривалось его будущее величие. Примерно в это время жители Мекки решили перестроить Каабу, похожий на куб храм, который они посвятили своим языческим богам. Все шло хорошо, пока не пришло время передвинуть Черный камень Авраама, который, как утверждали, упал с неба и считается одной из священнейших реликвий исламского мира. Так как каждое влиятельное семейство Мекки полагало, что именно ему должна быть предоставлена привилегия передвинуть камень на новое место, то возникла даже угроза гражданской войны. Наконец один мудрый старец попросил, чтобы его выслушали, и посоветовал выбрать третейского судью. Он предложил, чтобы спор, кому двигать камень, решил тот, кто первым явится в Каабу на следующий день. Все семейства сошлись на этом и стали ждать. На следующее утро первым пришел Мухаммед, и это обстоятельство всех обрадовало, потому что его честность и мудрость вошли в поговорку. Мухаммед распорядился, чтобы на земле расстелили кусок белой ткани. Подняв камень, он положил его на полотнище. Затем, подозвав представителей всех семей, велел каждому из них взяться за это полотнище. Так все соперники и перенесли камень, и согласие было восстановлено.

Вдова Хадиджа, получившая в наследство крупное торговое дело своего покойного мужа, решила, что управлять ее делами должен Мухаммед. Мудрость ее выбора вскоре подтвердилась, ибо под его

разумным и заботливым руководством ее состояние значительно увеличилось и все дела шли гладко. Очень довольная Хадиджа предложила себя в жены молодому управляющему, который был на пятнадцать лет моложе ее. Благодаря этому брачному союзу Мухаммед стал одним из главных людей Мекки, имевшим все, что могли доставить богатство и высокое положение. От этого брака родились шестеро детей: четыре дочери и два сына. И только одна Фатима, младшая из дочерей, пережила отца, и то всего на шесть месяцев. Другой брак, заключенный позднее, после смерти Хадиджи, принес Мухаммеду еще одного сына Ибрахима. Этот ребенок умер в младенчестве.

И прожил бы жизнь, и умер бы Мухаммед, в то время уже чувствовавший себя уверенно в мирских делах, почтенным купцом среди жителей Мекки, если бы не разбередила его душу иная судьба. Город Мекка был центром разлагающегося и разнузданного язычества. Торговцы этого города использовали паломников для распространения суеверных учений об идолах Лате и Уззе. За пределами Аравии дела обстояли ненамного лучше. Христианство лихорадило от церковных советов и синодов, извращавших и неправильно толковавших слова Иисуса. Азия была охвачена волнениями, и преобразования, которые нес буддизм, рассыпались в прах от коварных козней жрецов брахманизма. Мухаммед не мог дожидаться того часа, когда люди смогли бы прийти к истинной вере, свободной от суеверий и нетерпимости и основанной на полном понимании. Вопросы религии все более и более завладевали его мыслями. Хадиджа поддерживала его во всем, никогда не упрекая за невнимание к торговым делам или растрачивание ее состояния на благотворительные цели.

Он имел обыкновение каждый год удаляться в пещеру на склоне горы Хира, где в одиночестве возносил искренние мольбы об очищении религии человечества и восстановлении древней веры патриархов. Его религиозный аскетизм начал пагубно сказываться на физическом здоровье. Изнуренный физически, но с пылающим религиозным восторгом сердцем, Мухаммед годами ждал и молился, а Хадиджа ухаживала за ним с неустанной преданностью.

Случилось так, что в 609 г. н. э., в месяц рамадан, в пещере на горе Хира среди ночи Мухаммеду явился ангел Гавриил. Ангел протянул Мухаммеду длинный шелковый шарф, или шаль, на которой было начертано таинственными буквами первое откровение того, что впоследствии стало Кораном. Гавриил приказал Мухаммеду прочесть слова, написанные на шелковой ленте. «Увы! — воскликнул Мухаммед, —

я не знаю, как это читается». Еще дважды приказывал ему ангел читать, и еще дважды пророк ссылался на то, что не может прочесть надпись. Тогда ангел прочел ему стихи, заверив, что ему будет дарована способность читать, чтобы он мог подтвердить закон.

Мухаммед поспешил домой, чтобы обсудить это видение с Хадиджей. Вначале он боялся, что это какие-то злые духи языческой веры пытаются ввести его в заблуждение. Но Хадиджа напомнила ему, что его жизнь безупречна и, следовательно, нет никаких причин обманывать его. Ободренный Хадиджей Мухаммед признал откровение и приготовился к пастырству в качестве пророка ислама. Длительные бдения Мухаммеда не только причинили вред его здоровью, но и вызывали состояния, которые некоторые авторы называли экстатическими обмороками. Большинство сур (глав, или разделов) Корана были написаны в то время, когда пророк пребывал в состоянии, похожем на транс. Находившие на него приступы часто случались совершенно неожиданно, и он падал, потеряв сознание. В других случаях он сидел, завернувшись в одеяла, и по его лицу и телу даже в самые жаркие дни струился холодный пот. Пребывая в таком необычном состоянии, он говорил, и его слова либо записывались, либо запоминались узким кругом преданных друзей. Именно так и была написана значительная часть Корана. Впоследствии Мухаммед говорил своему другу Абу Бакру, что каждый седой волос в его бороде соответствует суре Корана.

Хадиджа первой обратилась в новую веру Мухаммеда — ислам, засвидетельствовав тем самым его искренность. В течение нескольких лет пророк тихо и тайно распространял свои боговдохновенные доктрины среди немногочисленных влиятельных людей, опасаясь, что жители Мекки, наживавшиеся на суевериях того времени, восстанут и уничтожат культ. В конце концов стало невозможным удерживать все в тайне. Его последователи, которых становилось все больше, потребовали открытого признания, и он объявил о своей миссии. Жители Мекки ответили на это заговором с целью его убийства. Согласно старинному закону Мекка была священным городом и в ее стенах кровопролитие запрещалось. Но тут все группы собрались и, признав общую вину, согласовали детали заговора.

Узнав об опасности, угрожавшей его жизни, Мухаммед бежал в пустыню с Абу Бакром. В течение трех дней беглецы скрывались в пещере, почти чудом перехитрив преследовавших их всадников из Мекки. Когда опасность миновала, Мухаммед продолжил путь в Медину, где присоединился к хорошо организованной группе своих приверженцев. Бегство из Мекки в Медину называется хиджрой и составляет основу исламской хронологической системы. Мухаммед достиг Медины 28 июня

622 г. н. э. после восьмидневного пути.

После хиджры могущество Мухаммеда постоянно крепло. Дело пророка завершилось завоеванием Мекки. В десятый день месяца рамадан 8-го года после хиджры Мухаммед начал поход на Мекку во главе десяти тысяч своих приверженцев. Ислам усматривает в этом исполнение слов Моисея: «...и он пришел с десятью тысячами божьих избранников...» (Второзаконие 33:2). Мухаммед вошел в Мекку почти без кровопролития, потому что распорядился, чтобы никто не пострадал. Говорят, что из-за неповиновения его приказу при захвате Мекки пали тринадцать его врагов и два сторонника. Вряд ли это можно рассматривать как кровавую победу, что подкрепляет доказательствами общее настойчивое утверждение ислама о том, что Мухаммед был пророком мира, а не войны.

Мухаммед вступил в Мекку, неся свой штандарт, знамя, сделанное из черного покрывала жены. Обойдя семь раз вокруг священной Каабы, он приказал низвергнуть находившиеся там изваяния. Затем он повторно освятил храм, чтобы в нем поклонялись Единому Богу, вечному во вселенной. Так этот город прославился вновь. Возникла традиция ежегодного паломничества туда, и по сей день исламские паломники пересекают пески пустыни, направляясь к закутанной в черное Каабе, стержню их веры.

А через два года, на 10-м году после хиджры, Мухаммед возглавил прощальное паломничество. Говорят, что за пророком следовало сто двадцать четыре тысячи человек. Восседая на спине огромного черного верблюда во внутреннем дворе Каабы, Мухаммед говорил со своим народом, зная, что это его последнее путешествие в Святой город. Его слова повторяли, чтобы их могли услышать те, кто находился далеко от него; они повторялись снова и снова как эхо, так велико было это собрание. «О люди! Выслушайте меня внимательно, ибо я не знаю, будет ли у меня когда-нибудь в будущем возможность встретиться здесь с вами». После этого пророк обратился к собравшимся правоверным с проповедью добродетелей и принципов веры. В конце своей речи Мухаммед воскликнул: «О Владыка! Я передал твоё послание». И по толпе прокатилось: «О Владыка! Воистину так».

Прощальное паломничество завершилось, Мухаммед вернулся в Медину, где и оставался до самой смерти на 11-м году после хиджры. За четыре года до этого была предпринята попытка отравить пророка. И хотя он съел совсем немного отравленной еды, в последние годы он испытывал сильные страдания, причиняемые медленным действием яда.

Мухаммед ушел из жизни 8 июня 632 года, 12 раба 11-го года после

хиджры, в возрасте 63 лет. Его последними словами были: «Владыка, блаженное общение на небесах!» Он был погребен под полом той комнаты, в которой умер, на стороне мечети в Медине. Говорят, его тело покоится на правом боку, вытянувшись во весь рост, правая щека лежит на правой ладони и лицо обращено к Мекке. Вместе с ним похоронены первый халиф Абу Бакр и второй халиф Умар.

Подведем итог знакомству с характером пророка. По общему признанию хорошо знавших его людей, он был простым, искренним человеком, лишенным манерности и комплекса величия. Он выступил в поход вместе со своими приверженцами, вынося те же лишения, что и они. Он шил себе одежду и сколачивал себе башмаки. С учетом времени, в которое он явился в мир, и того, каким людям были адресованы его проповеди, его учения носили конструктивный и идеалистический характер, имея целью оздоровление морали, поощрение научных занятий и облагораживание человеческих отношений. Его часто критикуют за пропаганду доктрины полигамии, но не следует забывать, что таков был обычай его народа, опиравшийся на авторитет Авраама, Иакова, Давида и Соломона.

Мухаммед женился на Хадидже в возрасте двадцати пяти лет, и она оставалась его единственной женой до самой своей смерти, последовавшей на 3-м году хиджры. Мухаммед был женат на Хадидже двадцать пять лет и так никогда и не смог оправиться от своей утраты. Никакая другая женщина не смогла занять ее место ни в его сердце, ни в его жизни.

После смерти Хадиджи пророк заключал другие брачные союзы, главным образом по политическим соображениям, согласно обычаю своего времени. Из всех, с кем он был связан брачными узами, единственная Айша, дочь Абу Бакра, не была прежде замужем. Мухаммед стремился поощрять моногамию. Согласно установленным им законам, мужчина мог иметь максимум четырех жен. Среди тех, с кем он заключал браки, было несколько вдов, на которых он женился, просто чтобы защитить их. Ничто не говорит о том, что Мухаммед хоть когда-нибудь в жизни обнаружил склонность к любого рода излишествам, ведя строгий и аскетичный образ жизни. Умышленно было неправильно истолковано его отношение к посмертному состоянию женщины, ибо в Коране ясно сказано, что в глазах Бога нет никакого неравенства между полами.

Доктрины Мухаммеда

Крупные специалисты в области исламской религии, в общем, допускают, что доктрины Мухаммеда испытали сильное влияние иудейской традиции. Ему очень помогли законы и статусы, установленные Моисеем и другими израильскими пророками; почти вся его законодательная деятельность проходила под влиянием еврейских правовых институтов. Его религия возникла в стране, где на частную и общественную жизнь влияли три религиозные системы: иудаизм, христианство и арабское язычество, представлявшее собой поклонение звездам, духам и демонам. И все три системы соперничали друг с другом, стремясь завоевать расположение населения. Приходится признать, что каждую из этих религий подрывала продажность. Аравии досаждали бесчисленные порочные культы, суеверия и мошенники и самозванцы. Именно зло той эпохи и вызвало к жизни пророка. Его благородный ум восстал против беззаконий извращенных верований.

Космогония, положенная Мухаммедом в основу его концепции вселенной, напоминала космогонию, заимствованную евреями у халдеев. Эта геоцентрическая модель принадлежала Птолемею. Над землей располагались, окружая ее, семь небес, орбит планет, а за ними простирался эмпирей, или высшее небо, обитель Бога. В каждой из орбит планет имелись ворота, а к Божеству надо было подниматься по лестнице с семью символическими ступеньками, как в греческих и персидских мистериях. Концепция в целом почти идентична изложенной св. Иоанном в Откровении. Мусульманский рай, сфера эстетического восторга, располагался на седьмом небе под подножием Божьего престола, и в нем собирались верующие и те, кто всю жизнь жил в соответствии с доктринами пророка, проповедовал или защищал их. Мироздание охватывало не только иерархии ангелов и людей, но и расу сверхъестественных существ, называемых джиннами, или духами, о которых рассказывают множество удивительных сказок.

Согласно учениям Корана, некоторые животные попали на небо. Это собака Семерых Спящих из Эфеса, ослица, отчитавшая Валаама, муравей Соломона, кит Ионы, баран Исмаила, осел, на котором ехала верхом царица Савская, и ее голубь, верблюд Салеба, вол Моисея и животное, называемое аль-Бурак, на котором Мухаммед поднялся на небеса в исламском варианте Апокалипсиса. К этим животным изредка добавляют осла, на котором

Иисус въехал в Иерусалим, или заменяют им одно из перечисленных животных.

Священной книгой ислама, безусловно, является Коран, название, происходящее от слова «ко-раа», означающего «то, что следует прочесть». Коран разделен на 114 разделов, или глав. Они не пронумерованы, и их расположение менялось много раз. В заглавии каждой главы указано место, где было ниспослано данное откровение, в Мекке или в Медине.

В Коране имеется около 6000 стихов. Книга содержит 77 639 слов, или 323 015 букв, а ревнители веры с величайшей точностью подсчитали, сколько раз во всем этом произведении повторяется каждая буква. Как и в отношении древнееврейских писаний, в отношении Корана сложилось единое мнение, что в нем содержится каббала, и с помощью систем каббалистической литературы становится возможной мистическая интерпретация этого Notaricon и Gematria, известных знатокам произведения.

Коран был написан на диалекте племени курайшитов, наиболее культурного из всех аравийских племен, и является, по общему признанию, самым совершенным и изысканным образчиком арабской литературы среди всего, что написано на религиозную тему. Благодаря его красоте, Коран называют немеркнущим литературным чудом.

Самым важным моментом в исламской религии, на который следует обратить особое внимание, является абсолютное единство Бога. Мухаммед не придает никакого значения разнице между Богом ислама, Богом христианского мира и Богом Израиля, просто подчеркивая, что Израиль и христиане отошли от правильного понимания природы и могущества единого и истинного Бога. Ислам не признает христианскую Троицу, утверждая, что идея триединого Бога не подтверждена Священным писанием, а представляет собой произвольную вставку в текст, узаконенную церковными соборами. Для Мухаммеда Бог является единым и неделимым на веки вечные. Пророки и мессии — это не персонификации и не воплощения Бога, это добродетельные люди, посланные Богом. На этом условии Мухаммед соглашается с папством Иисуса, признавая его истинным пророком, посланным Богом, но отрицая, что Иисус отличался от пророков, посланных в другие эпохи.

В исламе вторым по важности после учения об абсолютном единстве творца является учение о предопределении или неизбежности того, что произойдет. Ислам учит, что никто не может избежать своей судьбы и что независимо от усилий человека случится то, что должно случиться. Во вселенной не бывает никаких случайностей. В этом учении Мухаммед, по-

видимому, отразил понимание вселенских законов, заключающих человека в структуру неизбежностей. Страхи и сожаления бесполезны: каждый должен с уверенностью встречать свой завтрашний день. Предопределение — это не абсолютный фатализм в обычном смысле этого слова. Это верно, что человек не может изменить то, что записано для него в Книге жизни, но кто знает свою судьбу, пока не испытает ее? Возможно, сама борьба за то, чтобы обойти судьбу, составляет часть самой судьбы. Человек, который из всех сил старается убежать от заурядности, добивается высокого положения только затем, чтобы в конце концов обнаружить, что сама его борьба совершила судьбу, ему уже уготованную. Доктрина предопределения упорядочивала жизнь в исламе. Терпение, безмятежность, смирение и пристойное принятие всего, что жизнь дала или не дала, составляли добродетели ислама, поощряемые и доводимые до совершенства доктриной предопределения.

Мусульманский символ веры заключен, по сути, в следующем: «Нет Бога, кроме истинного Бога, и Мухаммед его Пророк». За этим символом веры следуют по порядку шесть необходимых условий последователь пророка должен верить, во-первых, в Бога; во-вторых, в иерархии и ангелов; в-третьих, в Священное писание; в-четвертых, в пророков; в-пятых, в воскресение и страшный суд, и, в-шестых, в предопределение добра и зла. Из этого краткого обзора легко понять, как глубоко ислам обязан еврейским и христианским священным книгам, потому что все три вероисповедания — за исключением некоторых акцентов — идентичны.

От последователя пророка требуется исполнение четырех обязанностей. Во-первых, он должен молиться. Во-вторых, он должен заниматься благотворительностью. В-третьих, он должен поститься. И, в-четвертых, он должен совершить паломничество в Мекку. Молитва, вероятно, самый важный из повседневных ритуалов этой веры. Правовой должен молиться пять раз в день в любом состоянии и при любых условиях, за исключением крайне тяжелой болезни. Его голос должен утром и ночью доносить молитву Богу, обитающему на Востоке, и на Западе, и во всех потаенных уголках мира. На практике существуют две благотворительности: первая — выделение оговоренной суммы на общее благо, вторая — добровольные пожертвования, размер которых определяется чрезвычайными обстоятельствами текущего момента. Дарами могут быть пять вещей: крупный рогатый или домашний скот, деньги, зерно, фрукты или товары, которые продаются.

Мухаммед считал пост вратами религии, а некий ранний пророк называл его четвертой частью веры. Пост предусматривал не только

воздержание от пищи, но и ограничение всех чувств, и «воздержание сердца от мирских забот». Законы Корана требуют от всех мусульман поститься в течение целого лунного месяца рамадана, то есть они не могут есть в яневное время этого месяца; пост объявляется нарушенным, если просто понюхать что-нибудь из парфюмерии. Обычай поститься появляется во многих примитивных религиях и предусмотрен для улучшения здоровья склонных к излишествах полудивилизованных народов. Благодаря соединению постов и мытья с религией физическое здоровье расы, естественно, улучшалось.

Последней из предписанных обязанностей было паломничество в Мекку, и даже в наши дни оно является великим событием в жизни искренне верующего. Умереть, не побывав в Мекке, — это почти такое же серьезное преступление, как умереть неверующим. Конечно, в те времена, когда приверженцы этой веры были сосредоточены в Аравии, паломничество могли совершить почти все мусульмане, но теперь верующие рассеялись по всему земному шару и строгое исполнение обязанности совершить паломничество невозможно. Мекку ежегодно посещают многие тысячи паломников, но миллионы исповедующих ислам не могут туда попасть. Те же, кто совершает это опасное путешествие, хотя и терпят финансовый крах, но пользуются чрезвычайным уважением в своих общинах и носят на фесках скрученный жгутом кусок зеленого муслина, чтобы весь мир знал, что они посетили святыню своей веры.

Законы, установленные Мухаммедом, хотя фактически и составляют часть веры, обычно не включаются в обзор ее религиозных аспектов. Эти законы были огромным шагом вперед по сравнению с теми, которые они заменили, и даже в наше время те из них, которые регламентируют трудовую деятельность и призывают к совместным действиям, направленным на взаимное совершенствование, могли бы с пользой изучаться нациями, не исповедующими ислам. Законы, регулирующие заключение и расторжение брака; законы, определяющие наказание за преступления; законы, регламентирующие государственную службу, — все их пророку пришлось формулировать, применять, а в некоторых случаях и отменять, если эксперименты оказывались неудачными. Нельзя не признать, что в основном эти законы возвысили Аравию, неся с собой цивилизованность и культуру.

Одной из самых замечательных легенд, связанных с именем Мухаммеда, является рассказ о его «Ночном путешествии на небеса». Как-то раз среди ночи, когда пророк спал в Мекке, пред ним предстал ангел Гавриил и разбудил его. Очистив сердце пророка, Гавриил явил

неизвестное животное. Это существо белого цвета, именуемое ал-Бу-раком, напоминало лошадь с человеческой головой и петушиным хвостом. Пророк уселся верхом на ал-Бурака, и тот в мгновение ока доставил его в Иерусалим на гору Мориа. Спешившись с этого странного животного, Мухаммед узрел лестницу с золотыми ступеньками, спущенную с небес. Взбираясь по ступенькам вверх, он прошел через семь ворот, у которых стоял один из пророков, или патриархов. У первых ворот стоял Адам, у вторых — Иоанн, у третьих — Иосиф, у четвертых — Енох, у пятых — Аарон, у шестых — Моисей и у седьмых — Иисус. Пройдя ворота, Мухаммед оказался перед Богом, но лик Божества был скрыт тысячами покровов. Даже столь затененный блеск чуть не убил пророка. Это видение дает довольно исчерпывающее представление об исламской теории устройства вселенной. Легенд существует великое множество, и преданиям нет конца, но во всех сокрыт некий мистический смысл, если их изучает и постигает благочестивый и набожный человек.

После ухода пророка в иной мир стали возникать мистические секты, занявшиеся увековечиванием метафизического толкования Корана и преданий. Главным среди этих сект был орден дервишей, который до сих пор пользуется большим влиянием в мусульманском мире. Еще одно мистическое направление, имеющее огромное значение, — это суфии. Эти организации метафизического толка бесспорно свидетельствуют о том, что и внутри ислама сохраняется доля общего наследия метафизических секретов.

В традиции ислама не передавался из поколения в поколение ни портрет, ни какое-нибудь иное изображение Мухаммеда. Его могила стала местом паломничества, а немногочисленные реликвии хранятся в нескольких наиболее важных мечетях. Пророк не желал, чтобы его последователи вообще запечатлевали его образ; поэтому до наших дней дошло только устное его описание. Обычно его представляют крупным, хорошо сложенным человеком с величественными манерами и длинной рыжеватой бородой.

Ислам с самого начала покровительствовал наукам и искусствам. Он поощрял знания и культуру и сохранил некоторые лучшие произведения классической литературы в мрачные века европейского обскурантизма^[34]. Арабская культура попала в Европу через Испанию, и в течение некоторого времени университеты в Гранаде и Альгамбре^[35] были ведущими учебными заведениями Европы. Из истории известно, что именно мавры построили первый университет для женщин. Арабские ученые внесли

огромный вклад в современные знания, включая используемые всеми арабские цифры, алгебру и самые ранние эксперименты в области оптики. Современный ислам, слившийся с жизнью целой расы, занимает почетное место среди других религий и верований человечества.

Цитаты из Мухаммеда

Если бы у меня было два платья, я бы продал одно и купил белые гиацинты для своей души.

Откровение этой книги — в том не может быть никаких сомнений — исходит от Владыки всех живых существ. Будут говорить, что Мухаммед сочинил ее? Нет, это истина от твоего Владыки, чтобы ты проповедовал ее людям, у которых не было проповедника до тебя.

Он (Бог) знает того, кто приходит в земной мир, и того, кто из него уходит, и того, кто снисходит с небес, и того, кто восходит на них; и он с тобой, где бы ты ни был: ибо Бог видит то, что ты делаешь. Небо и земля — это его царство, и к Богу все возвращается. Он заставляет ночь сменять день и день — сменять ночь, и ему ведомы самые сокровенные глубины людских душ.

Разве я явился к вам не тогда, когда вас ввели в заблуждение и Аллах вывел вас на правильный путь. Вы были бедны, Аллах сделал вас преуспевающими. Вы вечно были на ножах друг с другом, Аллах вложил в ваши сердца взаимную любовь.

Вы должны знать, что все мусульмане братья. Вы все равны, у вас равные права и одинаковые обязанности. Вы все — члены одного общего братства. Поэтому любому из вас запрещается брать что бы то ни было у своего брата кроме того, что тот отдаст добровольно.

У вас есть определенные права на ваших жен, и такие же права имеют ваши жены на вас... Бог доверил вам их, поэтому вы должны обходиться с ними со всею сердечностью.

ПАДМАСАМБХАВА

Св. Падмасамбхава, основатель ламаизма

До прихода буддизма Тибет представлял собой неприступную страну, населенную дикими и даже каннибальскими племенами, ведшими между собой почти постоянную гражданскую войну. Время от времени несколько таких кланов объединялись для набегов на китайскую территорию.

Тибетская религия представляла собой одну из разновидностей шаманизма под названием бон, состоявшую главным образом из ритуальных плясок и жертвоприношений, призванных умиротворять сонмы демонов, которые, как полагали, постоянно раздражались людскими делами. До появления буддийских монахов у тибетских племен не было ни истории, ни письменности, а их искусства и ремесла носили туземный характер, в сравнении с искусствами и ремеслами их соседей — индусов и китайцев.

До конца VII века после рождения Христова даже китайцы не могли проникнуть в Тибет. Существует, однако, доказательство того, что в какие-то очень древние времена в почти неприступные высокогорные районы Тибета были привнесены оккультные обряды и что еще до христианской эры там были построены храмы религиозного мистицизма. Такие институты слабо влияли на общее положение народа, и теперь мало что осталось, что подтверждало бы их существование, разве что сильно преувеличенные легенды в буддийских книгах, посвященных доисторическому периоду. Согласно одному рассказу, буддийские жрецы вступили в Тибет в V веке до н. э. Другое предание гласит, что в 137 г. до н. э. на горе Кайласа был построен монастырь, а в третьем описываются некоторые священные реликвии буддийской веры, свалившиеся с неба в IV веке н. э.

Современные историки, к сожалению, совершенно несведущие в вопросах ламаистской традиции, склонны подвергать сомнению то, что буддизм оказывал влияние на тибетцев до VII века нынешней эры, да и никаких полных исторических сведений до XI века не сохранилось. Вполне упорядоченная история, правда, несколько приукрашенная, которой мы располагаем, начинается именно с этого времени.

Первым европейцем, проникшим в Лхасу, этот Ватикан буддизма в Тибете, был миссионер римско-католической церкви отец Одерик из Порденоне, добравшийся до этой цитадели ламаизма в 1328 г. или около того.

Примерно в 630 г. н. э. на престол объединенных кланов Центрального Тибета взошел Цонг-цзенгамбо, чтобы продолжить общие организационные дела своего отца, который расширил свои владения до долины Ярлун. Молодой царь, будучи всего лишь тринадцати лет от роду, легко подпал под влияние двух своих юных жен: Бхрикути, дочери непальского царя, и китайской принцессы Вэньчэн. Обе царственные супруги твердо держались буддийской веры. Когда Цонгцзенгамбо просил руки принцессы Непала, он обратился к ее отцу со следующими словами: «Я, царь варварского Тибета, не осуществляю десять добродетелей, но если

тебе будет угодно отдать мне в жены твою дочь и пожелать, чтобы у меня был Закон, я буду жить десятью добродетелями... И хотя я не знаю искусств... будь на то твое желание... я построю пять тысяч храмов». Так буддизм пришел в Тибет.

Цонгценгамбо послал в Индию мудрейшего из своих министров, прославленного Тхонми Самбхоту, который в течение нескольких лет учился там у буддийских монахов. Впоследствии он вернулся в Тибет, привезя то, что стали называть тибетским алфавитом, и несколько основных книг священного писания буддизма.

Хотя Цонгценгамбо несомненно был величайшим из первых царей Тибета, почти все, что он сделал для буддизма, сводится лишь к созданию прецедента, на фундаменте которого жрецам и правителям более поздних времен суждено было возвести сложную структуру ламаизма. Он не был религиозным человеком и вел жизнь воина: за границей — со своими армиями, дома — со своими женами. У его непальской принцессы был вспыльчивый нрав, и она постоянно будоражила его домочадцев из ревности к китайской жене.

Цонгценгамбо был посмертно канонизирован за то, что открыл путь цивилизации в Тибет, и в ламаистском пантеоне считается воплощением великого бодхисатвы Авалокитешвары, известным китайцам как Гуань-инь. Его двух жен тоже канонизировали в качестве женских аспектов (шакти) божественной силы, и они стали белой и зеленой Тарами соответственно.

Первое изображение Будды попало в Тибет в составе приданого непальской принцессы.

В правление Цонгценгамбо в Тибет прибыли следующие жрецы-буддисты: Кушара и Шанкара Брахмана из Индии, Сила Манью из Непала, Хуашан Маха-Цзэ из Китая и Табута и Ганута из Кашмира.

Падмасамбхава родился в провинции Удьян, расположенной к северо-западу от нынешнего Кашмира. Точная дата его рождения не ясна, но для практических целей можно считать, что это чудесное событие произошло в первые годы VIII столетия. «Лотосорожденный» — под таким именем он широко известен народам трансгималайской Азии — имеет несколько титулов. Тибетцы называют его Гуру Ринпоче, или Драгоценный Гуру, а еще проще его величают Лопоном, что означает «учитель».

Удьяна, родина мастера, долгое время ассоциировалась с рассказами о магии и колдовстве. Марко Поло пишет об этой северной стране: «Они проявляют поразительную осведомленность в области черной магии и колдовства, так что могут заставить своих идолов говорить. Они умеют также с помощью заклинаний изменять погоду и напускать темноту и

проделывать такие необыкновенные вещи, что, не видя их, никто в них не поверит».

В начале VIII века правителем великой страны Удьяны был слепой царь Индрабодхи. Его царствование было отмечено исключительными несчастьями. Его народ поражал голод. Чтобы облегчить страдания народа, царь опустошил свою сокровищницу, разорив государство. Главным же несчастьем была смерть единственного царского сына, так что царство исполнилось скорби, страдания и отчаяния. В это время царь и его народ молили богов о помощи и делали многочисленные пожертвования в святыни и храмы Будды. И столь искренни и благочестивы были эти люди и так глубоко было их горе, что их молитва вознеслась через все локи, или миры, и была услышана вечно внимлющим Амитабхой. Молитвы народа Удьяны возбудили сострадание в вечно погруженном в размышления Владыке, восседавшем над вселенной на своем лotosовом троне, и он осознал в душе, что им следует ниспослать помощь. И в мгновение ока таинство осознания исторгло из Амитабхи луч света, который, пронзив все миры, пролился на землю красным лучом небесного сияния. И наконец красный луч остановился в самом центре священного озера посреди Удьяны.

Индрабодхи дано было в видении предзнаменование великого события. Золотая молния обрушилась с небес и успокоилась в его руке, и яркий свет залил весь мир. Когда видение прошло, царь понял, что чудо действительно свершилось, ибо к нему вернулось зрение, и до него дошло известие, что радуга света упала с неба и плавала на поверхности лotosового озера Дханакоша. Этот свет не только распространялся через все элементы материи, но к тому же освещал и сверхфизический мир, заставляя светиться и приводя в восторг всю природу. Царь, глубоко чувствовавший и испытывавший горячую благодарность за божественное заступничество, вошел в лодку и поплыл по озеру. Там он увидел покачивающийся на воде цветок лотоса необыкновенной красоты, намного более прелестный, чем любой природный цветок. В самом сердце цветка сидел на лепестках прекрасный светящийся младенец, державший в ручонке молнию, а его тело излучало неопишное сияние. Хотя точную дату установить невозможно, описываемое событие произошло, как сообщают, в 10-й день 7-го месяца тибетского календаря, и ребенку было 8 лет от роду.

Согласно легенде царь Индрабодхи пал на колени в лодке, преклонившись перед чудесным ребенком. «Кто ты? — воскликнул он. — Кто твой отец? Из какой ты страны?» И мальчик ответил: «Я знаю, кто был

моим отцом! Я пришел во исполнение пророчества Шакьямуни, который объявил, что «через двенадцать сотен лет после меня... некто более прославленный, чем я, родится из лотоса и будет известен как Падмасамбхава Лотосорожденный, и он станет учителем моей эзотерической доктрины Мантр и избавит все существа от страданий».

Много было приключений и достижений в жизни этого божественного ребенка, пока он рос под покровительством царя Индрабодхи. Он рано начал общаться с магами и мудрецами, пока не прославился по всей Индии своей ученостью. Посещая прославленный монастырский университет Наланды, он достиг необычайной известности благодаря своему знанию заклинаний и колдовства. Именно поэтому он с величайшим удовольствием откликнулся на предложение тибетской знати донести религию Будды по глубоким ущельям Гималаев до самых отдаленных селений Внутренней Монголии. Облачившись в одеяние своего ордена, со скипетром Индры, ведийского бога ветров, в руке, Падмасамбхава отправился в свое трудное путешествие, погоняя впереди себя несколько волов, навьюченных буддийскими священными писаниями.

Добравшись до места, маг-учитель начал со сражений с демонами и злыми духами, прятавшимися в неприступных обиталищах гор и долин, и, поборов их всех, был встречен жителями каждой общины радостными приветствиями и знаками благоговения. Тибетские повествования о победах благословенного гуру над всеми силами зла — ведьмами, богами-змеями, колдунами и призраками символических чудовищ — составляют обширную литературу. Эти рассказы в очень выгодном свете представляют магические способности и глубину знаний святого.

За время своего пребывания в Тибете, куда он прибыл в 747 г. н. э., Падмасамбхава не только победил иерархии демонов, о чем возносил молитвы народ, но и, вероятно, усмирил различные племена и государства, связав их буддийской верой. Рассказывают, что он простил большинство адских тварей, таких, как привидения, духи и демоны, и лишил их злой силы. Он проповедовал закон Будды в царстве теней, чтобы и призраки смогли найти путь к просветлению.

Отобрав двадцать пять учеников для увековечения своих самых секретных магических формул, он приготовился окончательно покинуть Тибет, потому что другие страны нуждались в его присутствии и наставлениях. Согласно тибетской традиции, он провел в этой гималайской стране пятьдесят лет, но более вероятно, что в течение этих долгих лет он совершил несколько путешествий в Тибет, посещая попутно различные страны. Он принес тибетскому народу значительную часть литературы и

науки Индии, и, когда в конце концов пришло время покинуть их, он собрал многих глав этих стран и обратился к ним с длинной речью, содержащей советы и слова ободрения. Еще он объяснил, что спрятал книги, рукописи и секретные надписи в священных пещерах, разбросанных по всей этой земле. Он сообщил, что его путь лежит в царство Лангка, то есть, как предполагают некоторые современные ученые, он отправился на Цейлон. Другие считают, что целью его путешествия был остров Ява, место, называемое в тибетских летописях островом медной горы.

Когда Падмасамбхава закончил свое прощальное обращение к народу, с неба спустилась радуга и окружила его. Появились четыре огромные существа, и он взошел на небесную колесницу и умчался прочь в юго-западном направлении в сопровождении процессии дэвов и небесных музыкантов, и воздух наполнился цветами. Толпа не расходилась двадцать пять дней и ночей, и, говорят, люди видели колесницу благословенного гуру, перемещавшуюся по небу подобно метеору, становившуюся все меньше и меньше и наконец совсем исчезнувшую за южным горизонтом.

Предание настойчиво утверждает, что приключения гуру продолжаются и по сей день. Всякий раз, когда великий монарх нуждается в наставлениях, Падмасамбхава входит в него на некоторое время, а затем, закончив свою работу, переходит в другую страну. Следовательно, можно сказать, что в биографии учителя есть много белых пятен, в частности, даты рождения и смерти. Его обычно не включают в списки великих учителей, но он несомненно принадлежит к числу тех таинственных смертных, чьи странные жизни и удивительные дела оказали влияние на весь ход истории человечества.

Основные принципы ламаизма

Нормы нравственного поведения и этика ламаизма заимствованы главным образом у индусского буддизма, довольно подробно рассмотренного в главе, посвященной Будде. Однако в Тибете простой и строгий прагматизм Гаутамы подтверждается и иллюстрируется с помощью сложной, тщательно разработанной системы метафизических спекуляций. В некоторых случаях ламаизм далеко отходит от индийского буддизма, фактически отрицая более ранние агностические традиции Будды. Это особенно заметно на примере отношения ламаизма ко злу. Гаутама не признавал существования зла, тогда как значительная часть ритуалов ламаизма ориентирована на умиротворение и снискание благосклонности злых духов. Таким образом, лишенная бога философия Гаутамы становится основой сложного пантеизма, прославляющего личности и могущество свыше восьмидесяти тысяч богов и демонов. С другой стороны, фундамент ламаизма гораздо более научен с теологической точки зрения по сравнению с фундаментом древнего буддизма в том отношении, что он каталогизирует и приводит в порядок практически все аспекты естественного права, сводя все знания — священные и мирские — в один огромный комплекс религиозной науки.

Многочисленные и часто явно гротескные аспекты ламаизма опираются на внушительную и по существу здоровую структуру космогонии и антропологии. Эти мистики разработали столь удивительно разветвленную теорию бытия, что она вносит беспорядок и разрушает лучшие системы, порожденные западным мышлением. Ламаизм представляет собой систему азиатского каббализма, вероятно, унаследовавшую свой авторитет от добуддийских брахманов. Он занимается абстрактным теоретизированием во всех пяти признанных сферах философии и исследует те области природы, куда не осмеливаются вступать западные мыслители.

Сущность ламаистской метафизики, очищенная от демонизма и сведенная к более или менее упорядоченной традиции, заключается в следующем.

Основу ламаистских спекуляций составляет признание некоего вечно существующего, но не ограниченного никакими условиями состояния, к которому вполне применим термин «абсолют». Это первичное и неизменяющееся взвешенное состояние бесконечной силы,

бездействующее действие, нестареющее время, немыслящее мышление, незнающее знание и есть источник и содержание вселенной, которое сохраняет бытие и, не будучи сотворенным, поддерживает мироздание. В тибетской системе этот абсолют считается Ади-Буддой.

Один из крупнейших западных специалистов в области буддизма профессор Рис Дейвиде заявляет, что Ади-Будда, или изначальный Будда, который, по его мнению, выражает первоначальную мудрость и безграничный разум, был изобретен как философско-символический персонаж в X веке после рождения Христа. Однако те, кто знаком с эзотерическими элементами буддизма, утверждают, что это существо признавалось самыми первыми мастерами буддийской философии, так как сам Будда Гаутама говорит: «Из самого начала всех начал возник я, довел до зрелости и полностью раскрыл Бодхисатву».

Остин Уодделл в своем чрезвычайно ценном труде «Тибетский буддизм» сообщает, что теории относительно Ади-Будды существовали с I века. Для непосвященных Ади-Будда является изначальным Богом, а для мудрых Ади-Будда — это состояние, или условие, являющееся не Богом, а тем, в силу чего утверждаются боги и люди. Из вечной субъективности Ади-Будды проявляется первое и наиболее абстрактное объективное.

Это проявление есть Логос (мыслимый) сын вечного мыслителя, бытие, потомок небытия, вещи, проявляющиеся из ничего, количество, возникающее из числа. Ади-Будда испускает из себя единственный луч абсолютной силы, называемый Ваджрадхарой, уже упоминавшийся Логос. Ваджрадхара — первый из существующих Будд, или — в эзотерической системе ламаизма — первый из интеллектов, ибо в этой философской системе все мироздания и все живые существа представляют собой виды интеллекта, передающиеся по непрерывной линии от Ади-Будды, само бытие которого и является сутью нирваны.

Ваджрадхара, старейшее из всех существ, возникших из небытия, изображается сидящим в размышлении посреди пространства, и его безграничное существо едва намечено в вечном океане бесконечности. Ваджрадхара служит вечным посредником, существом, в котором воплощены все вещи, разумом, в котором сосредоточены все разумы, существующие, но не созидательные. Его можно определить словами гностика Симона Мага^[36], который сказал о первом Логосе, что тот «стоял, стоит и стоять будет».

Однако Ваджрадхаре не дано сделать три огромных шага, которыми устанавливаются размеры пространства и пребывающих в нем миров. Поэтому из Ваджрадхары выходит наружу алмазное сердце —

Ваджрасаттва, второй Логос, созидатель, который творит все вещи путем размышления.

Ваджрасаттва эмануирует из себя семь богов, архитекторов вселенной, которыми в тибетской системе являются Дхианы, или сыны размышления, буквально те, кто создан в результате проявления способности к размышлению. Обсуждая Дхиани-Будд, большинство писателей упоминает только пятерых, потому что шестой и седьмой принадлежали целиком и полностью к эзотерической традиции, что мы сейчас и увидим. Пять экзотерических Дхиани-Будд — это источник, причина и сущность пяти составных частей материального мира, пяти энергетических органов и пяти способностей восприятия.

Дхиани-Будд, называемых не имеющими предков, или первичными монадами из миров бесплотных вещей, вполне можно считать вихрями, или жизненно важными вершинами, на которых возвышается интеллектуальная сфера. Разве это не те прекрасные цветы, на которые ссылается Прокл, порождение божественной природы, ставшие семью направлениями мира в «Сефер Иецире» и семью чакрами, или вращающимися колесами, поддерживающими организм человека?

Следующий момент, заслуживающий особого внимания, это то, что Дхиани-Будды являются не земными существами, а существами, обосновавшимися в интеллектуальной субстанции. На языке Платона они представляют собой идеи семи совершенств, два из которых должны оставаться скрытыми. Вот имена пяти известных Дхианов вместе с символами, с которыми их ассоциируют тибетцы.

Первый Дхиани-Будда — это Вайрочана^[37]. Мудра^[38], или положение рук, соответствует мудре дхар-мачакры, или повороту колеса закона. Он восседает на троне, поддерживаемом львом. Его цвет белый; элемент — эфир; а символ, или знаки отличия — колесо с восемью спицами. Из-за своей позы — позы преподавания или вращения колеса — он считается интеллектуальным воплощением высшей мудрости. На знаменах тантриков он помещается в центре и считается главным из Дхианов.

Второй Дхиани-Будда — это Акшобья^[39], положение рук которого соответствует жесту прикосновения к земле или, свидетельства, так как Будда клал правую руку ладонью внутрь себе на ногу, указывая на землю и призывая ее в свидетели своей безупречности во время искушения его Марой^[40]. Это показано в «Бхуспарсе». Этот Дхиани-Будда восседает на троне, поддерживаемом слоном. Его цвет синий, элемент — воздух, его типичным символом является ваджра, или молния. Он находится на

востоке.

Третий Дхиани-Будда — это Ратна^[41], положение рук которого называется варой, или лучшей наградой. Это жест милосердия, при котором ладонь обращена вверх и отстранена далеко от тела. Этот Будда сидит как на троне на спине лошади. Его цвет золотой или желтый, элемент — земля, а символ ратна, или драгоценный камень. Он находится на юге.

Четвертый Дхиани-Будда — это Амитабха^[42], Будда безграничной любви. Положение его рук соответствует положению дхианы, или размышления, медитации. Ладони рук сложены друг с другом и лежат на коленях. Иногда в ладонях покоится священный сосуд. Трон Амитабхи поддерживает павлин; его цвет красный, а элемент — огонь. Его символом служит рактападма, красный лотос, и он правит западом, где находится его рай.

Пятый и последний Дхиани-Будда — это Амог-хасиддха^[43], положение рук которого соответствует благословию бесстрашия, при этом правая рука поднята вверх перед телом с ладонью, обращенной вперед. Этот Дхиани восседает на крылатом карлике, или неизвестном существе, называемом шанг-шанг. Его цвет зеленый, элемент — вода, символ — висваджра, или перечеркнутая молния. Ему подвластна северная часть мира.

Итак, пять сил определены. Во многих восточных странах изображения этих Дхиани, или их отражения в низших мирах, широко представлены в религиозном искусстве. «Эти Дхиани-будды, — пишет Е.П. Блаватская, — эмануруют из себя или создают посредством Дхианы небесные «я», сверхлюдей Бодхисатв, которые в начале каждого человеческого цикла на земле воплощаются в смертных, изредка становясь — благодаря личным достоинствам — Бодхисатвами среди сынов человечества, после чего они могут вновь появиться в качестве мануши (человеческих) Будд. Таким образом, Анупадака (или Дхиани-Будды) тождественны брахманическим Манасапутрам, «разумом рожденным сыновьям».

Согласно учению ламаизма, Дхиани-Будды отражаются вниз через четыре мира, чтобы в нижнем из них стать героическими личностями. Следовательно, атрибуты Бога в первом мире становятся иерархиями во втором, звездными телами — в третьем и божественными людьми в — четвертом. Божественные импульсы, достигая различных уровней проявления, создают на этих уровнях некие носители. В структуре человека идеи, или принципы, Дхианов могут превратиться в чувственные

восприятия, в мире они могут стать расами, в структуре земли — континентами, в Солнечной системе — планетами, а в космосе — теми абстрактными, или божественными, субстанциями, которые в низшем мире проявляются как начальные сущности. Как только у этих Дхианов наступает конкретное проявление, их соответствия появляются в сфере наших восприятий, так как шестой Дхиана принесет с собой шестой континент, шестую расу, шестой круг, шестое чувство, шестой элемент и так далее.

При своих проявлениях каждый из этих Дхианов становится также распорядителем одного из великих мировых периодов, или веков и некоторых подразделений, существующих в его временных пределах. Как уже вскользь упоминалось, каждый Дхиани-Будда исторгнул из себя Бодхисатву, или духовное существо, являющееся его аспектом. Эти Бодхисатвы представляют собой коллективное овеществление субъективных Дхианов. Активно занимаясь творением, Дхианы, в целях формирования отдельных порядков жизни, выбрасывают формы, или личности, которых осеняют. Эти осененные существа существуют на нескольких планах одновременно, и через них проявляются силы Дхианов.

Таким образом, первая коренная раса на земле была, в каком-то смысле этого слова, веханом (носителем) для первого Дхиани-Будды. Следовательно, коренную расу в целом можно было бы считать Бодхисатвой, или телом, служащим для выражения мудрости Алмазного Сердца. Основанная мудростью и в мудрости, первая раса не могла исчезнуть с лица земли. В конце существования первой расы Вайрочана воплотился в Самантабхандре и высвободился в виде первого Мануши, или человеческого Будды Краку-Кандры.

Второй Дхиани-Будда, Акшобья, в конце второй коренной расы воплотился в Ваджрапани^[44] и высвободился в виде человеческого Будду — Канакамуни.

Третий Дхиани-Будда, Ратна, в конце третьей коренной расы воплотился в Ратнапани и высвободился в виде человеческого Будды Кашьяпы.

Четвертый Дхиани-Будда, Амитабха, в конце четвертой коренной расы воплотился в Авалокитешваре и высвободился в виде человеческого Будды Гаутамы.

Пятый Дхиани-Будда, Амогасиддха, воплотился в конце пятой коренной расы в Вишвапани и высвободится в виде человеческого Будды Майтрейи.

Обратившись к истории появления Гаутамы в этой системе, можно

проследить его происхождение от Ади-Будды через Ваджрадхару и Ваджрасаттву следующим образом. Он происходит от Дхиани Амитабхи, владыки просветленной любви, чей западный рай открыт для всех, кто достиг добродетели и безупречности. Его бодхисатвическим аспектом является Авалокитешвара, послуживший источником концепции милосердия Каннон^[45], потому что японская Каннон и китайская Гуань-инь ведут свое происхождение от Авалокитешвары. Тибетский далай-лама считает себя воплощением Авалокитешвары, и это указывает внимательному ученику, что бодхисатвический аспект не прекратил существования, когда Гаутама усовершенствовался до состояния Будды. Это объясняется тем, что Гаутама просто олицетворяет личность, в которой силы бодхисатвы доведены до совершенства. Эти силы универсальны и сохраняются на протяжении кальпы.

Мы видим, что основой вселенной служили божественные имена точно так же, как тибетский мир воздвигнут на скрещенных молниях Индры. Эти божественные имена — всего лишь другой способ дать определение состояниям, или условиям, которые в буддийской системе являются Дхианами и Бодхисатвами. Дзэн, высшая ступень буддийской традиции, убеждает нас, что весь этот непрерывный ряд божеств всего лишь символизирует режим работы разума, действующего через многообразие феноменальной сферы. Всякий раз, когда мы принимаем какой-либо режим работы разума, этот режим воплощается в нас. Вселенная поддерживается пятью основными режимами, которые, проявляясь в планах, производят бесконечное множество сложных действий. Вероятно, правильнее было бы сказать, что существует семь форм интеллекта, так как две невидимых и неизвестных фактически тоже пребывают в проявленном состоянии, хотя в настоящее время мы и не отзываемся осознанно на их импульсы.

Дхиани-Будды представляют собой коллективные идеи, проявляющиеся через свои бодхисатвы — коллективные мысли, или умы, которые, в свою очередь, обнаруживаются в физической жизни коллективно через расовый мозг и индивидуально через высокоразвитых представителей, самый лучший из которых в любом случае становится Мануши-Буддой, или человеческим посредником, через которого закон находит свое выражение. Следовательно, порядок действий таков: сначала идея, потом разум для ее вмещения. Как идея проявляется через разум, так и представителем разума, в свою очередь, временно становится мозг. Таким образом, Гаутама является мозгом Авалокитешвары, равно как Амитабха является идеей. Однако было бы ошибкой полагать, что у Амитабхи,

безграничной идеи, не может быть никакого иного проявления, кроме Гаутамы. Все, что проходит через пятое из семи своих состояний, обнаруживает силы Авалокитешвары и пребывает под контролем этого луча.

Понимание метафизических элементов буддизма может проистекать только из знания брахманической основы этой системы, которую можно выразить следующим образом.

Из того, что вечно — Атмана — вышли Буддхи, связующее звено, и манас, Алмазное Сердце. Из манаса, или ума, появились семь размышлений, или мыслей, из которых пять должны были стать известными, а две остаться скрытыми. После этих мыслей устанавливается все мироздание, и реакции, или взаимные зависимости этих мыслей создают комплексы и внешние выражения жизни. В любом случае чистая мысль, или размышление, приходит на помощь в запутанной ситуации. Неоднородность, проистекающая из смешения различных режимов, устраняется в результате периодического появления в каждом из семи веков чистой мысли данного века, и эта мысль, воплотившись в достигшем совершенства смертном человеке, избавляет этот век от кабалы путаницы и ошибок.

После того как семь мыслей Вечного Мыслителя высвободятся в процессе размышления и войдут в свое первоначальное состояние взвешенности над действием, Алмазное Сердце перестанет воспринимать или осознавать семь Дхианов, или форм интеллекта. Они тотчас же прекратят существование, и само сердце уйдет в вечно размышляющего Будду, который, в свою очередь, погрузится в состояние абсолюта. Нет ничего реального, кроме Ади-Будды, и все сущее состоит из обстоятельств, являющихся результатом большей или меньшей неосведомленности относительно этого факта. Будды создаются, чтобы с помощью своих учений и жизней устранять те формы незнания, которые заставляют человека забывать, что вселенная состоит всего лишь из мыслей и ее существование зависит от придания определенной направленности воли семи Дхианов, размышления которых, отразившись в каждом атоме пространства, утверждают неизбежность действия семеричного закона в природе.

Выдержки из тибетской философии

Не делай другому того, что неприятно тебе самому.

Все счастье, которое есть в мире, проистекло из желания благополучия другим. Все страдание, которое есть в нем, проистекло из потворства собственному эгоизму.

Нет зрения, равного пониманию, нет слепоты, равной невежеству, нет врага, равного болезни, нет ничего ужаснее, чем смерть.

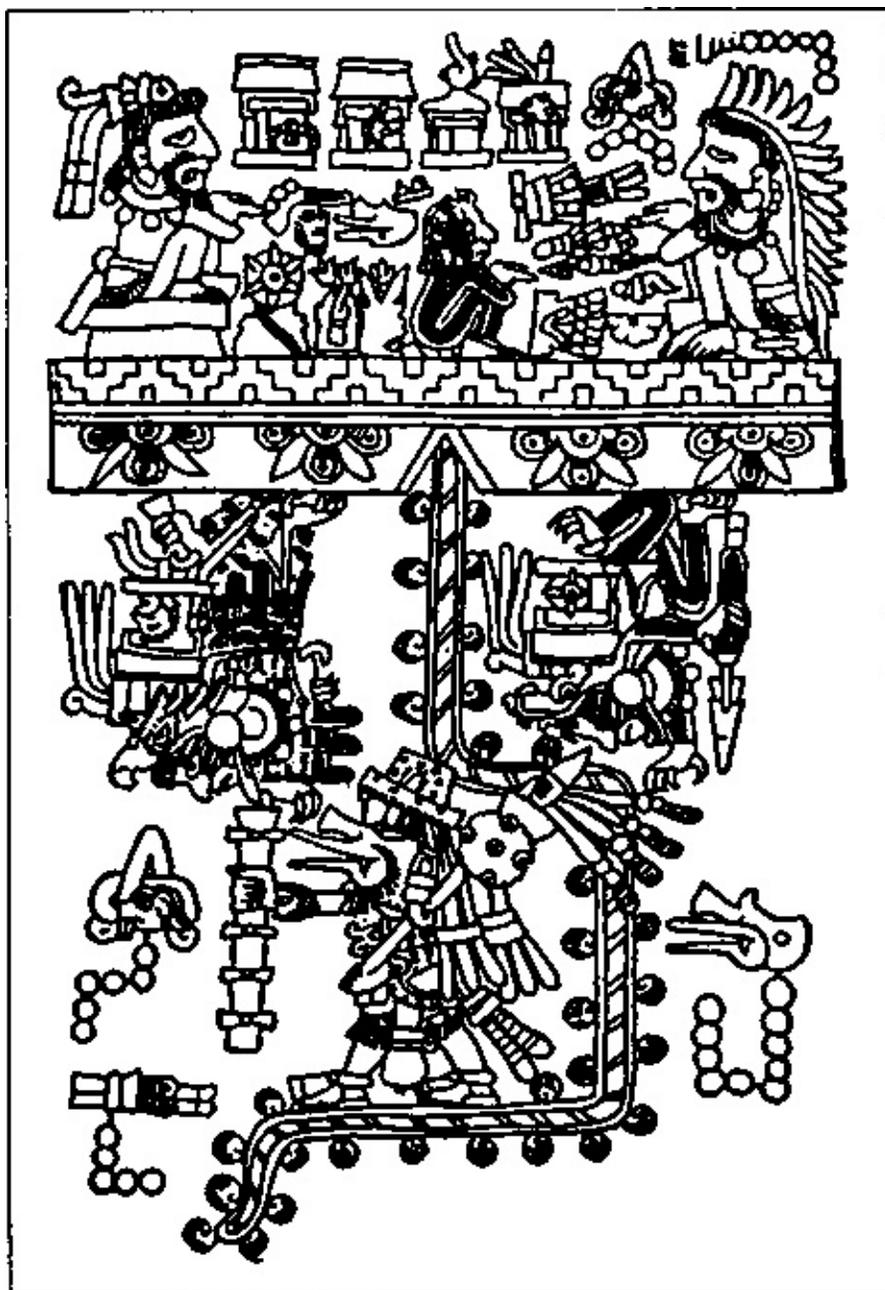
Царя чтят в его владениях, а талантливую человека — везде.

Четыре опасности, таящиеся в речи. Если речь слишком длинна, она утомительна; если она слишком коротка, ее смысл не улавливается; если она груба, то выводит из себя слушателей; если она кроткая, то не убеждает.

Восемь характерных черт людей низкого происхождения. Пользование непристойным языком, невежливость, спесивая манера разговаривать, недалёковидность, грубые манеры, вызывающий внешний вид, аморальное поведение и воровство.

Десять провинностей. Неверие в книги, неуважение к учителям, представление чьей-либо персоны в неприглядном свете, алчность, чрезмерная болтливость, высмеивание чужой неудачи, употребление ругательств, гневливое отношение к старым мужчинам или женщинам, одалживание того, что невозможно вернуть, и воровство.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ

Кецалькоатль, спускающийся с неба по лестнице с тридцатью тремя ступеньками.

В давние-давние времена у цивилизаций Мексики и Центральной Америки появился великий правитель-посвященный. Теперь уже невозможно установить, в какой именно период он жил, но с уверенностью можно сказать, что это было за несколько веков до христианской эры.

Народ в Мексиканской долине называл этого правителя-посвященного Кецалькоатлем, что означает «пернатый змей», тогда как дальше к югу его звали Кукульканом, и это имя имеет то же самое значение. Ему присваивали и другие имена, называя его Эхекатлем — воздухом, Йоккуатом — гремучей змеей, Тохилем — громовержцем, Нанихехекатлем — повелителем четырех ветров и Тлауизкальпантекутли — повелителем света утренней зари. Ему принадлежали небо и звезды, и любое движение вселенной было подвластно ему. Он был хозяином ветров и туч и ангелом-хранителем своего народа.

Современные археологи, работающие в центральноамериканском регионе, пытаются доказать, что Кукулькан жил в IX или X веке христианской эры и был современником Кублай-хана, основателя Монгольской (Юаньской) династии в Китае. Эта гипотеза оказывается несостоятельной, если вспомнить, что маска Кукулькана, его символы и змей-покровитель обнаружены на месте самых древних руин культуры майя и тольтеков. По нашему мнению, первый Кецалькоатль, или Кукулькан, был богом или царем жителей Атлантиды, культ которого в Западное полушарие перенесли те, кому удалось спастись во время атлантического катаклизма. Обосновавшись в Западной полушарии, майя и тольтеки увековечили мифологическую систему своей погрузившейся в пучину империи, сохранив среди прочих своих традиций эзотерические и магические обряды Кецалькоатля.

Проходили века, и среди этих людей появлялись новые герои. Не только возможно, но и вероятно, что некоторых величайших из этих героев считали воплощениями Кецалькоатля и позволили им в знак особого уважения принять его имя и маску и даже удостоили поклонения как воплощение божества. Вполне достаточный для такого заключения прецедент можно найти в греческих преданиях об Орфее, в которых безнадежно перепутались обряды, посвященные нескольким героям с одним и тем же именем, или в легендах о египетском Гермесе, персидском Заратустре и индийском Будде, причем Гаутама стал двадцать девятым в царской родословной мудрецов, носивших тот же титул.

Признав возможность того, что слово «Кецалькоатль» ныне обозначает поколение людей, связанных друг с другом традицией и свершениями, мы тем самым практически полностью разрешим стоящую перед нами дилемму. К тому же вполне вероятно, что последний из тех, кому было дано священное имя, жил в IX или X столетии нашей эры и стал великим воином или государственным деятелем, рассказы о подвигах которого, относящихся к более позднему времени, смешались с легендами о его

предшественниках.

Как и в случае с Заратустрой, существует несколько разных версий повествования о жизни и уходе из нее Кецалькоатля. Эти рассказы почти наверняка представляют собой жизнеописания разных Кецалькоатлей. Сложившееся же на основании различных историй бытие представляется и в самом деле чудесным. В основе легенд лежит, однако, немалая доля правды. За противоречиями и поврежденными письменными свидетельствами смутно угадывается образ великого и благородного человека, основателя получившей широкое распространение религии, верховного жреца священных таинств, ученого, мистика и философа.

Имя Кецалькоатля имело магическую силу от южных границ Соединенных Штатов до высочайших горных вершин Анд. Его таинственному культу служила иерархия жрецов, именовавших себя «змеями», которые посредством ритуалов посвящения приобщались к истинной природе самого бога. Как утверждает Брассер де Бурбур, посвященные культа Кецалькоатля считали себя сынами змея. Упоминается также и о подземном коридоре, ведущем к «подножию небес». Этот коридор назывался «норой змея», и входить в него мог только змей. В этих вполне определенных выражениях заключен оккультный символизм. То, что нора змея, ведущая на небеса, предназначается только для тех смертных, которые стали «змеями», равнозначно ветхозаветному утверждению, что таинства Божии предназначены только для посвященных.

У древних народов было принято скрывать элементы их философских доктрин за мифическими приключениями, приписываемыми герою-богу, воплощавшему собой целую мистическую систему. Легенды о Гайявате так же, как и большинство рассказов об Иисусе, Будде и других великих учителях мира, имеют то же самое происхождение. И легенды о Кецалькоатле ни в коей мере не отступают от этого прочно укоренившегося правила. В описании его рождения, жизни и смерти присутствуют все элементы мастерски разработанного грандиозного мифа с определенным акцентом на теогоническом и астрономическом аспектах.

Поскольку Кецалькоатля часто называют богом-покровителем тольтеков, то представляется уместным обратиться к истокам этого народа. Серьезные споры относительно самого факта существования этого племени показывают, насколько неясным является в действительности этот вопрос. Те, кто оспаривает историчность тольтеков, заявляют, что рассказы об этих людях настолько перемешаны с астрономическими циклами, что легенду в целом следует считать полностью мифологической и связанной с неким

предыдущим положением человека в небесном мире или, возможно, с движением планет в созвездиях. Те же, кто настаивает на реальности существования тольтеков, объявляют их одними из самых первых переселенцев из рода нагуа, которые шли на юг, в Мексиканскую долину, из таинственной страны Ацтлан, название которой означает «место тростниковых зарослей». Мне довелось увидеть мексиканский рисунок, на котором Ацтлан изображен в виде острова в окружении бушующих волн, причем сам остров возвышался посреди высокой горы. Существует несколько легенд относительно происхождения народов нагуа, священная земля которых называлась Тлапаллан, что означает «страна ярких красок». Считалось также, что они могли прибыть из Чикомоцтока, семи священных пещер.

Льюис Спенс придерживается того мнения, что этими двумя местностями, возможно, были Нью-Мексико или Аризона. С другой стороны, в некоторых наиболее достоверных преданиях подчеркивается, что до Тлапаллана можно было добраться только по воде. Предполагали даже, что в легендах указывается на Табаско как на родину этих людей. Отдельные писатели связывают эту страну с Атлантидой, тогда как другие полагают, что их колыбелью была Азия и что эти племена сохранили свою традицию миграций через Берингов пролив, который они преодолевали на каноэ. Но все это можно сравнить с платоновским описанием Атлантиды, представляющим собой символическую и аллегорическую картину, основанную на исторических обстоятельствах. Действительность и фантазия тесно переплелись в интересах жречества, твердо решившего сохранить мифические истины.

Согласно историку Ихтлилхочитлю, приведенная транскрипция взята из книги З. Косидовского «Когда солнце было богом» (Наука, 1991, стр. 316). Второй вариант — Иштлилшочитль — приведен в книге К. Керама «Боги, гробницы, ученые» (Изд-во иностранной литературы, 1963, стр. 374–375), тольтеки основали город Толлан около 566 г. н. э. В настоящее время Толлан отождествляется с мексиканским городом Тулой, штат Идальго, находящимся примерно в 50 милях от Мехико. Существует предание, что во время этого переселения тольтеков вел за собой маг, который с помощью гадания выбрал место, на котором должен был быть заложен великий центр империи. А если тольтекская цивилизация возникла не раньше VI века, то почти невероятно, что Кецалькоатль явился именно этому народу. Видимо, он жил намного раньше, потому что его магическими приемами уже пользовались в расположенном к югу Майяпане. Это заставляет нас думать, что термин «тольтек» допускает два

толкования. С одной стороны, такое название было дано первым переселенцам из числа нагуа, с другой — его можно применить и к мифологическому периоду, который предшествовал исторической цивилизации, периоду, который в Греции известен как Золотой век, когда боги общались с людьми. Несмотря на то что даты и места безнадежно перепутаны, удивительная глубина рассказа о Кецалькоатле и его соответствие тайным обрядам классического языческого мира не могут не вызвать восхищение и не пробудить желание понять его смысл более отчетливо.

Жизнь Кецалькоатля

В один прекрасный день в мифологической стране Тлапаллан три сестры сидели в своем доме. И вдруг перед ними появилось небесное видение, да к тому же такое грозное с виду, что две сестры, едва увидев его, умерли от испуга. Дух обратился к третьей сестре, которая выглядела удивительно спокойной, и объявил, что явился на землю в качестве посланца бога Млечного пути, чтобы найти девственницу по имени Чимальман, или Сочикетцаль. Она должна родить сына в результате непорочного зачатия, и его назовут Кецалькоатлем. Далее предание утверждает, что отцом Кецалькоатля был великий бог Ометекутли, который был непосредственным создателем человеческого рода и которого величают «владыкой нашей плоти». Никто явно не обратил внимания на первые две знаменательные буквы имени этого бога — ОМ. Вряд ли это может быть совпадением. Во многих древних мистических системах всесоздающее имя творца начинается с этих двух букв. Налицо определенная связь с метафизикой Азии.

Лорд Кингсборо упоминает о том существенном факте, что имя Сочикетцаль на древних диалектах означает «поднимание роз» и что в исламских преданиях о рождении Христа он был зачат оттого, что дева Мария понюхала розу. В другом предании объявляется, что бог Ометекутли, который был олицетворением производящих потомство атрибутов абстрактного божества, осенил деву Сочикетцаль, оплодотворив ее своим дыханием, так что Кецалькоатль был дыханием рожденным сыном божественного отца и человеческой матери. И вот у нас уже есть аналогия с Пифагором, отцом которого считается бог Аполлон, и с Иисусом, который был зачат от святого духа, что дословно означает «духовное дуновение, или дыхание», и еще — в британском фольклоре — с магом Мерлином, отцом которого было невидимое существо, огненная саламандра, или дракон, а мать — весталка^[46].

В должное время младенец Кецалькоатль появился на свет, и его рождение сопровождалось таинственными предзнаменованиями и чудесами в небесах, которые всегда сопутствуют божественному воплощению. В некоторых легендах утверждается, что он вступил в земную жизнь, уже обладая совершенной мудростью, так что даже еще будучи младенцем, он обнаруживал способности к рассуждению взрослого человека. Есть и фантастические истории в том смысле, что он появился на

свет уже в головном уборе из перьев и ему поклонялись в равной степени и люди и боги.

Есть и такие повествования, в которых Кецалькоатль оказывается младшим из семи сыновей Ометекутли, но более живучее предание гласит, что он был одним-единственным сыном своего божественного отца и что он пришел в этот мир только на короткое время, чтобы выступить в роли посредника и вернуть заблудшему человечеству благосклонность небесного отца.

Ацтекские хроники со всей определенностью утверждают, что Кецалькоатль — это единственный бог, у которого действительно было тело человека; все остальные божества были бесплотными, пребывая в состоянии, подобном христианскому Богу, которого всегда считают вездесущим. Таким образом, Кецалькоатль полностью соответствует сформулированному Платоном определению полубога. Он — связующее звено между небом и землей, сверхчеловек, образующий собой мост, соединяющий два мира. Он тот Сын, при помощи которого все люди должны прийти к Отцу.

Кецалькоатль родился в день Семи Тростников, и, как и в случае почти всех божественных детей, предание обходит молчанием его детские годы. Поговаривают о величии, но никаких определенных описаний нет. Здесь-то и возникают значительные трудности при попытке согласовать несколько легендарных историй. Согласно некоторым из них, Кецалькоатль действительно родился в Толлане и правил этим тольтекским государством как его принц, но в самой распространенной легенде говорится, что он покинул Тлапаллан и объявился в Веракруссе, перенесясь туда то ли на плоту из змеев, то ли в волшебном каноэ, сделанном из змеиных кож. Что касается внешности, то его обычно представляют человеком зрелых лет или белокожим патриархом с длинными волосами и бородой. В пирамиде в Чолуле имеется его изваяние, изображающее его чернокожим с телом, украшенным астрономическими символами. Прибыв на плоту, он предстал взорам людей закутанным до пят в черную мантию, украшенную каймой из белых крестов. Его голову венчал пышный убор из перьев кетцалья, а в руке он держал магический жезл, с помощью которого совершал все те чудеса, которые приписывают Моисею с его священным посохом. С помощью этого жезла он управлял невидимыми существами и постоянно пребывал в окружении магических сил.

Когда Кецалькоатль взял в свои руки управление делами тольтекского народа, эти люди страдали от засух и голода и на их земле царил великое горе. Зная, что грех был проклятием четвертого века и что все несчастья

постигли этих людей из-за их отхода от предписанного богами благочестия, он поставил перед собой задачу перестроить тольтекскую культуру. Среди прочих дел он учредил жертвоприношения богам и оживил интерес к духовным ценностям. Но все было бесполезно, пока он наконец не пожертвовал собственной кровью во искупление грехов своего народа. Он нанес себе несколько ран, собрал кровь в священные сосуды и предложил ее божествам, заключая тем самым с ними договор с печатью. Напомним, что Один (германский Водан) ранил себя собственным копьем, чтобы обрести право просвещать мир. Как Один, так и Кецалькоатль стали богами воров точно так же, как Христос был распят вместе с ворами, а одним из имен, под которым Кецалькоатль был известен в мексиканских мистериях, было Вотан. Один испанский автор обращает внимание на то, что многие мексиканские преступники поклонялись Кецалькоатлю, а Один был покровителем казненных преступников, потому что добровольно повесился на ветке Древа жизни. Раны самому себе, которыми Кецалькоатль укрощал гнев небес, наносились священными шипами, что напоминает терновый венец Христа.

Наконец тольтекские боги, чтобы сообщить о том, что они приняли жертвы и простили грехи людей, послали со своего высокого Олимпа к Кецалькоатлю в качестве вестника ящерицу, что означало окончание срока его епитимьи. И тогда Мексиканская долина расцвела, как розовый куст и люди зажили в достатке. Прескотт пишет: «Во время пребывания на земле он (Кецалькоатль) учил коренных жителей земледелию и искусству управления. Его влияние было чрезвычайно мягким. Под его опекой народ стал счастливым, воздух был напоен опьяняющими ароматами и сладостным пением птиц. Он проводил со своим народом безмятежные дни, олицетворявшие для них Золотой век Анахуака. По его приказу земля переполнялась фруктами и цветами, без каких бы то ни было усилий по их выращиванию. Початок маиса был так велик, что один человек едва мог его нести. Хлопок, пока рос, приобретал яркие оттенки, словно его окрашивали люди. Куда бы он ни шел, певчие птицы сопровождали его как символы шелестящего ветерка». Итак, мы узнаем, что этот великий маг мановением своей волшебной палочки восстановил рай на земле и правил своим счастливым государством в качестве жреца, а не царя.

В описании личной жизни Кецалькоатля тоже много противоречий. Некоторые утверждают, что он был прославленным посвященным, жившим именно так, как подобает жрецу, и интересовавшимся исключительно духовным здоровьем расы; в других же рассказах упоминается его супруга, Кецальпетлатль, которую описывают как его копию или дополнение

женского пола. И здесь мы находим восточную доктрину шакти^[47], в которой завершенность каждому божеству придает женский атрибут, обычно олицетворяющий более кроткие качества божества. Даже повествования майя, живших на полуострове Юкатан, сходятся в том, что было бы ошибкой считать Кецалькоатля, или, как они его называли, Кукулькана, царем, или светским правителем. Он возводил принцев на трон и поддерживал величие государства, но всегда оставался в стороне от мирских сложностей.

В мексиканских легендах о Кецалькоатле появляются крупницы важных знаний, облеченных в символическую форму. Мы читаем об искушении, которому он подвергся: во время его епитимьи к нему явились духи зла и попытались сбить его с избранного пути. В другом месте сообщается, как он постился в течение 40 дней, что впоследствии стало определенной частью мексиканского религиозного ритуала. Есть еще и чаша, которую ему дали выпить во время мистического таинства, а одним из его многочисленных титулов была Утренняя звезда (Венера). Во всей тольтекской мифологии он выступает как повелитель восточного света, и его следует считать солнечным божеством, равно как и духом ветра. Одно из его многочисленных имен на древнем языке обозначает виноградную лозу или сок винограда. Слово Вотан, означающее человеческое сердце, было его символом, и у мексиканцев существовал обряд, во время которого они вылепливали из теста фигурку Вотана, выпекали ее и, разделив между собой, съедали с большой торжественностью. Лорд Кингсборо обращает внимание на то обстоятельство, что у Мессии, который согласно древнеевропейским пророчествам должен придти в Израиль, будет обезображенное, или изуродованное, лицо и что его внешность будет напрочь лишена привлекательности. Кецалькоатль в точности соответствует этому необходимому условию. Лица почти всех его скульптурных изображений были изуродованы, а те из них, которые не были обезображены, представляют это божество с крайне непривлекательным лицом, обычно испещренным глубокими морщинами, и с единственным выступающим вперед зубом.

Среди легенд майя есть одна, повествующая о том, что, хотя Кецалькоатль и пользовался глубоким уважением у миллионов своих преданных подданных и приверженцев, он навлек на себя злобу жречества, вероятно, потому, что избавил свой народ от оков невежества и суеверий, на которых зиждилось богатство и высокое положение этих хитрых колдунов. Они придумывали множество способов разделаться с ним и как-то раз действительно привели его к жертвенному камню. Но его магия,

видимо, оказалась сильнее, и он одержал победу над своими врагами-жрецами.

Миф об умирающем боге служит бесспорным доказательством наличия мистериального ритуала. Поэтому мы ищем в легенде о Кецалькоатле этот крайне важный лейтмотив, а нам и не нужно искать далеко, потому что любопытные миниатюры, приведенные в Ватиканском кодексе, делают понятной всю эту историю. Перед нами многочисленные изображения распятого бога со странными отметинами на руках и ногах, напоминающими раны от гвоздей.

Процитируем лорда Кингсборо еще раз: «Семьдесят третья страница рукописи Борджиа самая замечательная из всех, потому что Кецалькоатль не только представлен на ней распятым на греческом кресте, но и его погребение и сходение в ад также изображены в очень странной манере». Заставив владыку преисподней преклониться перед ним, Кецалькоатль победоносно восстает из могилы, завершив во всех отношениях мистическую систему, основать которую он явился. Установить, в какой именно период его жизни имел место эпизод с распятием на кресте, невозможно, но, как и в истории распятия на кресте Иисуса, включенные в рассказ элементы носят метафизический, а не физический характер, и дата не имеет никакого особого значения.

В этом месте всеобъемлющий миф снова смешивается с тем, что, возможно, и является, по крайней мере отчасти, историческим повествованием. Мы не можем восстановить по неполным историческим записям хоть сколько-нибудь удовлетворительное описание обстоятельств, приведших к упадку тольтекской цивилизации после Золотого века Кецалькоатля, но мы точно знаем, что сама эта цивилизация, ослабленная внутренним разложением и падением нравов, была уничтожена другими нагу-атланскими племенами под предводительством бога колдунов Тецкатлипоки. Этот демон избрал самого себя соперником Кецалькоатля и решил подорвать власть и могущество мага-жреца. Кецалькоатль, видимо, отождествляется, по крайней мере на время, с тольтекской нацией, а Тецкатлипока и два его соучастника по преступному сговору — с тремя племенами нагуатланских варваров. Говорят, например, что Тецкатлипока, приняв вид старика, добился аудиенции у Кецалькоатля и в качестве врача прописал лекарство от болезни, приключившейся с престарелым жрецом. Снадобье, которое Тецкатлипока дал Кецалькоатлю, на самом деле было пульке^[48], опьяняющим напитком, притупившим его чувства. В этой истории явно сообщается о том, что злые духи одурманили тольтекскую империю наркотиками и довершили ее уничтожение пьяным разгулом и

невоздержан и остью.

Кецалькоатль оставался с тольтеками, пока его империя не была настолько деморализована, вероятно, происками и заговорами его политических врагов, что и дальше сохранять цельность народа было уже невозможно. Понимая, что дело, ради которого он явился, завершено и что он больше не может принести тольтекам никакой пользы, Кецалькоатль покинул Толлан, чтобы вернуться в Тлапаллан, на таинственный «Восток», откуда он прибыл. Отбывая из города, обязанного ему своим величием, он, уже в преклонных годах, отправился в Чолулу — место первой важной остановки. Чтобы его богатства не попали в руки демона Тецкатлипоки, он разрушил построенные им здания и спрятал сокровища и драгоценные камни в пещерах, над которыми с помощью магии воздвиг горы. По словам Льюиса Спенса, мановением своего жезла он превратил деревья какао в мескитовые деревья и приказал всем певчим птицам с ярким оперением оставить долину Анахуак и сопровождать его в его паломничестве. Итак, он покинул эту землю такой, какой нашел ее — пустыней, и на ней осталось его проклятие. Его противники, увидев, что он лишил какой бы то ни было ценности страну, которую они изо всех сил старались отнять у него, умоляли его перед отъездом открыть секреты плавления металлов, живописи и огранки драгоценных камней, которые он передал своему избранному народу. Но бог отказался это сделать и продолжил свое путешествие с идущими впереди музыкантами, которые играли нежные мелодии, чтобы прибавить бодрости его усталым ногам.

В некоторых рассказах утверждается, что Кецалькоатль остался в Чолуле на двадцать лет; другие же значительно сокращают срок его пребывания там. В честь его присутствия там была построена огромная пирамида. Из Чолулы, как сообщается в одном повествовании, он продолжил свой путь к побережью Мексиканского залива, где воззвал к морю, и над водой тотчас же появился волшебный челн из змеиных кож, запряженный драконами. Обернувшись к своим приверженцам, собравшимся на берегу, старик Кецалькоатль произнес пророчество, которому суждено было оправдать будущее падение империи ацтеков. Он сказал, что вернется позднее и вместе со своими потомками установит пятую великую эпоху, которая принесет с собой долговременный рай, о котором воссозданный им с помощью магии Эдем дает лишь слабое представление. Затем, ступив на свой корабль, он скрылся за таинственно изогнувшейся линией горизонта, вернувшись к своему отцу-солнцу, призвавшему его обратно в легендарную страну Тлапаллан.

Впоследствии, когда испанцы высадились в Веракруссе, индейцы

приняли Кортеса за вернувшегося Кецалькоатля и предложили ему корону императора.

Существует еще один рассказ об уходе Кецалькоатля, хотя и не похожий на все остальные, но тем не менее представляющий огромный интерес с точки зрения символизма. В ацтекской мифологии описывается, как престарелый государь после своего отбытия из Чолулы отправился в Коатцакоалькос (Пуэрто-Мехико), где и умер глубоким старцем, почитаемый за свою мудрость. Его тело в сопровождении величественной процессии перенесли на вершину горы Орисаба, где на глазах у собравшейся вокруг огромной толпы его поглотило низринувшееся с небес божественное пламя, как случилось и при кончине Заратустры, персидского Огненного Мага. Когда кольцо пламени сомкнулось вокруг его тела, в самой середине огненного моря появилась птица с таким блестящим, таким великолепным оперением, что пламя потускнело рядом с ним. Это был дух Кецалькоатля, возносившийся на небеса в царственном облике павлина.

Льюис Спенс приводит еще одно описание смерти пернатого змея. Он пишет, что Кецалькоатль «сам бросился в погребальный костер и сгорел, а пепел взметнулся из бушующего пламени вверх и превратился в птиц в сверкающем оперении. Его сердце тоже поднялось в небо и стало утренней звездой. Мексиканцы утверждают, что Кецалькоатль умер, когда эта звезда стала видна, и поэтому они наделили его титулом «Владыка Утренней зари». Еще они говорили, что когда он умер, то оставался невидимым в течение четырех дней, и что в течение восьми дней он блуждал по преисподней, а потом, как только он воскрес и взшел на свой трон как бог, появилась утренняя звезда.

Совершенно очевидно, что определенные части легенды о Кецалькоатле имеют астрономическое толкование. Мексиканцы делили время на периоды, состоявшие из так называемых «связок» лет.

Эти «связки» из пятидесяти двух лет образовывали цикл. Согласно преданиям конец света мог наступить по истечении одного из этих пятидесятидвухлетних периодов, поэтому этот срок всегда отмечался с величайшей торжественностью, а наступление нового года возвещали только тогда, когда в роковой день созвездие Плеяд выходило из зенита. Этот выход обеспечивал империи дополнительные пятьдесят два года жизни, и на протяжении всей эпохи господства ацтеков приносились человеческие жертвы, чтобы умилостивить богов, которые могли продлить существование мира. Кецалькоатль оставался в Мексике в течение пятидесяти двух лет (одной из этих «связок»), и испанцы, как уже отмечалось, тоже прибыли в один из этих критических с психологической

точки зрения периодов. Кецалькоатль исчез из поля зрения людей после великого празднества в честь окончания пятидесятидвухлетнего периода в Чолуле, отправившись в путешествие в том магическом направлении, в каком уходили все великие посвященные, — на восток, к своему вечному дому.

Гумбольдт сообщает, что в конце пятидесятидвухлетнего цикла ацтеки гасили все свои огни, а друиды проделывали этот странный ритуал ежегодно. В этот период индейцы распинали жертву, веря, что с помощью распятия добьются отсрочки приведения в действие разрушительных сил богов.

Фрагменты древней мексиканской метафизики

Стоит только ознакомиться с сохранившимися обрывками нагуатланской мифологии и истории, как становится понятно, что у коренных американцев имелось метафизическое учение высокого порядка. Даже римско-католические писатели признавали, что магия процветала среди народов Мексики и что жрецы и философы этой нации глубоко знали астрологию и некромантию. Вызывает особый интерес случай ареста и содержания под стражей двух ацтекских колдунов, обвиненных церковью в попытке наслать чары на христианское духовенство, когда благочестивым отцам пришлось признать, что заключенные растворились в воздухе прямо у них на глазах, — обстоятельство, которое весьма беспечно было оставлено без внимания. Злосчастный Монтесума был окружен провидцами и пророками, которые, на основании знамений, появлявшихся в небе, предупредили императора, что конкистадоры со своими ружьями и лошадьми отнюдь не посланцы бога-солнца, а обычные смертные грабители, рыщущие в поисках поживы.

Великий государь Монтесума вполне владел традиционным знанием своего народа, и именно это самое знание и привело его к гибели. В древнейших преданиях его расы, увековечиваемых мудрейшими людьми каждого поколения, утверждалось, что история мира делится на пять эпох. Эти пять огромных периодов отделены друг от друга катаклизмами, во время которых погибает громадная часть человечества. В «Ватиканском кодексе» написано, что в первую эпоху властвовала вода, пока наконец не поднялась и не поглотила все живые существа, за исключением двух, спасшихся на дереве. Поскольку в этом предании появляется некая разновидность корабля, возможно, мексиканский Ной с женой благополучно пережил этот потоп. В эту первую эпоху жили великаны и странные чудовища с зубами весом три фунта (1,35 кг) каждый. Вторая эпоха была эпохой ветра, который дул с такой силой, что в конце концов разрушил весь мир. После этого уничтожения уцелели двое — мужчина и женщина, спрятавшиеся в углублении в камне, который оказался таким тяжелым, что ветру не удалось его сдуть. В этот период огромные массы людей превратились в обезьян. Третья эпоха, эпоха огня, завершилась ужасной вспышкой пламени, спалившего мир. И снова спаслись какой-то Ной и его жена, на этот раз нашедшие убежище в подземных пещерах, недостижимых для невыносимого жара. Четвертая эпоха — эпоха

современного человечества, и гибель ее принесет грех — грех человека. В старинном кодексе она называется Эпохой Черного Волоса. На заре этой эпохи колдовство нагуа, предводительствуемых демоническим богом войны Тецкатлипокой, погубило великое племя тольтеков с божественным жрецом-царем Кецалькоатлем во главе. Монтесума знал все это и из того же самого предания знал еще и то, что грядет пятая эпоха, золотой век, когда боги вернуться или, точнее, благосклонно отнесутся к ацтекскому народу благодаря посредничеству их хранителя — пернатого змея.

Выдержки из ацтекской молитвы

О Могучий Владыка, под чьим крылом мы находим защиту и убежище, ты невидим и неосязаем, как ночь и воздух. Как я, такой слабый и никчемный, могу посметь явиться пред твоим величием? Непослушными губами и заикаясь говорю я, моя речь нескладна, она похожа на того, кто скачет среди борозд, или на того, кто идет неровной походкой.

Да, а что сейчас делаешь ты, о Владыка, самый сильный, самый сострадательный, невидимый и неосязаемый, воле которого подчиняются все вещи, от усмотрения которого зависит правление миром, которому все подвластно, — что ты предопределил в своей божественной душе?

О Владыка, всемогущий, преисполненный милосердия, наше прибежище, хотя, конечно, твой гнев и возмущение, твои стрелы и камни причинили жестокую боль этому бедному народу, пусть это будет так, будто отец или мать дают нагоняй детям, дерут их за уши, щиплют им руки, секут их крапивой, выливают на них ледяную воду, делают все, чтобы они могли избавиться от детскости и ребячества.

Так пусть те пташки и твой народ снова поют, обращаясь солнцу; даруй им тихую погоду, чтобы их голоса могли достичь твоих высот и ты мог узнать их.

---

notes

Примечания

Россетти (1844–1871 гг.), — английский художник и поэт, один из главных представителей движения прерафаэлитов в английской литературе и живописи; поэтические произведения Россетти проникнуты мистическими мотивами, культом чистой красоты.

Горизонт — «небесный чертог», дворец царя или храм как олицетворение места, где садится и восходит солнце и где обитает бог Солнца Ра (фараон являлся воплощением бога Солнца на земле).

Стиль — остроконечная палочка, обычно железная, для писания на воощеных дощечках.

Агатодемон — у древних греков «добрый дух, гений».

Кадм — легендарный основатель Фив.

6

Соединение — наибольшее кажущееся сближение небесных тел.

Творец — Мировой некто, Вселенский некто, или, по Платону, Мировая идея, или сущность.

Кабирьы — таинственные божества, почитавшиеся в Египте, Финикии, Малой Азии и Греции и олицетворявшие собою тайные враждебные силы природы.

Ямвлих из Халкиды, в Сирии (умер около 330 г.) — античный философ, ученик Порфирия; основал сирийскую школу неоплатонизма.

Прокл (родился в 410 г., Константинополь, — умер в 485 г., Афины) — древнегреческий философ, глава неоплатоновской школы, «великий схоласт» античности, при котором неоплатонизм достиг своего последнего расцвета.

Лукиан (родился около 125 г., Самосата, Сирия, — умер около 180 г., Афины) — греческий сатирик; был близок к кинической школе, высмеивал слабости людей, особенно их суеверия; значителен как критик философского движения своего времени.

Тенар — мыс и город в Лаконии, близ которых, согласно мифу, находился вход в подземное царство.

Павсаний — спартанский царь, победитель в битве при Платее в 479 г. до н. э.

Демииург — у Платона обозначение Бога как создателя мира из извечно существующего первобытного хаоса, или первовещества; противоположность христианскому Богу, который создает мир из ничего.

Авестийский язык — древнеперсидский язык.

Сезатир — возможно автор имеет в виду книгу «Десатир» — согласно Е.П. Блаватской, древнеперсидское сочинение «Книга Шет»; приписывается Мухсин-Фани; повествует о тринадцати Зороастрах.

Луций Апулей — известный римский писатель, автор романа «Метаморфозы», или «Золотой Осел» (II в. н. э.).

Камбиз (529 по 522 гг. до н. э.) — сын Кира Старшего, его преемник, завоеватель Египта.

Маздакизм — иранская религия, называемая так по имени верховного бога Ахурамазды.

Воху Мана — дух скота, олицетворение Мысли.

Маг — от перс, «magh» — огнепоклонник; персидские жрецы, отличавшиеся своей ученостью и занимавшиеся астрономией и астрологией.

Чжоу — третья китайская династия, правившая с 1050 по 256 гг. до н. э.

Фу-хи, возможно, Фуси — основатель китайской цивилизации, покровитель магов.

Модус — способ существования, вид и характер бытия или события.

Анима — воспринимающее, инстинктивное, животное начало.

Серapis — древнеегипетское божество, верховный бог народов эллинистического Египта.

Стэнли (1625–1678 гг.), — английский философ, профессор в Оксфорде.

Пифийские игры — устраивались близ Дельф в честь Аполлона, убившего дракона Пифона.

Лицей — гимнасий, учебно-воспитательное учреждение для знатных афинских юношей.

Универсум — единая Вселенная, «Мир как целое».

Акрополь — у древних греков возвышенная и укрепленная часть города.

Эволюционизм — мировоззрение, которое все рассматривает с точки зрения развития.

Ирине́й — «Мироготовый», выдающийся отец церкви, родом из Малой Азии, с 177 г. — епископ в Лионе; был представителем практическо-христианского направления в противоположность гностическим теориям.

Обскурантизм — враждебное отношение к просвещению и науке.

Альгамбра — дворец халифов в Гранаде, памятник мавританского искусства XIII–XIV вв.

Симон Маг — волхв, проповедник из Самарии, предшественник гностицизма, по некоторым источникам, основатель первой гностической секты; в христианских преданиях — много раз изобличенный и побежденный антагонист апостола Петра и самого Христа, предтеча Антихриста.

Вайрочана — санскр. «сияющий», Будда в мифологии махаяны и ваджраяны.

Мудра — санскр. «печать, знак», в буддийском ритуале название определенного положения рук, ладоней и пальцев, реже телесной позы, символизирующих какую-либо идею.

Акшобья — в буддийской мифологии махаяны и ваджраяны — Будда, олицетворяющий невозмутимость.

Мара — бог смерти, злой дух-искуситель. Борьба Будды и Мары — одна из тем древнеиндийской мифологии.

Ратна — санскр. «жемчужина, драгоценность».

Амитабха — санскр. «неизмеримый свет».

Амогха-сиддха — будда, олицетворяющий непогрешимую истину.

Ваджрапани — букв, «рука, держащая ваджру», бодхисатва, символизирующий силу, его главная функция — уничтожение заблуждений и тупости.

Каннон — японская богиня милосердия.

Весталка — в Древнем Риме — жрица богини Весты, давшая обет
блюсти целомудрие.

Шакти — др. — инд. «сила», божественная творческая энергия, активное женское начало, духовная сила, персонифицированная в супруге бога, прежде всего, Шивы, благодаря которой он проявляет свои скрытые качества.

Пульке — мексиканский алкогольный напиток из сока агавы.